

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»

С. В. Бураева, А. А. Савельев

**Неправославные христианские деноминации в Бурятии:
история и современность**

Монография

Научный редактор

С. В. Васильева, доктор исторических наук, профессор

Улан-Удэ

Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2024

УДК 27(571.54)
ББК 86.37(2Рос.Бур)
Б 912

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 6 от 8 ноября 2024 г.

Рецензенты

С. М. Дударенок, д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр., ДВО РАН
А. В. Костров, д-р ист. наук, проф. кафедры мировой истории
и международных отношений, ИГУ
С. З. Ахмадулина, канд. ист. наук, доц. кафедры религиоведения
и теологии, БГУ им. Д. Банзарова

Бураева С. В.

Б 912 **Неправославные христианские деноминации в Бурятии: история и современность** / С. В. Бураева, А. А. Савельев; научный редактор С. В. Васильева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2024. — 212 с.
ISBN 978-5-9793-1969-8
DOI 10.18101/978-5-9793-1969-8-2024-1-212

Исследование посвящено проблемам появления и распространения христианских сообществ на территории Бурятии в первой половине XIX — первой четверти XXI в. На основе анализа разнообразных источников (документы государственных и церковных структур, данные интервью, технотронные источники и материалы СМИ) рассматриваются различные аспекты жизни неправославных христианских конфессий и старорусских сектантов, а также их деятельности в политико-правовом контексте Российской империи/Советского государства/постсоветской России.

Buraeva S. V.

Non-Orthodox Christian Denominations in Buryatia: the Past and the Present / S. V. Buraeva, A. A. Savelyev; scientific editor S. V. Vasilyeva. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2024. 212 p.
ISBN 978-5-9793-1969-8

The study is devoted to the issues of the origin and spread of Christian communities in Buryatia in the first half of the 19th — first quarter of the 21st centuries. Based on the analysis of different sources (state and church documents, interview data, technetronic sources and media materials), we have considered various aspects of life of non-Orthodox Christian denominations and Old Russian sectarians, as well as their activities in the policy and legal sphere of the Russian Empire/Soviet State/post-Soviet Russia.

УДК 27(571.54)
ББК 86.37(2Рос.Бур)

© С. В. Бураева, А. А. Савельев, 2024
© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2024

ISBN 978-5-9793-1969-8

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие социокультурные преобразования, произошедшие в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг. и приведшие к возникновению в обществе своеобразного мировоззренческого вакуума, способствовали активизации различных религиозных объединений, причем не только тех конфессий, которые имеют многовековую историю и насчитывают десятки миллионов последователей, но и сравнительно небольших и молодых религиозных образований, зачастую противопоставлявших себя этим конфессиям.

Устойчивость религиозного фактора как одного из важных регуляторов мироощущения значительной части современного российского общества свидетельствует об актуальности дальнейшего всестороннего изучения религиозной проблематики с позиций различных научных дисциплин, в том числе исторической науки.

Несмотря на немногочисленность своих последователей религиозные новообразования заметно влияют на конфессиональное развитие страны и ее регионов, ведут крайне интенсивную деятельность по привлечению новых сторонников. В данном контексте становится очевидной необходимость всестороннего изучения и расширения источниковой базы по истории и современному состоянию таких религиозных течений, которые классифицировались ранее и нередко продолжают классифицироваться в настоящее время как «религиозные секты».

Значительный потенциал в данном направлении имеют региональные исследования. Религиозная история Западного Забайкалья в настоящее время изучается достаточно активно. При этом внима-

ние ученых привлекают в основном традиционные для региона конфессии — православие, древлеправославие (старообрядчество), буддизм и шаманизм. С недавнего времени стали появляться исследования по истории отдельных нетрадиционных религиозных общин или сект в Бурятии, в том числе имеющих христианское происхождение.

Попытки научного осмысления такого многосложного явления, как сектантство, а тем более исследования и анализа источниковой базы по данной проблематике стали предприниматься сравнительно недавно.

Теоретические основы современного научного понимания религиозного сектантства были разработаны в начале XX в. немецким социологом М. Вебером и немецким теологом Э. Трёльчем, которыми была предложена типология «церковь — секта» [Вебер, 1994, с. 78–280; Трёльч, 1996, с. 226–237]. Основной предпосылкой складывания их типологии является процесс эволюции религии, начиная с противостоящей всем секты к поддерживающей ровные отношения с обществом церкви. Американским теологом Р. Нибуром данная типология позже была дополнена переходной стадией — деноминацией, которая имеет промежуточный характер по отношению к секте и церкви. Так, деноминация у Р. Нибура в отличие от секты признаёт иные религии и верования и находится в положительных отношениях с обществом, однако несоразмерна с церковью по длительности существования и количеству последователей. По мнению изучавшей данную теоретическую концепцию Е. Н. Васильевой, она прекрасно подходит для классификации авраамических религиозных движений, к которым относятся и христианские движения, но не корректна, к примеру, по отношению к восточным религиям [Васильева, 2008, с. 13–15].

В свою очередь, многие отечественные и зарубежные ученые уделяли в своих трудах внимание вопросам изучения и классификации исторических источников. Среди зарубежных ученых стоит отметить работы И. Г. Дройзена, который в основу классификации источников положил понятие соотношения источника и факта;

Э. Бернгейма, которым детально и тщательно разработана классификация исторических источников, описаны их виды. Среди российских историков первым действительно научную, типологическую классификацию источников создал в начале XX в. А. С. Лаппо-Данилевский [Дройзен, 2004; Бернхейм, 1911; Лаппо-Данилевский, 2006]. Большое признание получили классификационные схемы Л. Н. Пушкарёва, которые в 1980-х гг. были усовершенствованы И. Д. Ковальченко [Пушкарев, 1975; Методы... 2003].

В истории изучения христианских сект в России выделяют три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. В первый и второй периоды на работу исследователей в значительной степени повлияла политическая ситуация в обществе. Относительно Западного Забайкалья следует отметить, что в силу удаленности региона от центральных губерний и его поликонфессиональности сектантство не получило здесь особенного распространения и соответствующим образом не изучалось. Еще в досоветский период православными миссионерами и светскими исследователями был издан ряд работ описательного и аналитического характера о старообрядцах, буддистах и шаманистах Западного Забайкалья ввиду отсутствия недостатка в исследовательском материале. О последователях же христианских сект — духоборах, молоканах, скопцах, субботниках, а позднее баптистах, пятидесятниках¹ и иеговистах — крупицы информации можно было найти только в архивных документах, скрытых от широкой публики, либо в ходе экспедиций в места компактного проживания последователей тех или иных религиозных учений. Так, первые печатные труды, затрагивающие тематику христианских сект в Байкальском регионе, а именно Иркутской губер-

¹ В современном религиоведении евангельские христиане-баптисты и христиане веры евангельской (пятидесятники) относятся к протестантским деноминациям, что связано не только с разработанностью понятийного аппарата, но и с развитием данных религиозных движений, общины которых с течением времени утратили ряд признаков, позволявших ранее классифицировать их в нашей стране как секты.

нии, появились в начале XX в. в «Иркутских епархиальных ведомостях» [Троицкий, 1913, с. 112–116; Успенский, 1910, с. 147–150], а по Западному Забайкалью такие работы появляются лишь в начале 30-х гг. XX в. [Долотов, 1930]. Поскольку исследуемое явление в территориальных рамках Западного Забайкалья неотделимо от него же, но в территориальных рамках России в целом необходимо дать как комплексный обзор историографии непосредственно христианских сект, так и анализ источникового комплекса по данной проблематике.

Дореволюционный период (середина XIX в. — 1917 г.) характеризуется наличием трех в исследовании сектантства и его истории — государственно-церковное, просектантское и объективистское [Крюков, 2005, с. 45–56]. С середины XIX в. до 1905 г. в историографии доминировало первое направление.

Работы государственных чиновников и экспертов на тему сектантства в основном были написаны по заказу Министерства внутренних дел с целью анализа истории и идеологии сект и поиска способов борьбы с ними. В МВД существовал специальный Департамент духовных дел иностранных исповеданий, который занимался данным вопросом. Чиновники МВД, курировавшие религиозные вопросы, явились авторами первых сочинений, посвященных истории религиозного сектантства в России. Одними из ранних работ являются «Исследование о скопческой ереси» (1844) В. И. Даля, известного лингвиста и фольклориста, одновременно чиновника по особым поручениям Министерства внутренних дел Российской империи, и труды редактора журнала Министерства внутренних дел Н. И. Надеждина. Юристы Н. В. Реутский и А. М. Бобрищев-Пушкин [Реутский, 1872; Бобрищев-Пушкин, 1902; Рейснер, 1990] рассматривали сектантство с правовой точки зрения, судебный медик Е. В. Пеликан исследовал добровольное членовредительство скопцов с судебно-медицинской точки зрения [Пеликан, 1872]. Труды указанных авторов по большей части основаны на первоисточниках — беседах с верующими, анализе законодательства «о расколе и сектантах», исследованиях мифотворчества последовате-

лей той или иной секты. Как правило, труды чиновников и юристов выходили ограниченным тиражом или даже в форме служебных записок и докладов [Крюков, 2005, с. 47]. Излишне отмечать тот факт, что религиозная ситуация в Западном Забайкалье того времени в указанных трудах затронута не была.

Значительны по своему объему труды «противосектантских миссионеров» и других представителей Русской православной церкви (далее — РПЦ): миссионера И. Г. Айвазова, профессоров богословия И. М. Добротворского и К. В. Кутепова, Т. И. Буткевича, этнографа Н. И. Барсова [Добротворский, 1869; Кутепов, 1900; Буткевич, 1915; Барсов, 1869]. Наибольшее значение с историко-ведческой точки зрения имеют работы И. Г. Айвазова «Материалы для исследования секты скопцов» в двух томах, «Материалы для исследования сект духоборов и молокан», изданные в 1916–1917 гг., и другие труды, основанные на первоисточниках [Айвазов, 1904, с. 1247–1351; Айвазов, 1915, т. 1–2; Айвазов, 1916, т. 1, 1917, т. 2]. Несмотря на явную антисектантскую позицию автора данные работы как сборники первоисточников высоко ценились религиоведами и в советское время. Однако они еще не содержат критического анализа исследуемых источников и носят в основном описательный характер. При этом именно церковной историографии принадлежат первые региональные исследования сектантства: в начале XX в. в Прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» появляются статьи миссионеров Иркутской епархии А. Троицкого и Н. Успенского, посвященные соответственно баптистам и духоборам, проживавшим в Иркутской губернии [Троицкий, 1913, с. 598–160; Успенский, 1910, с. 147–150].

Еще одна группа работ — сочинения художественного и публицистического характера, к которым можно отнести труды революционера, писателя и журналиста В. И. Кельсиева, этнографа-беллетриста П. И. Мельникова (Печёрского), Ф. В. Ливанова [Кельсиев, 1869; Мельников, 1976, т. 8, с. 63–122; Ливанов, 1868]. Указанные труды в основном представляют скорее художественный, чем научный интерес. В. И. Кельсиев также известен своими

публикациями официальных российских документов по истории раскола и сектантства, которые были им систематизированы и изданы в Лондоне в виде «Сборника правительственных сведений о раскольниках» в четырёх книгах (1860–1862) и «Сборника постановлений по части раскола» в двух книгах (1863) [Сборник правительственных сведений..., Собрание постановлений...]. Из его вступительного слова четко прослеживается защитительная позиция по отношению к старообрядцам и сектантам. Более того, будучи соратником А. И. Герцена, он пришёл к выводу, что в старообрядчестве, как и в сектантстве, скрыт значительный антиправительственный потенциал, которым можно воспользоваться в интересах революционных преобразований в России.

«Просектантское» направление представлено выходившими в 1860–1870-х гг. работами А. П. Щапова, Н. И. Костомарова, А. С. Пругавина [Костомаров, 1994; Щапов, 1867, № 10, с. 319–348, № 11, с. 138–168, № 12, с. 170–200; Пругавин, 1904, 1905] и др. В своих трудах они полемизировали с представителями церковного направления, представляя сектантство как явление самобытное и положительное, должное иметь равные с традиционными конфессиями права, и призывали к веротерпимости. Такая точка зрения нередко встречала противодействие со стороны как светских, так и духовных властей: ряд книг А. С. Пругавина о расколе был уничтожен по требованию духовной цензуры.

Начало XX в. характеризуется относительной либерализацией политики государства в отношении инославных вероисповеданий, в том числе сектантских групп. В 1905 г. издан Именной Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости» [Именной высочайший указ... 1905], легализовавший положение сектантов и старообрядцев.

Представляют интерес работы исследователей начала XX в., в том числе Н. Г. Высоцкого [Высоцкий, 1914], занимавшегося публикацией архивных материалов XVIII–XIX вв. по истории христов и скопцов. Значительную работу по сбору и анализу источников по истории как «русских», так и протестантских сект проводил

придерживающийся «просектантских» взглядов В. Д. Бонч-Бруевич [Материалы к истории..., 1908–1916, вып. 1–7; Бонч-Бруевич, 1959–1963, 1973], выпустивший помимо многочисленных статей 7 объемных сборников под общим названием «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» (со второго тома — сектантства и старообрядчества), выходявших в 1908–1916 гг. Он тщательно отбирал и делал попытки систематизировать свои источники, в число которых входили делопроизводственные материалы, судебные решения, письма-воспоминания ссыльных сектантов. Сочинения В. Д. Бонч-Бруевича помимо прочего содержат критику существовавшей в то время классификации сект. Так, он выступал против уравнивания сектантов и старообрядцев, что было тогда в порядке вещей. Взамен церковного деления сект на «мистические» и «рационалистические» он предлагает свою классификацию: «свободо-мыслящие» и «евангелические».

Бытованию скопцов в Сибири посвящен очерк М. Вруцевича, в котором он затрагивает период пребывания в Иркутске основателя данной секты К. Селиванова и подробно описывает быт и богослужебные практики скопцов, живших в ссылке в Якутии [Вруцевич, 1905, с. 170–186, 286–313].

Объективистский подход к изучению сект получил свое воплощение в трудах известного историка русской культуры П. Н. Милюкова, который выступил с критикой позиции сторонников как государственно-церковного, так и просектантского направлений. По его мнению, русское сектантство является «самобытным и национальным продуктом», имеющим большое значение для истории русского народа. Это явление не позитивное и не негативное, а скорее, закономерное, которое коренится «во внутренних условиях народно-психологического развития» [Милюков, 1994].

Итогом исследования вопроса о сектантстве в дореволюционный период становится появление новой для начала XX в. богословской дисциплины — «сектоведение». В 1914 г. появляются сразу две работы, посвященные осмыслению итогов развития этой дисциплины в России: «Проблема сектоведения как науки» еписко-

па Варсонофия (Лузина) [Варсонофий (Лузин), 1914, с. 201–216], доцента Казанской духовной академии, и «Опыт уяснения основных вопросов науки сектоведения» Н. Н. Фетисова, преподавателя Киевской духовной академии. Каждая из них представляет собой подведение итогов исследования сектантства в России в теоретическом плане, что делает их более интересными, чем работы о конкретных сектах или исторические обзоры развития сектантства. Интерес представляют размышления Н. Н. Фетисова над самим понятием «секта», в которое он не вкладывает негативную смысловую нагрузку. Сектантским, по его определению, является «движение, которое сознательно уклонилось от богоданного религиозно-нравственного учения, которое содержит историческая Русская православная церковь, уклонение, образовавшееся под влиянием различных богословских и философских идей», то есть «сектантский», по мнению автора, значит «нецерковный» [Фетисов, 1914, с. 444–449].

Таким образом, анализ источников по истории сектантства в дореволюционный период сводится к их выявлению и описанию на их основе того или иного сектантского движения (большинство авторов), собиранию и публикации материалов о тех или иных религиозных группах (И. Г. Айвазов, В. Д. Бонч-Бруевич), разработке задач и понятийных категорий богословского сектоведения (еп. Варсофоний, Н. Фетисов). Внимание к анализу и классификации источников по истории сект для указанного периода не характерно для авторов, вместе с тем накоплен богатый фактический материал, во многом ставший основой для более поздних исследований советского периода.

Второй период (1917 г. — начало 1990-х гг.) характеризуется коренными переменами в подходах к изучению сектантства. На смену дореволюционным концепциям приходит новый подход, который можно условно назвать негативистско-атеистическим [Крюков, 2005, с. 48]. Его становление было тесно связано с формированием идеологии нового государства, предполагавшей постепенное отмирание религии по мере продвижения советского общества к коммунизму.

Развитие установок, влиявших на подходы к изучению сектантства в советском религиоведении, происходило еще в дореволюционный период в работах В. Д. Бонч-Бруевича и, конечно, В. И. Ленина, которым данное явление однозначно рассматривалось как форма социально-политического протеста под религиозной оболочкой [Сафронов, 2013, с. 101].

В начале советского периода и вплоть до принятия тезисов «Сектантство и антирелигиозная пропаганда» партийным совещанием по антирелигиозной пропаганде при ЦК ВКП(б) 27–30 апреля 1926 г. в историографии господствовала точка зрения о сектантстве как форме политического протеста, а о сектантах как пострадавших от царского режима. Широко известны случаи сотрудничества большевиков с общинами баптистов и адвентистов Седьмого дня. Это объясняется уже упомянутыми тезисами Ленина о сектантстве. В начале 1920-х гг. в Сибири еще появляются работы, не подверженные влиянию марксистской идеологии, к примеру, статья М. В. Муратова «Духоборцы Иркутской губернии», источниками к написанию которой послужили как материалы православных миссионеров, так и беседы автора с последователями молоканства [Муратов, 1923, с. 22–58].

Всплеск научного интереса к религиозному сектантству ощущался в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда эта проблема решалась молодыми исследователями, разделявшими принципы марксистского подхода к религии и связанными с Союзом воинствующих безбожников (далее — СВБ). В их сочинениях позитивное понимание явления, свойственное работам В. Д. Бонч-Бруевича, сочеталось с атеистическим неприятием религии, но акцент все же делался на безусловной вредности «религиозных заблуждений».

Наиболее известными авторами того времени помимо В. Д. Бонч-Бруевича являлись заместитель народного комиссара юстиции СССР и пропагандист П. А. Красиков, активисты Союза воинствующих безбожников СССР А. Т. Лукачевский, Ф. М. Путинцев [Красиков, 1923; Лукачевский, 1925; Путинцев, 1927, с. 45–52, 1928, 1935]. С источниковедческой точки зрения заслуживают внимания труды

Ф. М. Путинцева «Методы изучения и критики сектантства» (1928), где было предложено заменить классификацию сект по религиозному признаку на классовый подход, и «Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах» (1927). Данный опросник был разослан по регионам страны и предписывал вести работу по следующим направлениям: 1) наименование, местонахождение и краткая история сект; 2) имущественный, национальный, половой и возрастной состав сект; 3) причины роста (или упадка) сект; 4) политическое прошлое сект; 5) политическая деятельность и роль сект в данное время; 6) сектантские колхозы и кооперативы; 7) сектантские вероучения, обряды и быт; 8) сектантство и антирелигиозная пропаганда. К каждому из этих направлений был составлен список конкретных вопросов. На основе полученных таким образом материалов в 1935 г. Путинцевым была написана книга «Политическая роль и тактика сект». Он в своих работах не только критикует дореволюционную и буржуазную классификацию сект, но и призывает вообще отказаться от этого термина. По его мнению, «свой прежний смысл, характер и значение как сами сектанты, так и термин «секты» потеряли» [Путинцев, 1927, с. 44–45]. Данное утверждение во многом объясняет, почему в исследованиях сектантства 1920–1940-х гг. не встречаются определения данного явления. Сомнения в методике классификации сект Ф. М. Путинцева высказывала на страницах журнала «Антирелигиозник» активист СВБ А. А. Козьмина [Козьмина, 1939, с. 32–36; Иркутск, 1939, с. 45]. Ей же принадлежит исследование по истории христианских сект в Иркутской области 1939 г., содержащее немало фактического материала, однако в нем почти не затрагивается ситуация в Западном Забайкалье.

Важные сведения по истории христианских сект в Бурят-Монголии содержала изданная в Новосибирске в 1930 г. книга «Церковь и сектантство в Сибири» А. С. Долотова [Долотов, 1930]. Так, у него мы узнаем о времени появления в Западном Забайкалье баптистов, соперничающих с ними пятидесятников, а также адвентистов Седьмого дня. Приводятся данные о численности адептов указанных сект в Бурят-Монголии на 1 января 1929 г. С одной сто-

роны, учитывая ненаучный характер исследования А. С. Долотова, мы не можем доверять приведенным данным, тем более что списка использованной литературы и источников автор книги не прилагает. Источником его работ, как и других похожих трудов по антирелигиозной проблематике, служили, как правило, данные ОГПУ.

Более чем 20-летний период времени, с конца 1930-х гг. до середины 1950-х гг., характеризуется общим упадком в изучении религиозной истории. В целом за эти годы не было предпринято ни одного серьезного исследования в области истории религии в целом и религиозного сектантства в частности. Господство атеистической парадигмы, при которой отрицалась состоятельность религии как таковой, делало несостоятельным и ее изучение [Крюков, 2005, с. 49].

В целом период в изучении христианских сект до 1950-х гг. не характеризуется положительно с исследовательской точки зрения даже советскими авторами. А. И. Клибанов позже отметит: «Работы исследователей данного периода не отличаются «академизмом» и иногда «грешат» прямолинейностью, написаны не без жесткости суждений и резкости языка» [Критика религиозного сектантства... 1974, с. 8].

В середине 1950-х — начале 1990-х гг. происходит развитие академического религиоведения, появляются фундаментальные труды и по истории сектантства, уделяется внимание историографии и источниковедению исследуемой проблемы. При этом большинство работ по-прежнему опирается на антирелигиозные идеологические установки и направлены на раскрытие «реакционной сущности сектантства».

Фундаментальные труды по исследованию христианских сект в России принадлежат академику АН СССР, ученику В. Д. Бонч-Бруевича А. И. Клибанову [Клибанов, 1965, 1971, 1973, 1974]. Изложенные в его многочисленных работах по сектантской проблематике установки, свойственные просектантским начинаниям В. Д. Бонч-Бруевича, были поставлены им на фундамент марксистского понимания сущности религии, причем откровенно ненаучные подходы к

изучению сектантства в 1930-х гг. были оттеснены на второй план. А. И. Клибанов, как и его ученики (А. В. Белов, Л. Н. Митрохин, И. А. Мартынчук [Белов, 1978; Митрохин, 1967; Мартынчук, 1974] и др.), при построении своей научной концепции использовали ленинские тезисы о том, что сектантство являлось формой политического протеста, облеченного в религиозную оболочку.

Несмотря на признание школой А. И. Клибанова первостепенной значимости влияния социально-экономических факторов на процессы генезиса и развития религиозного инакомыслия исследование данного явления впервые было поставлено им на относительно прочную методологическую основу. По мнению А. И. Клибанова и большинства его последователей, эволюция сектантства происходила в строгом соответствии с эволюцией общественных отношений, в подтверждение чего им была разработана классификация религиозных сект, по которой проявления религиозного сектантства были поделены на две категории: 1) секты, имеющие народное (демократическое) происхождение и являющиеся политическим протестом в религиозной оболочке; 2) реакционные секты буржуазного типа [Клибанов, 1965]. Более основательный методологический подход к классификации христианских сект разработал В. М. Калугин, который разделил сектантские течения на четыре группы, в зависимости от того, в каких социально-экономических условиях они были сформированы (ранний капитализм, феодализм, поздний капитализм и империализм) [Калугин, 1975, с. 24–28, 1962].

Методологии изучения сектантства посвящена статья Л. Н. Митрохина, который, хотя и пишет, что изучение должно вестись на основе марксистско-ленинской методологии, поскольку только она ведет к получению достоверных знаний, к выявлению объективного содержания из эмпирического материала, однако отделяет марксизм как идеологическую установку от марксизма как методологического принципа [Митрохин, 1967].

Деятельность христианских сект в 1970–1980-е гг. изучалась А. Т. Москаленко и Э. Г. Филимоновым [Москаленко, 1978; Филимонов, 1891]. В работах «Иеговизм», «Пятидесятники», «Идеология

и деятельность христианских сект» А. Т. Москаленко рассмотрены наиболее активные религиозные группы как отечественного, так и западного происхождения, которые разделены им на три группы — православные, иеговистские и пятидесятнические. Общим названием для них служит определение «христианские секты». Источниками исследований А. Т. Москаленко служили как первоисточники, собранные в экспедициях им лично и другими исследователями (в основном А. И. Клибановым), работы «буржуазных» авторов дореволюционного периода, а при изучении западных течений, таких как иеговизм и пятидесятничество, автор был «вынужден» использовать работы зарубежных авторов.

В свою очередь, Э. Г. Филимонов исследует эволюцию христианского сектантства в СССР с позиций социологии, сохраняя традиционную для советского религиоведения атеистическую риторику и выдвигая тезис о необходимости усиления в обществе антирелигиозной работы.

Следует отметить, что практически все крупные советские авторы (А. И. Клибанов, А. В. Белов, А. Т. Москаленко, В. М. Калугин и др.) пользуются в своих работах термином «христианские секты», подразумевая под ним религиозные движения, отколовшиеся как от православия, так и от протестантизма.

Понимание несовершенства классового подхода к изучению сектантства хотя бы потому, что несмотря на провозглашаемое отсутствие классовых противоречий и любых форм социального протеста при социализме религиозные секты в СССР по-прежнему существовали, порождает необходимость в новых теоретических подходах в 1980-х гг. Так, Л. Н. Митрохин писал: «Чтобы конкретно-социологическое исследование религии отвечало требованиям марксистско-ленинской методологии, оно должно опираться на общую научную теорию религии, на знание ее существенных черт и форм их проявления, основных закономерностей ее развития и преодоления» [Митрохин, 1985, с. 9–10].

Активные изыскания исследователей в области сектантства продолжают примерно до конца 1970-х гг., в последующем эта

активность постепенно снижается. Признание множественности факторов, влияющих на развитие религиозного инакомыслия, шло вразрез с господствовавшими идеологическими установками, следствием чего стали методологический кризис и некоторое снижение интереса к проблеме.

Количество региональных исследований по вопросам сектантства в послевоенный период незначительно. В «Вопросах истории религии и атеизма» в 1960–1970-е гг. выходит ряд материалов о сектантстве в Тамбовской, Липецкой, Воронежской и Рязанской областях. Сибирские регионы аналогичными публикациями практически не отмечены. Применительно к Западному Забайкалью помимо упомянутых ранее работ А. С. Долотова и А. А. Козьминой 1930-х гг. следует отметить изданные в 1960–1980-е гг. антирелигиозные брошюры, к примеру работу Н. И. Крючкова и Т. М. Михайлова «Преодоление религиозных пережитков в Бурятии», которая дает некоторый фактический материал о положении отдельных протестантских общин (в работе используется термин «секты») на территории республики, фактах нарушения их последователями советского законодательства о культах. Источниками для данной работы, как и для более ранних трудов на сектантскую тематику, послужили данные государственных органов, осуществлявших контроль над религиозной ситуацией в регионе.

Следует отметить вклад в разработку проблемы в указанный период зарубежных исследователей. Так, в 1980-х гг. американский исследователь Ю. Клэй опубликовал несколько работ о русских хлыстах в XIX–XX вв. В конце 1980-х гг. появляются серьезные работы теоретического характера, к примеру, труды Дж. Бекфорда и А. Баркер [Баркер, 1997], которыми введено в оборот понятие «новые религиозные движения» (далее — НРД). Следует отметить, что среди западных исследователей имелись и авторы, активно использующие в своих работах понятия «культ» и «секта». Это Т. Гандоу, У. Мартин, Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт [Гандоу, 1995, 2001, с. 103–107; Мартин, 1992; Макдауэлл, Стюарт, 1994].

Период 1990–2010-х гг. характеризуется значительными изменениями в подходах к изучению сектантства, развитием терминологии, появлением новых видов источников, расширением источниковой базы исследований, в том числе в связи с увеличением количества самих сектантских движений в России.

В исследованиях проблематики сект вновь появляются и занимают прочные позиции работы церковных и околоцерковных авторов, среди которых выделяются работы А. Л. Дворкина, А. В. Кураева, Н. В. Кривельской [Дворкин, 1997, с. 10–15, 2003; Кураев, 1997; Кривельская, 1999; Религия и обществ... 2002]. С различных исследовательских позиций пытаются осмыслить новое для страны явление Е. Г. Балагушкин, Н. А. Трофимчук, Б. З. Фаликов, И. Я. Кантеров и С. Б. Филатов [Балагушкин, Квасникова, 1993; Новые религиозные культы... 1998; Фаликов, 2007; Кантеров, 2006, 2001, с. 61–72; 2002, с. 21–27]. Продолжает свою научную деятельность Н. И. Митрохин. Исследования по истории государственно-конфессиональных отношений в XX в. проводит М. И. Одинцов [Одинцов, 2002]. В условиях свободы печати появляются работы, ангажированные самими исследуемыми религиозными движениями, например, книги С. И. Иваненко «"Свидетели Иеговы" — традиционная для России религиозная организация», «О людях, никогда не расстающихся с Библией» [Иваненко, 1999, 2002]. Интересны юридические обоснования допустимости официального употребления термина «секта», предложенные К. Е. Кирилловой и И. Б. Воробьевой [Кириллова, 2006; Воробьева, 2010, с. 160–164].

Отмечается рост региональных исследований сектантства, в которых рассматривается широкая проблематика, в том числе вопросы историографии и источниковедения. Так, деятельность «русских» сект и протестантских групп на Кубани в период XIX — начала XX в. изучает А. В. Крюков, на Северном Кавказе — Д. Ф. Кулиев, в Среднем Поволжье — А. Д. Берман [Крюков, 2005, с. 49; Кулиев, 2010, с. 48–54; 2009, с. 126–133; Берман, 2006]. Историографией христианских сект в России дореволюционного периода в начале 2000-х гг. занималась Т. И. Лузина [Лузина, 2004, с. 16–23].

Государственную и церковную политику в отношении «мистических» и «рационалистических» сект в дореволюционной России рассматривала В. Ю. Далецкая [Далецкая, 2005]. Положению христианского сектантства в довоенном СССР посвящена объемная монография М. Ю. Крапивина, А. Я. Лейкина, А. Я. Далгатова [Крапивин, Лейкин, Далгатова, 2003].

Взаимоотношения протестантских религиозных групп и органов власти в Советской Сибири рассматривает А. И. Савин [Советское государство... 2004; Савин, 1998, с. 91–100; 2002, с. 57–80]. С источниковедческих позиций им исследована проблема отражения сектантства в сибирской печати в 1920–1930-е гг., а также репрессивная политика сибирских властей по отношению к сектантам в указанный период.

Примером научного исследования протестантских деноминаций могут служить коллективные монографии «Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность» (Новосибирск, 2006) и «Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье» (Чита, 2003) [Бадмаев, Адыгбай, Бурнаков, Маншеев, 2006; Жуков, Янков, Баринов, Дроботушенко, 2003]. В указанных работах широко привлечены как письменные, так и устные источники.

В историографии Байкальского региона выделяются диссертационные исследования М. Ф. Желноваковой «Протестантские конфессии в Иркутском регионе в середине XIX — начале XXI в.» [Желновакова, 2010, 22 с.; 2010, 73–77; 2010, с. 22–25] и Н. С. Кондаковой (Зубаковой) «Протестантизм на конфессиональном поле Забайкальского края», а также ее совместная с А. В. Жуковым монография «Свидетели Иеговы в Забайкалье» [Кондакова, 2010; Зубакова, 2008, с. 279–282; Жуков, Кондакова, 2011].

Взаимоотношения государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1920–1940-е гг. изучены С. В. Васильевой [Васильева, 2003, 2007, 2010], Н. Н. Стахеевой, А. В. Костровым [Костров, 2011], И. С. Цыремпиловой и Л. В. Курасом [Цыремпилова, Курас, 2005, с. 70–76; Цыремпилова, 2008, с. 114–118]. Взгляд на проблему с православной точки зрения представлен в работах О. В. Бычкова и

И. А. Арзуманова [Бычков, 1996; Арзуманов, 2009, с. 317–323]. Обращает на себя внимание основанное на архивных материалах Управления ФСБ России по Республике Бурятия исследование А. В. Тиваненко, посвященное бытованию тайной «секты» последователей Иоанна Кронштадтского, живших в тайге недалеко от станции Мысовая в 1920–1940-х гг. [Тиваненко, 2010]. Феномен нетрадиционной религиозности в РБ на современном этапе рассмотрен в монографии Е. Б. Баторовой, С. З. Ахмадулиной [Баторова, Ахмадулина, 2010].

Историографический обзор по исследуемой проблематике позволяет сделать вывод о том, что несмотря на обширный спектр научных и публицистических работ по проблеме христианских сект до настоящего времени не предпринимались попытки комплексного анализа в рамках одного исследования по истории в Забайкалье христианских сект как явления в конфессиональной истории региона. Имеющиеся в настоящий период работы охватывают лишь определенный период их деятельности на территории Бурятии, что затрудняет формирование целостного представления о данном явлении с момента его возникновения в исследуемом регионе до нашего времени.

В центре внимания авторов настоящей монографии — генезис и особенности бытования христианских сект в Западном Забайкалье и отражение динамики этого процесса в исторических источниках. В досоветский период это «русские» секты — духовные христиане (молокане), духоборы, христоверы (хлысты), скопцы, субботники (иудействующие), иониты (хлысты-киселёвцы), а также последователи поздних протестантских течений — баптизма, адвентизма, пятидесятничества. В советский период к указанным течениям добавляются Свидетели Иеговы. Для современного этапа характерно многообразие религиозных движений сектантского типа. При этом баптизм, адвентизм и пятидесятничество уже не входят в их число, поскольку в основном приобретают черты деноминаций.

Необходима точная формулировка дефиниций, применяемых в монографическом исследовании. Рассмотрим их ниже.

«Секта религиозная». Еще Т. И. Буткевич [Буткевич, 1915, с. 4] в 1915 г. отмечал, что латинское слово «секта» (secta) активно использовалось древними авторами (Тацит, Плиний, Цицерон) и употреблялось для обозначения философского метода, правила, школы, учения, отделившихся от общепринятого мировоззрения, приемов, правил и господствующего философского учения, что свидетельствует о том, что изначально указанное понятие не несло в себе какой-либо отрицательной смысловой нагрузки. С данным утверждением соглашаются и современные исследователи [Прилуцкий, Погасий, 2003, с. 164–170].

По мнению ряда специалистов [Кириллова, 2006; Воробьева, 2010, с. 160–164], термин «секта» сегодня постепенно утрачивает свои негативно-оценочные черты, присущие ему в досоветских и советских исследованиях, и может использоваться в научной среде в качестве нейтрального определения одного из типов религиозных объединений. При этом даже те авторы, которые выступают против использования указанного термина в современном законодательстве и юридической практике, допускают возможность его применения при изучении исторических процессов [Муру, 2009, с. 85]. Учитывая тот факт, что наше исследование затрагивает значительный исторический период, на протяжении которого термин «секта» являлся основным при изучении интересующего нас явления, что отражает и рассмотренный нами комплекс источников, полагаем целесообразным использовать данный термин в настоящей работе.

На наш взгляд, наиболее подходящим для современного использования является определение доктора исторических наук, профессора И. Н. Яблокова (1994), в соответствии с которым секта религиозная — это «оппозиционное течение по отношению к тем или иным религиозным направлениям. Для нее характерна претензия на исключительность своей роли, доктрины, принципов и ценностей. С этим связаны настроения избранничества, а нередко и тенденция к изоляционизму. Выражено стремление к духовному возрождению. Институт священства отсутствует, лидерство считается харизматическим. Провозглашается принцип добровольности объединения,

делается акцент на «обращении», предшествующем членству. Со временем секта религиозная может трансформироваться в деноминацию или церковь» [Борунков, Яблоков, Новиков и др., 1994, с. 60].

Приведем еще несколько определений. Так, по мнению православного миссионера И. Г. Айвазова (1909), секта — это «...организованное и тесно сплоченное общество людей, отпавших от господствующей церкви по коренному религиозному разномыслию с ней, но согласных друг с другом в вопросах веры» [Айвазов, 1904, с. 1248]. Из зарубежных определений наиболее известно определение М. Вебера (1912): «Секта — это общество спасенных, стремящихся отделиться и отгородиться от внешнего мира» [Вебер, 1990, с. 176, 244].

«Краткий научно-атеистический словарь» (1969) определяет секты как «...общее название различных религиозных групп, обществ, возникающих и развивающихся внутри того или иного религиозного направления под влиянием противоречий классового общества» [Краткий научно-атеистический..., 1969, с. 620].

А. И. Клибанов (1973) не дает стройного определения, однако описывает ряд черт, отличающих секту: характерна исключительность, нетерпимость друг к другу, соперничество, страстная полемичность, самоутверждение путем отрицания всего находящегося вне принятого круга мысли и деятельности; секта порождается борьбой с религиозными институтами господствующего класса; как тип социальной общности религиозная секта противоположна церкви [Клибанов, 1973, с. 5].

Несмотря на активное использование как советскими, так и современными исследователями понятия «**христианские секты**» никто из них не дает его определения. Исходя из приведенных определений понятия «секта» «христианская секта» — это тип оппозиционного религиозного течения, отделившееся от одной из христианских конфессий — православия, католицизма или протестантизма, утверждающее исключительность своей роли, доктрины, принципов и ценностей по отношению к той конфессии, частью которой оно ранее являлось. Христианская секта может частично сохранять

организационную структуру, обрядовость, терминологию и в ряде случаев символику основной конфессии, что позволяет классифицировать ее как христианскую.

«Деноминация» — промежуточная стадия развития молодой религии между сектой и церковью. По мнению И. Н. Яблокова, «деноминация может развиваться из других типов объединений или складываться с самого начала в качестве таковой. Ее идейные, культовые и организационные принципы формируются в оппозиции к церкви и секте. Сохраняя акцент на «избранности» членов, она признает возможность духовного возрождения для всякого верующего. Изоляция от «мира» и замкнутость внутри религиозной группы в отличие от секты не считаются обязательными признаками «истинной» религиозности, хотя и выдвигается принцип постоянного и контролируемого членства. Наблюдается тенденция к соединению с «миром», последователи призываются к активному участию в жизни общества. Деноминации присуща четкая организация как по горизонтали, так и вертикали [Основы религиоведения..., с. 61].

Применительно к нашему исследованию отметим, что ряд религиозных сообществ, ранее относимых исследователями к сектам (прежде всего это последователи баптизма и пятидесятники), в настоящее время приобрел признаки деноминации, что также учитывается в работе.

«Новое религиозное движение». Термин впервые появляется в 1980-х гг. в работах А. Баркер [Баркер, 1997], а в отечественных исследованиях — в 1990-х гг.: религиозная или духовная группа, зародившаяся сравнительно недавно или ещё не получившая общественного признания в качестве религии, деноминации или «церкви». НРД принято называть религиозные течения, существующие в современном мире начиная со второй половины XX в., поэтому, к примеру, было бы некорректно называть упоминаемых в работе молокан, духоборов, скопцов, история которых насчитывает более 300 лет, «новыми религиозными движениями». Также, на наш взгляд, было бы некорректно относить их к протестантским течениям, поскольку они несмотря на наличие общих черт развивались в

разных направлениях с европейским протестантизмом, не пересекаясь между собой.

Не согласимся и с некоторыми исследователями, «насильно» относящими к протестантам Свидетелей Иеговы и Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны), поскольку, во-первых, Свидетели Иеговы и мормоны сами требуют не относить их к протестантам, предпочитая определение «христиане», а, во-вторых, практически все другие протестантские течения также выступают категорически против отнесения Свидетелей Иеговы и Мормонов к протестантам по причине серьезных доктринальных разночтений.

Указанная терминология по-прежнему дискуссионна и требует дополнительной проработки. При этом авторы ставят четкие различия между «сектой» как типом религиозного объединения и «тоталитарной сектой» (термин введен А. Л. Дворкиным), т. е. таким религиозным объединением, в котором практикуется посягательство на личность и права верующих.

Хронологические рамки материалов монографии охватывают период с 1830-х гг. до современности. Нижняя хронологическая грань определяется концом 30-х гг. XIX в., поскольку в указанный период появляются самые ранние из выявленных нами источников по истории христианских сект Западного Забайкалья.

Крайне важно точно очертить территориальные рамки работы. Для раннего периода они охватывают регион Западного Забайкалья, под которым понимается территория, до 1851 г. принадлежавшая Удинскому уезду Иркутской губернии, с 1851 г. бывшая Верхнеудинским округом, а с 1901 г. уездом Забайкальской области. С 1923 г. это Бурят-Монгольская АССР, с 1958 г. — Бурятская АССР, а с 1992 г. — Республика Бурятия.

Монография основана на изучении регионального комплекса исторических свидетельств, многоаспектном рассмотрении аутентичных письменных, устных и технотронных источников. На основе введения в научный оборот более 400 архивных документов, публикаций в периодических изданиях, устных, фото-, видео- и Internet-материалов дана подробная характеристика и проведен

компаративный анализ хранящихся в государственных и ведомственных коллекциях региона ценных свидетельств более чем полуторавековой истории формирования и деятельности христианских сект, движений и деноминаций. Впервые приведены дополненные сведения о существовании в Западном Забайкалье в досоветский период «русских сект» (молокан, духоборов, скопцов, субботников, христоверов (хлыстов). Анализ архивных источников позволил датировать появление в регионе первых представителей сектантских течений западного происхождения.

Письменные источники представлены материалами из государственных архивов Иркутской области (ГАИО), Республики Бурятия (ГАРБ), Забайкальского края (ГАЗК). Исследованы документы фондов № 50 «Иркутская духовная консистория», 24 «Главное управление Восточной Сибири», 10 «Верхнеудинская городовая управа», 262 «Селенгинский Троицкий монастырь», 186, 286д «Верхнеудинский Одигитриевский собор», 337 «Верхнеудинское окружное полицейское управление», 20 «Верхнеудинский городской магистрат», 108 «Верхнеудинский городской суд», 11 «Верхнеудинская городская управа и городничий», 90 «Верхнеудинская городская полиция», 92 «Канцелярия кяхтинского градоначальника», П-1 «Бурятский областной комитет КПСС», Р-581 «Бурят-Монгольский областной союз воинствующих безбожников», Р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР», Р-248 «Совет Министров БАССР», 1 «Забайкальское областное правление», 282 «Церкви Забайкальской области», 8 «Забайкальская духовная консистория».

Изучен ряд делопроизводственных документов из ведомственного архива УФСБ России по Республике Бурятия. Опубликованные источники были выявлены в фондах Российской государственной библиотеки, Национальной библиотеки Республики Бурятия, Научной библиотеки БНЦ СО РАН и Бурятского госуниверситета.

Основу источниковой базы работы составили письменные источники различных видов. Законодательные акты представлены законами, правительственными указами и постановлениями о расколе

и правах раскольников и сектантов, размещенными в Полном собрании законов Российской империи, сборниках: «Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов», «Законы о раскольниках и сектантах (с разъяснениями Святейшего Правительствующего синода и Правительствующего сената)», «Собрание постановлений по части раскола. Постановления Министерства внутренних дел», «Закон, религия, церковь. Сборник документов КПСС». К законодательным материалам советского периода относятся декреты ВЦИК и СНК по вопросам религиозных культов, инструкции НКЮ и НКВД по их внедрению, постановления постоянной комиссии по вопросам культов при ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР, регулирующие права, обязанности и направления деятельности религиозных объединений.

Особый интерес представляют циркуляры и постановления Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел Российской империи, а также Совета по делам религиозных культов, Совета по делам религий при СМ СССР, где руководящим органам региона даны конкретные рекомендации в отношении последователей сект. Указанные документы сосредоточены в фондах ГАРБ «Верхнеудинское полицейское управление» (№ 337), «Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР» (№ Р-1857).

Следующую группу письменных источников составляют материалы официального делопроизводства, которое, в свою очередь, делится на общее и специальное. К материалам специального делопроизводства относятся переписка местных и центральных органов, ежегодные отчеты местных надзорных органов центру. Для дореволюционного периода это отчеты Верхнеудинской городской управы, с 1867 г. — Верхнеудинского полицейского управления, а для советского — ежегодные отчеты уполномоченного по делам религий при СМ БАССР. Все эти источники отложились в фондах ГАРБ (№ 337, Р-1857). Привлекались к работе и приложения к данным отчетам, опубликованные в форме ведомостей и сводных таблиц, а

также документы судебного делопроизводства — постановления земских судов, судебные постановления советского времени.

В целом материалы этой группы позволяют установить различные сведения, касающиеся бытования христианских сект в Западном Забайкалье, — их численность, сословную принадлежность, а также проследить взаимодействие различных ведомств в отношении объекта нашего исследования как внутри региона, так и за его пределами.

К материалам общего делопроизводства можно отнести документы РПЦ, в первую очередь материалы Забайкальской духовной и противораскольничьей миссии. Они также подразделяются на две группы: документы миссии, находящиеся в архивных фондах, и документы, опубликованные в церковной периодической печати (газеты «Иркутские епархиальные ведомости» и «Прибавления» к ним (выходили с 1863 г.), «Забайкальские епархиальные ведомости» (выходили с 1900 г.), журналы «Православный благовестник», «Миссионер»), хранящиеся в основном в библиотечных фондах (Национальная библиотека РБ, Научная библиотека БНЦ СО РАН, Научная библиотека Иркутского государственного университета). Ценные сведения о «противораскольничьей» деятельности миссии содержатся в Отчете о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 год, изданном в г. Чита.

Нами также использовались материалы периодической печати — светская пресса: газеты «Номер один» (2001–2012), «Информ Полис» (2002–2014), «Бурятия» (1999–2005), «Новая Бурятия» (2011–2013), «Центральная» (2002–2005), «Пятница плюс» (2002), «Правда Бурятии», (1961–1978), «Молодежь Бурятии» (1962–1998), «МК» в Бурятии (1999–2009), газета Заиграевского района «Вперед» (1993); периодические издания РПЦ: «Миссионерское обозрение» (1996), «Православная Бурятия» (2011–2014); журналы Свидетелей Иеговы «Сторожевая Башня» и «Пробудитесь!» (1996–2007); газеты христиан веры евангельских (пятидесятников) «Христианская жизнь. Приангарье» (2007–2014) и «Мир Вашему Дому» (2009–2014).

Важную часть источниковой базы представляют источники устного происхождения, которые были получены в форме «свободного интервью» с религиозными деятелями — представителями Русской православной церкви, лидерами религиозной общины христиан-отшельников, «целительских» вероучений, созданных на основе положений различных религиозных течений в 2008–2014 гг. в Кяхтинском, Муйском районах РБ и г. Улан-Удэ.

Группа технотронных источников представлена тематическими публикациями электронных СМИ, иными ресурсами сети Интернет тематического, справочного и научного характера, находящимися в открытом доступе в российской доменной зоне, ведущимися на русском и английском языках. Кроме того, проанализированы видеосюжеты региональных СМИ, а также фотоматериалы по исследуемой проблематике.

В качестве дополнительных источников привлекались научные повествовательные источники — монографии и публикации, посвященные различным аспектам истории нетрадиционных религий и сект в Сибири и Бурятии.

Изучение источников проводилось в тесной взаимосвязи общенаучных (анализа, системного, логического, интерпретации) и специальных (сравнительно-исторического и историко-типологического) методов. Системный подход позволил комплексно исследовать выявленные источники с применением методов других научных дисциплин (эвристики, палеографии, антропологии, культурологии). Методологическую основу исследования составили подходы и теоретические концепции, нашедшие отражение в трудах М. Вебера, Э. Трёльча, Р. Нибура, В. Д. Бонч-Бруевича, А. И. Клибанова, И. Н. Яблокова, Э. Бернгейма, А. С. Лаппо-Данилевского, Л. Н. Пушкарёва, И. Д. Ковальченко, В. М. Магидова.

При решении конкретных задач применялись традиционные методы: сравнительно-исторический, проблемный и хронологический. Частично применен историко-описательный метод для характеристики основных групп исследуемых источников и отдельных событий в истории России и Забайкалья, значимых для настоящего исследования.

Глава I

ХРИСТИАНСКИЕ СЕКТЫ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1830–1917 гг.

1.1 Христианские секты Западного Забайкалья в политико-правовом контексте Российской империи

Прежде чем приступить к изучению государственной и церковной политики Российской империи по отношению к представителям христианских сект, необходимо обозначить особенности конфессиональной ситуации в России в XVII — начале XVIII в., на фоне которой формировались и развивались русские внецерковные религиозные течения или первые «русские» секты.

В дореволюционном сектоведении (Т. И. Буткевич, И. Г. Айвазов) появление и развитие сектантства в России объяснялись следующими причинами:

- религиозное невежество значительной части населения;
- влияние иностранной (в первую очередь протестантской) религиозной культуры;
- неудовлетворенность состоянием церковной (приходской) жизни;
- внутривнутриполитические причины;
- духовно-нравственные причины.

Позиция советских исследователей сектантства хорошо изучена по работам В. Д. Бонч-Бруевича, А. И. Клибанова, поддерживающих точку зрения В. И. Ленина о сектантстве как форме политического протеста в религиозной оболочке.

По мнению современных исследователей [Далецкая, 2005], основной предпосылкой к активизации и дальнейшему распространению в России религиозного инакомыслия послужило нарушение

единства православной церкви в ходе церковного раскола XVII в., породившее в народном сознании сомнения в незыблемости и непререкаемости ее учения, и включившее процессы поиска альтернативных религиозных концепций.

Свою роль в указанный период сыграло и окончательное «огосударствливание» церкви, которая в XVIII в. по итогам петровских реформ фактически превращается в один из государственных институтов, становится проводником его интересов. Таким образом, недовольство государством и его политикой автоматически распространялось в глазах части крестьянского населения и на православную церковь, которая переставала считаться защитником угнетенных.

Не находя поддержки и объяснения своего бедственного положения у православного духовенства, народные «богоискатели» и «правдоискатели» обращались к альтернативным идеям, отвечающим их пониманию справедливости, морали и нравственности, но, как правило, отрицающим церковные структуры, институт священства, иконы и иную символику официальной веры. При этом часть недовольного своим положением населения охотно следовала за такими духовными лидерами, а рядовые приходские священники в силу недостаточного уровня своей богословской подготовки зачастую не в силах были противостоять распространению сектантских учений.

Таким образом, складывающаяся в конце XVII в. конфессиональная обстановка способствовала выделению из православия сектантских общин, при этом данная атмосфера сохранялась как на протяжении XVIII–XIX вв.

Одной из наиболее ранних русских сект считаются христоверы, или «хлысты» («люди Божьи»). Их общины стали возникать в центральных губерниях Российской империи примерно во второй половине XVII в. Хлыстами отрицались институт священства, святые, священные книги, а также государственные институты, проповедовался строгий аскетизм, практиковались самобичевание, экстатические формы богослужений. Поначалу они в целях конспирации продолжали посещать церкви, собираясь на свои собрания («радения») в ночное время.

В XVIII в. из христоверческого движения выделяется течение скопцов, противопоставлявших радениям хлыстов, в которых им виделся разврат, «борьбу с плотью» для спасения души в ее крайней форме — оскотлении. Скопцы считали свои общины «колониями ангелов на Земле», а поскольку ангелы существа бесполое, первичные половые признаки были для них не столь важны. Наибольшее распространение скопческое течение получило в Тамбовской, Курской, Орловской губерниях [Клибанов, 1973, с. 17]. Государство и церковь жестко преследовали скопцов, подвергая телесным наказаниям и ссылая в Сибирь. Первый суд над последователями скопчества в количестве 246 человек состоялся в 1772 г. Следует отметить, что наиболее известным представителем «русского» сектантства, побывавшим в Байкальском регионе еще в XVIII в., являлся основатель скопческого движения, беглый крепостной крестьянин Орловской губернии Кондратий Селиванов (? – 1832), который в 1775 г. был сослан на каторгу в Нерчинск, однако добрался только до Иркутска и остался там на поселении. По имеющимся сведениям, в Иркутской губернии Селиванов прожил до 1796 г. и за это время неоднократно принимал делегации единоверцев, пытавшихся вернуть его из ссылки [Селиванов, 1890–1907, т. 29, с. 352–354]. По легенде, изложенной в работе М. Вруцевича «Сибирские скопцы», Селиванова, утверждавшего, что он является императором Петром III, вывезли из иркутской ссылки по личному указанию Павла I, желавшего проверить эти утверждения. По результатам состоявшейся встречи Павла и Селиванова, ожидаемо не оправдавшей надежд императора, основатель скопчества был заключен в сумасшедший дом при Смольном монастыре [Вруцевич, 1905, с. 174].

На протяжении XVIII в. из православия выделяются течения духовных христиан — духоборов (духоборцев) и вышедших из них молокан. Исследователи отмечают схожесть духоборческих идей с идеями ранних европейских реформационных движений, таких как квакеры и меннониты. Духоборы со временем заменили Библию собственным Священным Писанием — «животной книгой», которая до 1909 г., пока ее не записал и не издал В. Д. Бонч-Бруевич,

хранилась и передавалась в устной традиции. Молокане же, напротив, делали акцент на тщательном изучении библейских писаний. Сами молокане позже разделились на молокан-«субботников», в учении которых прослеживалось влияние иудаизма, выражавшееся в признании только Ветхого Завета и праздновании субботы, и молокан-«воскресников», разделявших рационалистические взгляды, близкие ранним протестантским учениям [Сектантство..., т. 29, с. 324–330]. Существовали и другие, более малочисленные молоканские течения. Для них также были свойственны отрицание государства, церкви, института священства, икон и креста, части церковных таинств, строгий аскетизм в быту.

Учитывая тесную связь государства и православной церкви в России, отрицание сектантами церкви означало отрицание и самого государства. Данное обстоятельство предопределило направление как государственной, так и церковной политики по отношению к сектантству в сторону его подавления и искоренения.

Практически все законодательные источники и распоряжения властей относительно раскола и сектантства в настоящее время опубликованы. Большая часть из них имеется в открытом доступе в фондах Российской государственной библиотеки. Некоторая часть распорядительных документов по светской и духовной линиям, касающихся сектантства и присылаемых на имя губернского либо епархиального начальства, сохранилась в архивных материалах ГАИО — фонд № 50 «Иркутская духовная консистория»; ГАРБ — фонды № 11 «Верхнеудинская городская управа и городничий», 90 «Верхнеудинская городская полиция», 108 «Верхнеудинский городской суд», 150 «Верхнеудинский окружной исправник», 337 «Верхнеудинское полицейское управление».

Законодательство Российской империи определяло место и роль в обществе каждого религиозного вероучения. Государственной религией, имеющей всяческую поддержку властей, являлось православие, остальные же религии делились на две группы — терпимые и нетерпимые. К терпимым относились католицизм, протестантизм (лютеранство, англиканство, кальвинизм), а к нетерпимым —

старообрядчество и русское, а впоследствии и протестантское, сектантство. Особенностью религиозной политики в России исследуемого периода являлось разделение течений раскольников и сектантов по степени их «вредности». Данная государственная классификация была установлена в 1842 г. постановлением Святейшего синода и включала деление на секты: «вреднейшие», «вредные» и «менее вредные». К вреднейшим сектам причислялись те, кто: 1) не признавал воплощения Сына Божия; 2) признавал возможность появления новых «христов» и допускал человекообожание; 3) отвергал внешние обряды богочитания; 4) отвергал преемственную иерархию и церковное Предание; 5) отвергал молитву за царя и брак. К указанной категории автоматически отходили скопцы, христоверы (хлысты), молокане, духоборы, штундисты, иудействующие (субботники).

К категории вредных сект относились те, кто: 1) не признавал церковной иерархии; 2) не имел некоторых Таинств либо придерживался особых обрядов, отмененных и не признанных церковной властью, но молился за царя и признавал институт брака. В данную категорию попадали старообрядцы-беспоповцы и «Спасово согласие».

Менее вредными сектами считались те, кто не отвергал церковной иерархии, но «держался за старые обряды». К этой категории относились старообрядцы-поповцы, как признающие австрийское согласие, так и принимавшие беглых священников от РПЦ.

Следует отметить, что значительная часть распоряжений властей относительно раскола и сектантства имела секретный характер и не была включена ни в опубликованное Собрание законов, ни в Свод законов Российской империи. Однако данные сведения издавались МВД для внутреннего пользования и были сосредоточены в Собрании постановлений по части раскола (1734–1859) [Собрание постановлений по части раскола... 1863, т. 1, вып. 1–2]. Указанные постановления большей частью носили запретительный и / или ликвидационный характер и были направлены на искоренение любых форм религиозного инакомыслия. В монографии нами использован экземпляр Собрания постановлений..., изданный в Лондоне в 1963 г.

противниками царского самодержавия, эмигрировавшими из России, А. И. Герценом, В. И. Кельсиевым, стремившимися публикацией данных документов продемонстрировать всему цивилизованному в их понимании миру репрессивную политику царизма, направленную на искоренение любого оппозиционного течения.

Одной из форм борьбы с религиозным инакомыслием в России являлась ссылка. Общеизвестно, что со второй половины XVIII в. в Западное Забайкалье в большом количестве стали переселяться последователи старообрядчества. Переселение как добровольное, так и принудительное, вероятно, является основной причиной появления в исследуемом регионе и последователей христианских сект. Во всяком случае известно множество распоряжений Кабинета министров и лично императора о ссылке молокан, духоборов, скопцов и хлыстов, если они не годны к военной службе, из центральных губерний в сибирские.

Решением Государственного совета от 20 октября 1830 г. для руководства в делах о духоборах, молоканах, иконоборцах, иудействующих (очевидно, субботников) и последователях других признанных особенно вредными ересей были утверждены следующие правила: «...всех вышеозначенных раскольников, изобличенных в распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры, предавать суду» [Собрание постановлений... т. 1, вып. 1, с. 85]. По решению суда сектантов, годных к военной службе, зачисляли солдатами в Кавказский корпус, а при негодности высылали либо в закавказские, либо в сибирские губернии.

Сибирским губернаторам предписывалось, чтобы «люди сии размещаемы были в отдаленные места и сколь можно отдельно и чтоб земская полиция строгое имела наблюдение, дабы они никого не вовлекали в свое заблуждение» [Там же, с. 58].

В эпоху правления Николая I (с 1838 г.) в России стали создаваться специальные секретные совещательные комитеты по делам о раскольниках, некие подобыя религиозных судов, сосредоточившие в своих руках нити борьбы со старообрядчеством и сектантством.

25 апреля 1844 г. по распоряжению императора «для единства в исполнении предпринимаемых мер к ослаблению в Забайкальском крае раскола» такой комитет был создан в г. Иркутске [Собрание постановлений., вып. 2, с. 303]. Причиной его создания послужили волнения местных старообрядцев после запечатывания властями «по случаю ветхости» Куйтунской и Куналейской часовен, которые тем же распоряжением от 25 апреля царь оставил запечатанными. В состав комитета входили, как правило, епархиальный архиерей, губернатор, председатель Казенной палаты и жандармский штабс-офицер, которые могли применять к раскольникам широкий набор санкций — от определения в солдаты до заключения в острог. Кроме его членов о комитете никто не должен был знать. Вся канцелярия сосредоточивалась у одного делопроизводителя, отличающегося «честностью и скромностью», который должен был строго хранить тайну. Название комитета его членами не должно было упоминаться нигде, кроме как в секретной переписке с центральными властями.

Весьма информативными источниками законодательного характера являлись циркуляры-рекомендации МВД, направляемые в губернии, в которых обозначались меры по усилению контроля за последователями сект. К примеру, в циркулярах «О мерах к пресечению распространения сект духоборческой и молоканской в сибирских губерниях» от 13 января 1836 г. и «О мерах к пресечению распространения секты скопцов в Сибири» от 17 февраля 1836 г. губернскому начальству рекомендовалось ссылать выявленных сектантов, осуществляющих религиозную пропаганду, в еще более отдаленные районы Сибири, желательно в среду инородцев, а сосланным на каторгу сектантам, продолжавшим проповедническую деятельность, предписывалось добавлять к сроку отбывания наказания еще 5 лет [Там же, вып. 1, с. 131–139].

Еще одним примером государственной политики в отношении сектантов непосредственно в Западном Забайкалье может служить обращение Верхнеудинского земского суда в Городскую управу от 15 июля 1839 г. В нем суд просит считать поселенцев Бахрушиных, Ишринских и Яковлева содержащимися в остроге, «потому как они

состоят в духоборческой секте» [ГАРБ. Ф 11. Оп. 1. Д. 373. Л. 403]. Интересен циркуляр «О порядке приведения в исполнение приговоров по делам о раскольниках (скопцах)» за 1855 г. [Там же. Оп. 1. Д. 810. Л. 2], где оговаривались правила расселения ссыльнопоселенцев и дальнейшего надзора за ними. Если сектант совершал какое-либо преступление, наказание для него, как правило, было более суровым. Еще один любопытный документ — это циркуляр Главного управления Восточной Сибири «О запрещении выдачи паспортов для отлучек последователям молоканской секты», присланный кяхтинскому градоначальнику в 1858 г. [Там же. Оп. 3. Д. 253. Л. 1–2] Документ наглядно демонстрирует политику сдерживания и ограничения последователей сектантских вероучений в России. Излишне говорить о том, что представители религиозных сект подлежали строгому учету и контролю со стороны надзорных органов (МВД). В марте 1841 г. вышел в свет закон, закрепивший систему наблюдения за состоянием раскола на местах [Васильева, 2007, с. 127]. С этого момента в ежегодных губернаторских отчетах о благосостоянии уезда появляется Ведомость о числе раскольников разных сект, и, возможно, именно данному документу обязаны современные исследователи столь подробным описанием состояния раскола в губерниях Российской империи.

Таким образом, законодательство в отношении последователей сект первой половины XIX в. являлось выражением позиции официальных органов, которыми раскол рассматривался как временное зло в государстве, с которым необходимо бороться самыми строгими мерами. Правовая система для сектантов носила ограничительно-запретительный и карающий характер и окончательно утверждала их в качестве нежелательного элемента в государстве. Секретный характер значительной части законодательных актов о раскольниках и сектантах свидетельствует не только о значимости указанного вопроса для государства, но и о его желании как можно дольше не предавать огласке столь жесткие репрессивные меры, способные подорвать имидж Российской державы на международной арене.

В 1858 г. император Александр II, отличающийся более либе-

ральными взглядами, нежели его отец, своим постановлением заканчивает Собрание постановлений по части раскола. Новый царь не поддерживал репрессивную политику своего предшественника в отношении раскола, возможно, полагая, что она слишком обособляет государство от населения России. Таким образом, во второй половине XIX в. в отношении государства к раскольникам, в том числе и сектантам, происходят некоторые изменения. Признаком смены вектора государственной политики и общественного мнения в отношении сектантов следует считать начало открытого обсуждения в обществе вопроса о религиозном инакомыслии, что выразилось в публикации документов о расколе и сектантстве в журналах «Отечественные записки», «Русский вестник», «Церковный вестник». Появляются в открытой печати Собрания постановлений по части раскола, представлявшие по большей части распоряжения МВД. Начинается всестороннее изучение истории возникновения и особенностей вероучения многих религиозных меньшинств, о чем свидетельствуют труды А. П. Щапова, А. С. Пругавина и других авторов, поддерживающих сектантство и имевших возможность публиковать свои труды. Развивается и законодательство о расколе.

Однако естественное стремление государства взять сектантов под свой особый контроль ослабевало весьма незначительно. Так, в целях усовершенствования классификации ересей и сект в 1864 г. по инициативе министра внутренних дел П. А. Валуева учрежден Особый временный комитет по делам раскольников под руководством графа В. Н. Панина. Комитетом была пересмотрена предыдущая классификация сект от 1842 г. и предложена новая из двух категорий: более вредные и менее вредные. К более вредным относились: 1) не признающие Пришествия в мир Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа; 2) не признающие никаких Таинств и никакой власти Богопоставленной; 3) допускающие при наружном общении с церковью человекообожание; 4) посягающие на оскпление себя или других на основании богохульного учения; 5) отвергающие молитву за Царя; 6) отвергающие брак или допускающие срочные или временные супружеские браки» [Рункевич, 1901, с. 172].

К данной классификации не прилагался список конкретных сект, относящихся к той или иной категории, однако и без этого становилось ясно, что к «более вредным» отнесены все «русские» секты, а также штундисты и старообрядцы-беспоповцы. В разряд «менее вредных» попали только старообрядцы-поповцы.

Общим для старообрядцев и сектантов явился утвержденный 3 мая 1883 г. закон «О даровании раскольникам прав гражданских», в соответствии с которым им с разрешения министра внутренних дел дозволялось проведение богослужений и строительство молитвенных зданий, при условии, что они не будут походить на православные. Вместе с тем потребность самих последователей сект в полноценных молебных зданиях представляется нам весьма низкой из-за сложившейся у большинства из них практики проведения тайных богослужений либо в жилище одного из братьев по вере, либо в лесном массиве, если была такая возможность.

Кроме того, старообрядцам и сектантам дозволялось занимать выборные общественные должности, хотя и под строгим надзором правительства. Излишне упоминать о том, что последователей учений хлыстов и скопцов новые законодательные инициативы не касались.

Таким образом, борьба с расколом продолжала оставаться важной частью государственной политики. И, как уже ранее отмечалось при освещении историографии рассматриваемого нами вопроса, во второй половине XIX в. активизируется изучение сектантства как явления, при этом не только с резко обличительных позиций, в первую очередь, силами православного духовенства. Так, практически во всех духовных академиях во второй половине XIX в. существовали кафедры истории и обличения раскола. Наиболее высоким исследовательским уровнем выделялись Киевская и Казанская духовные академии, труды преподавателей которых (еп. Варсофония (Лузина) и Н. Н. Фетисова) использованы нами в настоящей работе.

Общественно-политические изменения в российском обществе начала XX в. повлекли за собой соответствующие процессы в российском законодательстве. В первые годы XX в. государственная политика в отношении сектантов существенно сдвига-

ется в сторону либерализации. С принятием в России 17 апреля 1905 г. указа и положения Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» была официально легализована деятельность не только старообрядческих общин всевозможных толков, но также ряда сектантских течений как отечественного, так и зарубежного происхождения: баптистов, пятидесятников, адвентистов Седьмого дня, а также духоборов и молокан. Также данный закон признавал право свободного и ненаказуемого перехода из православия в другую христианскую веру. Устанавливались различия между вероучениями, которые ранее объединялись под общим названием «раскольники». Они подразделялись на три группы: старообрядческие согласия, сектантские вероучения и последователи изуверских вероучений. Принадлежность к последним, а это были прежде всего скопцы и хлысты, по-прежнему была уголовно наказуема. Вместе с тем секты, которые входили в разряд «изуверских вероучений», не определены в законе конкретно.

За религиозными обществами сектантов и старообрядцев признавалось также право на владение движимым и недвижимым имуществом. Дополнял данный закон указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». В указе дано определение сектантской общины: «Сектантской общиной почитается общество последователей одного и того же вероучения, имеющее целью удовлетворение религиозных, нравственных, просветительных и благотворительных потребностей его членов, собирающихся для общей молитвы в храме, молитвенном доме или ином предназначенном для сего помещении». Членами общины считаются: 1) лица, подписавшие заявление об образовании ее; 2) лица, изъявившие желание присоединиться к общине и принятые общим собранием ее; 3) лица, записанные в книгу рождений общины. Устройство общин разрешается в месячный срок губернским (областным) правлени-

ем, по заявлению, подписанному 50 лицами. Внесенные по постановлению губернского правления в реестр общины пользуются правами юридического лица: им предоставлено право избирать духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружать храмы, молитвенные дома, учреждать богоугодные заведения и школы, приобретать и отчуждать недвижимые имущества, образовывать капиталы, заключать договоры и обязательства, подавать иски и отвечать в суде [Новый закон о старообрядцах... 1906, с. 3–8].

Рассмотренные нами указы 1905 и 1906 гг. даровали представителям сектантских течений (за исключением «изуверских») юридический статус и некоторые религиозные свободы. Еще одним достижением указанных нормативных актов, на наш взгляд, являлось официальное закрепление в них различия между старообрядческими толками и сектантскими течениями. Однако данные законы не уравнивали последователей сект в правах с господствующей Русской православной церковью. Но несмотря на это, благодаря послаблениям в законодательстве деятельность неправославных конфессий в России существенно активизировалась. Это относится и к протестантским течениям, которые с помощью присущих им активных форм проповеди (прозелитизм) смогли быстро обрести значительное число последователей и создать многочисленные общины своих последователей.

Складывающаяся ситуация не могла не вызвать беспокойство православной церкви и государства, в связи с чем с 1910 г. вновь усиливается контроль за деятельностью сектантских общин. Министерство внутренних дел издает очередные циркуляры, устанавливающие правила для религиозных сектантских собраний и съездов, ставящие последних под надзор полиции, вплоть до присутствия полицейских чинов на богослужениях сектантов. Кроме того, МВД требовало из губерний подробные данные о количестве в них старообрядцев и сектантов. Указанные документы сохранились в фондах ГАРБ. Один из них датируется 1 ноября 1909 г. Это телеграмма военного губернатора Забайкальской области, в которой он требует от верхнеудинского уездного начальника в кратчайшие сроки предоста-

вить сведения о количестве старообрядческих и сектантских общин в уезде, их численности [ГАРБ. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1564. Л. 93]. В другом, датирующемся 1911 г., уже директор Департамента духовных дел МВД писал военному губернатору Забайкальской области: «В связи с интенсивностью проявления в последнее время старообрядческой и сектантской деятельности прошу вас проверить со всею возможной тщательностью сведения о существующих в пределах губернии по отдельным пунктам старообрядческих согласий и сектантских вероучений с указанием зарегистрированных и незарегистрированных общин и их численности. При сем прилагаются выработанные Департаментом духовных дел ведомости с пояснительным текстом, которые подлежат заполнению. Однако во избежание возбуждения подозрений среди старообрядцев и сектантов (! — А. С.) предлагается ограничиться теми официальными данными, которыми вы уже располагаете, или хотя бы сверить их со сведениями из местной православной духовной консистории» [Там же. Д. 1959. Л. 3-3 об.].

К циркуляру прилагались три ведомости, все они сохранились в архивных фондах: 1. Статистические сведения о старообрядцах (на 1 января 1912 г.). 2. Статистические сведения о сектантах, отпавших от православия (на 1 января 1912 г.). 3. Статистические сведения о сектантах, отделившихся от инославных исповеданий (Приложение 2). Из последующих материалов дела следует, что в целях сбора необходимых данных уездное начальство направило соответствующие запросы в волостные правления. В итоге необходимые сведения уездным начальством были собраны и направлены военному губернатору, однако ни одного сектанта исходя из собранных данных в уезде не значилось. Незаполненные ведомости II и III либо подшивались к отчету, либо в соответствующей записи отчета из той или иной волости говорилось, что последние две ведомости отосланы назад за ненадобностью. Таким образом, на 1 января 1912 г. в Верхнеудинском уезде представителей религиозного сектантства официально, по документам, не существовало. Для объяснения такого положения следует обратить внимание на поступившее из МВД указание не соби-

рать новые сведения о старообрядцах и сектантах, а ограничиться уже имеющимися. Возможно, это как-то повлияло на то, что уездное начальство, после законодательных послаблений 1905 г. и так ослабившее контроль за религиозными меньшинствами, не стало вновь выполнять столь сложную и кропотливую работу, каковой являлось выявление среди огромного контингента местных старообрядческих толков и согласий приверженцев сектантства.

При этом вполне возможно, что на территории Западного Забайкалья в указанный период действительно не осталось последователей сект, поскольку, оказавшись в условиях Сибири небольшими партиями, зачастую не имея возможности продолжать религиозную деятельность (а государство и церковь прилагали для этого все усилия), представители радикальных христианских течений со временем растворялись среди старообрядцев либо скрывали свою принадлежность к тому или иному сектантскому движению. По словам известного специалиста по старообрядчеству Забайкалья С. В. Васильевой, приспосабливаясь к непривычным для себя условиям жизни, сектанты охотнее принимали православие и постепенно ассимилировались со старожильческим православным населением [Васильева, 2007, с. 81].

Взаимоотношения структур Русской православной церкви с последователями христианских сект строились в рамках миссионерской деятельности церкви, направленной на безусловное искоренение сектантских течений и приведение их к истинной вере. В данном вопросе позиции православной церкви и государства полностью совпадали. Определялись и регламентировались направления церковной деятельности постановлениями и распоряжениями Святейшего Правительствующего синода, к примеру, Правила обращения с раскольниками от 1845 г. [Собрание постановлений... 1860, кн. 1–2, 1896].

Попытки создать в Забайкалье противораскольничью миссию предпринимались церковными властями еще в 20-х гг. XIX в., однако эти миссии существовали недолго. С 1878 г. при Свято-Троицком Селенгинском монастыре начала действовать постоян-

ная противораскольничья миссия [ГАРБ. Ф. 262]. При этом ее деятельность имела ряд особенностей. Так, основной акцент при осуществлении миссионерской деятельности в исследуемом регионе делался на коренное бурятское население, исповедующее буддизм и шаманизм, а также многочисленных последователей старообрядчества. Тем не менее выявленные нами источники свидетельствуют о том, что наличие христианских сект в Западном Забайкалье все-таки было отмечено православными миссионерами, в связи с чем более подробному рассмотрению церковных источников делопроизводственного характера, содержащих сведения о представителях сектантства, посвящен третий параграф первой главы нашего исследования.

В результате общей либерализации конфессионального законодательства в России начала XX в. были созданы условия для распространения на территории нашей страны проникших сюда из стран Европы протестантских деноминаций и сект. Кроме того, продолжается рост численности «русских» сект, ранее жестко преследуемых властями, хотя многие из них, в частности духоборы, в большинстве эмигрировали в Канаду.

События Первой мировой и гражданской войн послужили дополнительной причиной роста в России общин евангельских христиан — баптистов, пятидесятников, а также адвентистов Седьмого дня, причем это характерно и для Сибири, где рост последователей сект происходил не только в результате оттока населения западных окраин империи из прифронтовой полосы, но и в результате ссылки неблагонадежных граждан протестантского вероисповедания. Такая мера, как оказалось, имела под собой веские основания — в Первую мировую войну немецкое правительство выделяло немалые деньги проповедникам баптизма, штундизма и адвентизма (отметим, что вероучение всех этих сект предполагало отказ от службы в армии) в России, проводя таким образом своеобразный «захват умов» во вражеской державе [Оленич, 2004, с. 65]. Проявление указанных тенденций в материалах делопроизводства более подробно рассмотрено в следующем параграфе монографии.

Таким образом, материалы законодательного характера позволили определить не только направление государственной и церковной политики в отношении христианских сект, но и проследить ее эволюцию начиная с первой трети XIX в. и заканчивая первыми десятилетиями 20-го столетия. Основные перемены в российском конфессиональном законодательстве происходили, как правило, в связи со сменой монарха, и, хотя в течение исследуемого периода законодательство по отношению к старообрядцам и сектантам несколько либерализируется, крайне негативное отношение к ним со стороны государства и церкви продолжает иметь место.

Выявленные нами нормативные акты сосредоточены как в опубликованных сборниках (Постановления по части раскола...), так и в архивных фондах. Всего с 1830-х по 1910-е гг. в Российской империи было издано более 200 постановлений и распоряжений о расколе и сектантстве, из которых непосредственно представителей сект касалось порядка 70. Из них нами изучено и использовано в настоящей работе 33 актовых и распорядительных документа центральных властей. Основные функции указанных материалов — предписывающая, регламентирующая и разъяснительная. Анализ рассмотренных законодательных источников показал как общую направленность государственной политики в отношении последователей сект, ее региональный аспект на примере Западного Забайкалья, так и некоторые особенности восприятия государственными органами самого явления сектантства, к примеру, неразработанность категориального аппарата. Так, по крайней мере, до начала XX в. государственные органы не делали существенные различия между старообрядческими толками и сектантскими течениями.

1.2 Распространение христианских сект в Западном Забайкалье в первой половине XIX — начале XX в.

Рассмотренные нами в предыдущем параграфе нормативно-правовые акты центральных властей регламентировали деятель-

ность по выявлению и искоренению сектантских вероучений в России. Результаты выполнения предписаний центра органами власти на местах и региональные особенности государственной конфессиональной политики отражены в соответствующих делопроизводственных документах. К материалам делопроизводства светских властей Западного Забайкалья относятся, в первую очередь, статистические и отчетные документы уездных и волостных полицейских и гражданских чиновников, в которых описывались конфессиональная ситуация в регионе, а также судебные документы. Отчеты содержали сведения о количестве, местах расселения, сословной, гендерной принадлежности последователей сект.

Наиболее информативной группой делопроизводственных материалов, выявленных нами в архивных фондах, являются ежегодные отчеты о благосостоянии Верхнеудинского округа, а с 1901 г. Верхнеудинского уезда Забайкальской области. Данные отчеты сводились на основе сведений, поступавших в окружное правление из волостей. Отчеты состояли из разделов, посвященных состоянию основных отраслей экономики округа (производство, сельское хозяйство), населению (численность, национальная, сословная, конфессиональная принадлежность), уровню преступности (количество того или иного вида преступлений). Отчет оформлялся в виде текста, разделенного на разделы с приложением к нему в виде статистических таблиц. Наиболее значимы для нашего исследования те разделы, которые посвящены разделению населения по вероисповеданиям.

Отметим, что признаваемые и терпимые государством религии, такие как православие, буддизм, ислам, иудаизм, католицизм, лютеранство, помещались в отчетах в одной ведомости, а последователи старообрядчества и сектантства в другой, называвшейся «Ведомость о числе раскольников разных сект».

Подобные документы, как правило, составлялись ответственными исполнителями Верхнеудинского окружного полицейского управления, затем подписывались руководством и направлялись на имя губернатора.

При рассмотрении материалов, содержащих сведения о последователях христианских сект в Западном Забайкалье, следует учитывать ряд особенностей как объективного, так и субъективного характера, в конечном итоге оказавших влияние на их содержание.

Прежде всего необходимо отметить существовавшую на протяжении большей части досоветского периода исследования неразработанность категориального аппарата, на основе которого классифицировались последователи старообрядческих толков и согласий, а также сект. Следствием этого являлось отсутствие во многих документах того времени четкой грани между старообрядцами и сектантами. До 1905 г. в законодательных актах и делопроизводственной документации правительственных учреждений использовался обобщающий термин «раскольники» в отношении как старообрядцев, так и сектантов вместе взятых. Старообрядческие толки и согласия часто именовались «сектами». Так, в одном из документов, составленном полицейским чиновником, говорится о «раскольниках», хотя из его контекста становится понятно, что исполнителем под этим определением имеются в виду как старообрядцы, так и сектанты. Другие примеры свидетельствуют о применении исполнителями документов термина «секты» к старообрядческим толкам.

Субъективным и весьма немаловажным фактором, влияющим на содержание документа, является личность его исполнителя. Анализ некоторых отчетных документов 1880–1890-х гг. о количестве «раскольников разных сект», в особенности поступивших из отдаленных волостей, позволяет предполагать, что чиновники, в обязанности которых входил контроль за конфессиональной ситуацией в регионе, могли плохо разбираться в многочисленных старообрядческих толках и согласиях и тем более в сектантских вероучениях. Данный фактор, на наш взгляд, имеет вполне естественные причины, поскольку даже не все православные миссионеры могли свободно ориентироваться в данной сфере. Кроме того, местные полицейские органы, осуществлявшие надзор за иноверцами, в частности за сектантами, далеко не всегда фиксировали наличие на подконтрольной территории нежелательных для вышестоящего начальства сектант-

ских элементов, что ранее уже было отмечено С. В. Васильевой в работе «Власть и старообрядцы Забайкалья» [Васильева, 2007, с. 48]. Таким образом, осуществлять поиск действительно сектантов среди многочисленных толков и согласий местного старообрядческого контингента было весьма непросто и требовалось немало знаний в данной области.

Следующий фактор, влияющий на подсчет количества последователей сект, — это сокрытие самими сектантами своей принадлежности к тем или иным течениям. Так, в изданном в 1901 г. МВД справочнике «Распределение старообрядцев по толкам и сектам» (к его более подробному рассмотрению мы еще обратимся), составленном на основе данных первой Всероссийской переписи населения 1897 г., к лицам христианского неправославного вероисповедания, не указавшим конкретного толка или секты, к которым они принадлежат, отнесены в Забайкальской области 14 250 лиц мужского и 14 748 лиц женского пола, из них в Верхнеудинском уезде таковых оказалось 13 852 лица мужского и 14 526 лиц женского пола [Распределение старообрядцев... 1901, с. 24]. Таким образом, необходимо учитывать, что среди старообрядцев и особенно среди сектантов немалое количество верующих скрывали свою принадлежность к тому или иному сектантскому течению, чтобы избежать особого надзора. С учетом изложенного имеющиеся в распоряжении исследователей материалы отчетно-статистического характера заведомо не могут дать полной объективной картины конфессиональной ситуации в регионе. Тем не менее выявленные источники дают важную информацию о предмете нашего исследования.

Самый ранний выявленный нами письменный источник, проливающий свет на пребывание в Западном Забайкалье последователей христианских сект, а именно групп молокан, духоборов, скопцов и субботников, сосланных сюда на поселение, называется «Дело о старообрядцах и раскольниках, сосланных на поселение в Сибирь за 1837 год». Данный материал находится в фонде 11 ГАРБ «Верхнеудинская городская управа и городничий». Эти материалы являются основным аргументом при датировке появления

в регионе первых сектантов, поскольку более ранние документы нами не выявлены¹.

Рассматриваемое дело на 59 листах содержит сведения по всем уездам Верхнеудинского округа в виде статистических таблиц. Из них мы можем узнать волость, село, сословие, к которому принадлежал описываемый последователь той или иной секты, а также пол и в очень редких случаях личные данные, такие как фамилия, имя и отчество интересующего нас лица.

Итак, по состоянию на 1837 г. по Верхнеудинскому округу значилось 107 лиц мужского и 116 лиц женского пола, членов сект молокан и духоборов. Субботников (иудействующих) значилось 21 человек мужского и 23 женского пола. Помимо этого отмечено пребывание здесь трех адептов особо преследуемой властями как «изуверской» секты скопцов [ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 767. Л. 29].

Сосланные на поселение представители сектантских вероучений расселялись по населенным пунктам Верхнеудинского округа таким образом, чтобы ни в одном из них не было большого скопления сектантов. В таком случае, как справедливо полагали чиновники МВД, у них было бы меньше шансов продолжить распространение своего вероучения, а со временем ввиду отсутствия организованной группы они должны были и вовсе раствориться в общем числе местных жителей. Так, например, в Урлукской волости проживало два представителя секты скопцов, причем оба жили в разных населенных пунктах — в селах Котойское и Нижнеларымское [Там же. Л. 13]. В Куналейской волости в с. Буйское проживало трое молокан — двое мужчин и одна женщина [Там же]. В с. Никольское Мухорши-

¹ Факт пребывания в ссылке в Иркутской губернии основателя секты скопцов Кондратия Селиванова в 1775–1795 гг. не может служить основой для более ранней датировки исследования, поскольку Иркутская губерния не относится к Западному Забайкалью. Однако сведения о состоянии сектантства в ней, как и на территории современного Забайкальского края имеют большое значение для построения наиболее целостной картины нашего исследования, поэтому при выявлении соответствующей информации, они также приводятся в работе.

бирской волости проживали один скопец и 12 духоборов (или молокан) — 6 человек мужского пола, 6 женского [Там же. Л. 19].

Таким образом, власти старались избежать скопления больших групп сектантов в одном населенном пункте. В предыдущем параграфе мы уже указывали, что разделение последователей сект по разным населенным пунктам в отдалении друг от друга — это не инициатива местных чиновников, а прямое указание центральных властей [Собрание постановлений по части раскола..., 1863, вып. 1, с. 58]. И такая переселенческая политика, надо полагать, давала свои результаты. В отчете Верхнеудинской городской управы за 1856 г. по волостям уезда уже нет ни скопцов, ни субботников. А молокан и духоборов вместе взятых проживает в уезде всего 15 [ГАРБ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 685. Л. 44].

Еще одна особенность рассматриваемых документов заключается в том, что последователи сект молокан и духоборов долгое время вписывались чиновниками в одну графу и одним числом, что существенно затрудняет подсчет представителей каждой из сект в отдельности, а если не обнаружено других цифр, то и вовсе невозможно. Дело в том, что молокане и духоборы, как правило, считались надзорными органами очень сходными по своему вероучению и относились к «сектам рационалистическим». Такая традиция отводить для молокан и духоборов один общий столбец сохранится в отчетах Верхнеудинского полицейского управления вплоть до Октябрьской революции.

Данные материалы являются дополнительным свидетельством того, что местные чиновники не всегда понимали различия между старообрядцами и сектантами. В рассматриваемом нами Деле о старообрядцах и раскольниках, сосланных на поселение в Сибирь, за 1837 г. adeпты сект духоборов, молокан и скопцов в отчетах сведены в единую таблицу с представителями основных групп старообрядцев. Термин «раскольничьи секты» применяется в документах как к старообрядцам-беглопоповцам, так и к последователям сект. Следует отметить, что к данной группе были отнесены и лица, исповедующие иудаизм, они также были записаны в раскольники. По прошествии некоторого времени и субботников (иудей-

ствующих) секту российского происхождения, влияние на которую оказал иудаизм, в отчетах все-таки стали отделять от действительно иудеев.

Следующее упоминание о сектантах в материалах светского делопроизводства мы встречаем уже в отношении Верхнеудинского земского суда в Городскую управу от 15 июля 1839 г. [ГАРБ. Ф.11. Оп. 1. Д. 373. Л. 403], а статистические данные о числе сектантов — в образцовом отчете Верхнеудинской городской управы за 1856 г. [ГАРБ. Ф.11. Оп. 1. Д. 373. Л. 403] Таким образом, можно сделать вывод, что приблизительное время проникновения первых последователей христианских сект в Западное Забайкалье — 30-е гг. XIX в.

Именно 1830-ми годами датированы основные архивные материалы, дающие необходимую и, на наш взгляд, более полную по сравнению с последующими периодами информацию о состоянии русских сектантов в Западном Забайкалье. Следует отметить, что некоторые исследователи, изучавшие религиозное сектантство в других регионах Российской Федерации, например А. В. Крюков, также указывали появление первых последователей сект в изучаемом регионе в 1830-х гг. [Крюков, 2004] Данный факт может лишь раз свидетельствовать в пользу общепринятой у религиоведов точки зрения об ужесточении политики российского государства по отношению к религиозным меньшинствам с началом царствования Николая I [Васильева, 2007; Гусейнова, 2006]. Из рассмотренных нами ранее законодательных документов видно, что именно в данный период государство стало уделять инославным вероисповеданиям в целом намного больше внимания, контроль над старообрядцами и сектантами ужесточался. Данным обстоятельством, по нашему мнению, обусловлен и рост количества делопроизводственных документов по конфессиональной проблематике в указанный период в целом. Тем не менее, изучая процесс расселения последователей сект в Западном Забайкалье по материалам делопроизводства досоветского периода, представить целостную картину их расселения в исследуемых территориальных рамках весьма затруднительно.

Некоторые из приведенных в исследовании архивных материалов, содержащих сведения о численности сект молокан и духоборов в Забайкалье в 1850–1860-е гг., ранее уже были введены в научный оборот. Так, С. В. Васильевой в книге «Власть и старообрядцы Забайкалья» [Васильева, 2007, с. 82] приведена «Таблица численности старообрядцев разных толков Восточной Сибири за 1859–1867 гг.». Указанные сведения содержатся в фонде № 24 «Главное управление Восточной Сибири» ГАИО.

Согласно указанной таблице в 1859 г. в Забайкальской области числится только 1 молоканин мужского пола. Та же картина наблюдается и в 1861 г. В 1864 г. в Забайкальской уже губернии нет ни одного сектанта. Ситуация меняется в 1867 г. — в Забайкалье зафиксировано 15 человек мужского пола и 5 женского — все молокане и духоборы (в таблице они снова обозначены одной цифрой). Таким образом, учитывая неожиданное возникновение и исчезновение групп последователей сект на территории Западного Забайкалья, можно предположить, что они попадали сюда в результате добровольного либо принудительного переселения. В пользу этого говорят и другие выявленные нами источники.

В отчете Мухоршибирского волостного правления за 1868 г. сообщается, что на территории волости проживает довольно большая группа последователей секты иудействующих (субботников) — 272 человека мужского и 144 женского пола, по всей видимости, сосланных сюда из центральных губерний Российской империи. При этом как в предыдущих, так и в последующих отчетах по Мухоршибирской волости вышеупомянутые группы субботников не фигурируют, зато большое количество последователей данной секты появляется в начале 1880-х гг. в Тарбагатайской волости. Согласно отчету Тарбагатайского волостного правления за 1883 г. в волости проживало 249 субботников — 153 мужчины и 95 женщин. Однако в просмотренных нами отчетах по данной волости за следующие 17 лет ни одного субботника либо представителя иного сектантского течения вплоть до 1900 г. не выявлено. Данное обстоятельство как в первом, так и во втором случае можно объяснить самостоятельным переселением по-

следователей секты на другую территорию либо их расселением в том же году по решению местных властей, выполнявших, как нам уже известно, предписания Министерства внутренних дел. Во всяком случае имеющиеся в нашем распоряжении отчетные документы не позволяют проследить дальнейшую судьбу выявленных в Мухоршибирской и Тарбагатайской волостях групп субботников.

В отчетах о благосостоянии Тарбагатайской волости за 1900 г. вновь фиксируются последователи русских сект — молоканства и духоборчества — в количестве 54 человек мужского пола.

Иная ситуация складывалась в Бичурской волости, где последователи русских сект в том или ином количестве стабильно присутствовали на протяжении всей дореволюционной части исследуемого периода. Так, в 1883 г. в волости проживало 87 субботников, в 1889 г. — 66, в 1896 г. — 58, в 1901 г. — 65, а в 1904 г. — уже 83 человека. Количество молокан и духоборов в волости на протяжении более чем 20 лет практически не менялось. Если в 1883 г. их было 23 человека, 19 мужчин и 4 женщины, то в 1897 г. их становится уже 24 [ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7992. Л. 40]. В 1900 г. молокан и духоборов в волости 19 человек (в отчетах о благосостоянии волости данные течения по-прежнему подсчитываются одной цифрой) [Там же. Д. 8080. Л. 38], а в 1901 г. — 20 [Там же. Д. 8080. Л. 38], причем согласно отчету волостного правления все сектанты мужского пола.

Обнаружились следы пребывания субботников и в Брянской волости. В отчете о благосостоянии волости за 1903 г. приводится цифра — 34 мужчины и 23 женщины [Васильева, 2007, с. 216]. Если говорить о своеобразном «лидерстве» среди волостей Верхнеудинского уезда как по количеству проживающих в них последователей сект, разнообразию сектантских вероучений, представленных в волости, так и по длительности их пребывания на территории волости, выявленные нами статистические данные говорят о том, что таким лидером в уезде являлась Бичурская волость.

В архивных документах лишь изредка упоминается сословная принадлежность сектантов, однако информация, которой мы располагаем, позволяет нам сделать вывод, что в основном представители

сектантских вероучений относились к государственным крестьянам-поселенцам. Некоторые из проживавших в Западном Забайкалье субботников принадлежали к мещанам. Из мещан происходили все прибывшие сюда на поселение последователи скопческого вероучения [ГАРБ. Ф. 11. Оп. 4. Д. 767].

В фондах ГАЗК нами исследованы материалы дел «О доставлении сведений о скопцах, проживающих в Забайкальской области» (1853) [Там же. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 111], и «Донесения министру внутренних дел сведений о скопцах, находящихся в тюрьмах Забайкальской области» (1856) [Там же. Оп. 4(т). Д. 38.]. В них сосредоточены отчетные сведения о проживающих в области скопцах по состоянию на 1850-е гг., собранные по отдельным указаниям МВД. Так, в письме из Главного управления Восточной Сибири от 12.07.1852 г. за № 40 на имя военного губернатора Забайкальской области П. И. Запольского сообщалось, что сведения о проживающих в области скопцах согласно прилагающейся ведомости необходимы для последующего представления императору Николаю I [ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 111. Л. 3–3 об.]. Далее в материалах дела содержатся ответы на запрос губернатора, присланные из всех округов области. Их анализ показывает, что наибольшее число последователей скопчества в указанный период проживало в Нерчинском и Верхнеудинском округах Забайкальской области. Так, по данным отчета, в Нерчинске значился 1 последователь скопчества, Галактион Минин, отставной солдат, оскопивший себя в 1839 г. «по молодости лет» [Там же. Л. 17]. В селении Хадактинское Татауровской волости проживали двое последователей секты — ссыльные крестьяне Никита Бергамотов и Семен Силантьев, оскопившие себя в 1845 г. [Там же. Л. 22] В пос. Шилка значились двое скопцов — братья Тимофей и Федор Гураневы, сосланные на поселение в Забайкалье в 1850 г. из Орловской губернии. В селении Улетуевское Татауровской волости проживали скопцы Григорий Маснев, сосланный «за отрезание грудей у женщин», Александр Калышев и Яков Третьяков.

Рапорт Верхнеудинского земского исправника за № 39 от 27 августа 1852 г. и прилагаемая ведомость содержит сведения о наличии в Верхнеудинском округе 16 скопцов мужского и 1 скопца женского пола из числа ссыльнопоселенцев. При этом в документе отмечено, что в 1849 г. последователей скопческой секты в округе было 23, однако за прошедший период шестеро из них умерли [Там же. Л. 34–46 об.]. Прилагающаяся к рапорту таблица позволяет определить территорию расселения скопцов в округе — Читканская (11 поселенцев), Ильинская (3 поселенца) и Урлукская (2 поселенца) волости. Выявленные нами материалы ведомственной переписки содержат все основные атрибуты делопроизводственных документов, такие как угловые штампы ведомств, нумерация документов, заверительные знаки в виде подписей должностных лиц. Некоторые листы бумаги имеют в левом верхнем углу водяные знаки фабрики-изготовителя (выявлены листы производства, по крайней мере, двух разных бумажных фабрик).

К фактическим данным прилагались и характеризующие сведения на поселенцев. Так, в отношении живущего в Нерчинске скопца Минина сообщается, что он «следует правилам секты, но прескромного поведения и фанатизм свой не распространяет» [Там же. Л. 26]. Аналогичные характеристики были даны и другим скопцам.

Представляет несомненный интерес выявленное нами в фондах Российской государственной библиотеки издание «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам», подготовленное Центральным статистическим комитетом МВД в 1901 г. на основании материалов первой Всеобщей переписи населения 1897 г. Издание представляет собой небольшой сборник статистических таблиц о состоянии раскола и сектантства в каждой из губерний и областей Российской империи с их разделением на уезды.

В начале брошюры представлено ставшее к тому времени традиционным деление рассматриваемых течений на две группы: «раскол старообрядчества» и «сектантство». Раскол... делится на поповцев и беспоповцев, сектантство — на мистические (хлысты, скопцы, шалопуты, монтане и др.) и рационалистические секты (духоборы, моло-

кане, субботники, воскресники, прыгуны, штундисты, толстовцы, иеговисты, жидовствующие и др.). Отдельно отмечены «сверх того невыясненные расколосектантские толки»: мытинская, кармацкая, верховская секты, старокалистратовский, лурицкий толки.

Степень достоверности полученных в ходе первой Всероссийской переписи населения 1897 г. сведений до сих пор является предметом дискуссии, поскольку на ее проведение оказывал влияние целый ряд как объективных, так и субъективных факторов. Большинство лиц не указали свою принадлежность к конкретному старообрядческому толку или секте, что вполне обоснованно, поскольку, как уже было ранее отмечено, в условиях политики преследования за религиозные убеждения верующим было надежнее скрывать свою принадлежность к той или иной секте.

Учитывая выявленные нами ранее сведения из статистических отчетов полиции о благосостоянии волостей Верхнеудинского округа (уезда), в которых количество проживавших здесь сектантов было несколько больше приведенной в таблице цифры (отчеты по Тарбагатайской, Бичурской волостям), предположим, что очень незначительная часть из тех 13 852 мужчин и 14 526 женщин, не указавших свою принадлежность, действительно могла являться последователями сект. Остальные же «тайные раскольники», по-видимому, могли быть представителями старообрядчества.

Брошюра «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам» содержала сведения и по другим губерниям и областям Российской империи. Для сравнения приведем данные о количестве последователей сект в соседней с Забайкальской областью Иркутской губернии (табл. 2).

Таблица 2

Распределение сектантов по уездам Иркутской губернии (Распределение старообрядцев... С. 24)

			Секты рационалистические										Секты мистические			
Уезд	Не указавшие толк и секту		Духоборы		Молокане (духоносцы, субботники, воскресники, прыгуны, сопуны, общие или акинфеевцы)		Штундисты (младоштундисты, евангельские христиане, или штундобаптисты, или тоже староштундисты, пашковцы)		Немоляки (воздыханцы)		Жидовствующие (иудействующие)		Хлысты, шалопуты (монтане, марьяновское исповедание, богомолы, белоризцы)		скопцы	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Иркутский	234	168	16	11	17	7	1	2	-	-	8	19	1	1	4	3
Балаганский	33	12	6	4	5	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Верхотенский	16	-	4	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Киренский	7	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	1	-	-
Нижнеудинский	145	35	5	1	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-

Как видно из таблицы 2, в Иркутской губернии в ходе переписи значительно меньшее количество верующих не указало свою принадлежность к конкретному толку или секте, при этом большее по сравнению с Забайкальской областью количество последователей сект указывает свои конфессиональные предпочтения.

По имеющимся архивным источникам, а также материалам церковной периодической печати, в Иркутской губернии действительно существовали более крупные и стабильные по сравнению с Забайкальем общины духоборов, молокан, а также отдельные последователи скопчества. Широко известна исследователям община котинских духоборов, проживавших в с. Коты Оекской волости Иркутского уезда [Копылов, 1874, с. 374–380; Успенский, 1910, с. 147–150; Муратов, 1923, с. 22–58]. Первая заметка о котинских духоборах появляется в Прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» еще в 1874 г. В то время, по оценкам автора заметки священника Василия Копылова, численность их общины составляла порядка 30 человек. М. В. Муратов, описавший бытование духоборов в Иркутской губернии уже в 1920-х гг., говорит уже о трех духоборческих селах: Коты, Оек и Захалы.

Кроме того, именно через территорию Иркутской губернии со второй половины XIX в. переправлялись в Якутию духоборы и молокане, а также скопцы, последователи которых основали там 12 селений [Религиозная ссылка...]. Согласно статистике МВД в 1901 г. одних только скопцов в Якутской губернии насчитывалось 432 мужчины и 297 женщин.

В последующем после разрешения властей ссыльным сектантам покидать места ссылки множество якутских сектантов переселялось в Амурскую область, где их по состоянию на 1901 г. согласно все тому же «Распределению старообрядцев и сектантов по толкам и сектам» насчитывалось духоборов — 325 мужчин и 298 женщин, а молокан и субботников вместе взятых — 4 903 мужчины и 4 794 женщины [Распределение старообрядцев... С. 8].

В просмотренных нами отчетах и иных документах уездных властей за 1913–1916 гг. не выявлено наличие на исследуемой тер-

ритории как последователей «русских» сект, так и представителей сект западного происхождения. Косвенным источником, свидетельствующим об их наличии, может являться статья О. В. Бычкова (1996), в которой он связывает появление в Бурятии адвентистов и евангельских христиан-баптистов со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали.

Однако мы можем с точностью сказать, что данные религиозные объединения уже существовали в 1914 г. в Чите — столице Забайкальской области. Авторы коллективной монографии «Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье» указывают, что 11 мая 1914 г. в г. Чита состоялось первое крещение местных жителей баптистами [Жуков, Янков, Баринов, Дроботушенко, 2003, с. 41]. Из этого следует, что проникли они сюда несколько раньше, поскольку крещение местных жителей — результат прозелитской деятельности в виде появления новообращенных баптистов виден не срез. Первое же разрешенное собрание адвентистов Седьмого дня состоялось в Чите 19 мая 1914 г. [Там же, с. 42] Конечно, учитывая близость Читы и Верхнеудинска, можно предположить, что отдельные представители этих поздних протестантских учений присутствовали и в Западном Забайкалье. Однако А. С. Долотов в 1930 г. утверждал, что баптисты появились в Бурятии не ранее 1918 г. [Долотов, 1930, с. 54] Тем не менее тезис о том, что в предвоенное время и с началом войны в Сибири активизируются постпротестантские деноминации и секты, находит свое подтверждение.

В силу ослабления в этот период государственного и церковного контроля за сектантами мы не имеем возможности подробно проследить их развитие в Западном Забайкалье по архивным источникам из-за их отсутствия. Важно отметить роль Транссибирской железной дороги в распространении на Восток нетрадиционных учений, Трансиб некоторые авторы называют причиной появления здесь первых представителей поздних протестантских вероучений [Бычков, 1996], которые ввиду своей малочисленности заметного влияния на религиозную ситуацию в крае не оказали.

Всего нами выявлено и проанализировано в фондах ГАРБ и ГАЗК порядка 160 делопроизводственных документов светских властей, содержащих информацию, имеющую прямое либо косвенное отношение к теме исследования. Большинство выявленных документов имеет отчетно-статистический характер и посвящено сектантству лишь фрагментарно. Два собрания документов («О составлении сведений о скопцах, проживающих в Забайкальской области» и «Донесения министру внутренних дел сведений о скопцах, находящихся в тюрьмах Забайкальской области») (ГАЗК) посвящены тематике сектантства полностью. Рассматриваемые в делопроизводственных материалах вопросы в основном касаются численности, мест расселения сектантов, их половозрастного состава. В отдельных случаях приводятся личные и характеризующие последователей сект данные. Там, где имело место большое скопление последователей сект и, возможно, существовали их общины, не затронуты вопросы внутриконфессиональной жизни указанных общин. На основе данной группы источников можно сформировать только общее представление о наличии в Западном Забайкалье христианских сект, что, однако, также немаловажно. Дополняют картину бытования в регионе последователей сект материалы делопроизводства церковных учреждений Западного Забайкалья.

Обширные сведения по истории сект в Западном Забайкалье содержат материалы церковного делопроизводства — рапорты священников, миссионеров, настоятелей монастырей, благочинных в консисторию, статистические данные о числе лиц, принявших православие, их именные списки, годовые отчеты Забайкальской духовной миссии, а также противораскольничьей миссии за ряд лет, путевые дневники и записки миссионеров, сведения о состоянии раскола и деятельности сект, данные о миссионерской деятельности монастырей и др. Особый интерес представляет фонд Троицкого Селенгинского монастыря, при котором располагалась Забайкальская противораскольничья миссия. Подчеркнем, что самые ранние делопроизводственные материалы, выявленные нами, не относятся к деятельности противораскольничьей миссии, а имеют

прямое отношение к «сектантской» тематике в Западном Забайкалье.

Речь идет о дошедших до нас материалах церковного расследования деятельности настоятеля Троицкого Селенгинского монастыря в 1829–1834 гг. игумена Израиля (Ивана Федорова), организовавшего в монастыре некое общество сектантского типа. Свое учение он планировал распространить и в Чикойском ските (с 1835 г. Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь), настоятель которого иеромонах Варлаам (впоследствии Святой Преподобный Варлаам Чикойский) был в свое время пострижен Израилем в монахи. Однако осуществить это он не успел.

Материалы следствия сосредоточены в «Деле об обвинении иеромонаха Израиля в организации еврейской секты при Чикойском монастыре» на 25 листах, которое датируется 1834 г. Из материалов дела следует, что Израиль еще в Троицком Селенгинском монастыре организовал некое «тайное общество», сходное с сектой «людей Божиих», или «духовных христиан» (молокан), и при этом привлек в свою секту некоторых почтенных людей из Кяхты, в особенности семейство купца Луки Тимофеевича Молчанова, с чьей женой он якобы сожительствовал [ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 493. Л. 5]. При этом сам Израиль, как следует из материалов дела, объявил себя Богом и «Ангелом Светлым», сожительствующую с ним купчиху — Богородицей, а когда та родила ребенка, объявил его Христом. Соборания и богослужения данного общества, по словам авторов документов, велись кощунственным образом, грубо нарушали порядок и церковные уставы, из чего и был сделан вывод, что при монастыре организована именно секта.

Игумен Израиль, в миру Иван Федоров, происходил из крестьян Костромской губернии. Начал церковную жизнь иноком Николаевско-Бабаевского монастыря Костромской епархии, где в 1821 г. был пострижен в монашество и занимался иконописью. По прошествии нескольких лет настоятелем монастыря архимандритом Анастасием было замечено, что Израиль самочинно организовал в монастыре подозрительные собрания, где проповедовал учение, явно не схожее

с православным. В результате епископом Костромским Самуилом было принято решение о ссылке Израйля и его сторонников из числа монастырской братии в отдаленные епархии. Так Израиль оказался в Иркутской епархии, где стал настоятелем Свято-Троицкого Селенгинского монастыря, а в 1832 г. произведен архиепископом Мелетием в сан игумена [Монастыри в Бурятии...].

17 февраля 1834 г. Израиль со свитой из своих последователей, в том числе жены и дочерей купца Молчанова, прибыл в Чикойский скит и после бранных замечаний в адрес иеромонаха Варлаама, на которого якобы поступали жалобы, поставил его и всю скитскую братию в церкви на колени. Сам Варлаам стоял на коленях с вечера до утра, братия же под предлогом утара в церкви ночью разошлась по своим кельям.

На следующий день Израиль вынес всю богослужебную утварь из церкви в келью настоятеля скита, поставил в ней стол, разложил на нем в том же порядке, что и на престоле в храме, крест, дарохранительницу, дискос и прочее, накрыл все это лучшими покрывами, поставил и аналой с раскрытой Библией. В келье сидели на стульях три девицы и три женщины в белых одеждах и несколько мужчин, приехавших вместе с игуменом. Израиль приказал сесть и Варлааму. Затем он вынул из дарохранительницы ковчег со Святыми Дарами, положил их в обычную чашку, взмахнул кадилом и произнес: «Со страхом Божиим и верою приступите», после чего начал причащать всех бывших в зале, начиная с девиц. Затем Израиль, стоя на коленях в лучшем подризнике, епитрахили и поручах, начал читать составленную им самим молитву, после чего порезал, раздал для вкушения находившимся в келье хлеб, который они запивали вином. После каждого действия Израиль садился и, по словам очевидцев, «предавался молчанию». Тут же принесен был таз для омовения ног: Израиль, препоясанный платком, стал умывать ноги всем в келье, в том числе и Варлааму, хотя тот отказывался от омовения. Все это действие закончилось около 11 часов пополудни [ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 493. Л. 7–9].

Далее во время служения Варлаамом утрени в церкви Израиль, будучи «в чрезвычайном душевном расстройстве», вошел в

церковь, выгнал прочь Варлаама и, приставив к церковному входу сторожа, приказал ему не впускать никого из жителей монастыря. Затем заставил женщин мыть церковь, а девиц — алтарь [Там же. Л. 10].

На следующий день Израиль приказал созывать к утрени. По благовесту собрались в церкви как насельники монастыря, так и жители окрестных деревень, прибывшие на воскресную службу. По указанию Израйля в храм были принесены 12 стульев, затем в него вошел сам Израиль с крестом на голове. При этом подсвечники, сосуд с вином, дискос с хлебом, Евангелие, дарохранительницу — все заносили в храм те же «девицы». Игумен опять мыл собравшимся ноги, а после чтения Евангелия прочёл молитву не из служебника, а какую сам сочинил [Там же. Л. 11].

Все нарушения и отходы Израйля от церковных уставов подробно описал и направил письмом в Иркутск иеромонах Варлаам. Вскоре на выезде из Чикойского скита Израиль был арестован и начато как светское, так и церковное следствие. В соответствии с резолюцией архиепископа Иркутского Мелетия № 756 от 6 марта 1834 г. руководителем церковного следствия был назначен настоятель Троицкосавского Троицкого собора, протоиерей и благочинный Николай Тихомиров, который немедленно выехал на «место происшествия», где избрал себе в помощники священника ближайшей к Чикойскому скиту Жиндинской Трех-Святительской церкви Николая Парфенова [ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 493. Л. 16]. Все документы, находящиеся в деле, а это протоколы допроса жителей окрестных деревень, участвовавших в богослужениях Израйля в Чикойском скиту, а также рапорты о ходе расследования в консисторию, написаны рукой Н. Тихомирова и заверены печатью Жиндинской Трех-Святительской церкви.

Дело Израйля приобрело широкий общественный резонанс и дошло до обер-прокурора синода, который докладывал о случившемся императору Николаю I [Монастыри в Бурятии...]. По завершении следствия «помрачившийся умом» Израиль был сослан в Соловецкий монастырь, где провел в молитвах долгих 28 лет, а дру-

гие соучастники и приверженцы Израиля были подвержены церковной епитимии [Там же]. В монастырском заточении Израиль и скончался 2 ноября 1862 г., причем заметка о его кончине с кратким жизнеописанием была помещена в Иркутских епархиальных ведомостях [Кончина узника Израиля., 1863, с. 123–124].

Отметим, что ранее этот сюжет рассматривался как церковными, так и светскими историками в контексте изучения жизни гораздо более известной личности — Святого Преподобного Варлаама Чикойского. Во-вторых, следует учитывать, что для того времени любое инакомыслие и отход от принятых канонов в рамках Русской православной церкви считались еретическими, а любая нелегальная группа, отколовшаяся от церкви, сектантской. Сектой в полном смысле слова данный кружок можно назвать лишь условно. Израиль, очевидно, хотел уйти от казённости и формализма, показать евангельскую первооснову богослужения, равенство всех верующих в церкви. Именованье себя Ангелом Светлым, а своей помощницы Богородицей, а также ряд обрядовых особенностей, если они действительно имели место быть, свидетельствует о близости практикуемого Израилем учения к христоверию. Однако тот факт, что в результате его деятельности исследователи получили в Западном Забайкалье первую «секту» местного происхождения, сомнению не подлежит.

Наиболее раннее упоминание православных миссионеров о представителях скопцов, молокан, духоборов в Западном Забайкалье содержится в отчете о деятельности Забайкальской миссии за 1847 г. Однако эти данные приводятся в документе без каких-либо подробностей об их деятельности, числе, местах проживания [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 988. Л. 403].

В рапорте благочинного 5-го Сретенского благочиния Нерчинского уезда протоиерея Мелетия Прянишникова за 1898 г. упоминается факт выселения из вверенного ему района в административном порядке двух духоборов, однако никаких подробностей о данном событии и его участниках также не сообщается [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 117. Л. 3].

Таблица 3

			Секты рационалистические										Секты мистические			
Уезд	Не указавшие толк и секту		духоборы		молокане (духоносцы, субботники, воскресники, прыгуны, сопуны, общие или акинфеевцы)		штундисты (младостундисты, евангельские христиане, или штундобап-тисты или тоже староштундисты, пашковцы)		немоляки (воздыханцы)		жидовствующие (иудействующие)		хлысты, шалопуты (монтане, марьяновское исповедание, богомолы, белоризцы)		скопцы	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Читинский	73	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Акшинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Баргузинский	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Верхнеудинский	13852	14526	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нерчинский	99	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нерчинско-Заводской	49	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Селенгинский	167	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Троицкосавский	4	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

С 1878 г. в Западном Забайкалье при Свято-Троицком Селенгинском монастыре начала действовать постоянная противораскольничья миссия. В ее задачи входило «вразумление» многочисленных раскольников, в основном посредством бесед на религиозные темы. Миссионеры должны были обладать самыми полными сведениями о старообрядцах в данном регионе и в отличие от светских чиновников всегда понимали существенные различия между старообрядческими толками и сектантскими течениями. В материалах фонда сохранились отчеты миссии лишь за 1891, 1892 и 1893 гг. [ГАРБ. Ф 262. Оп. 1. Д. 414] В указанный период начальником противораскольничьей миссии был настоятель Троицкого Селенгинского монастыря архимандрит Иринарх (Дмитриев).

В одном из своих отчетов [Там же. Л. 46] начальнику Забайкальской духовной миссии архиепископу Вениамину (Благонравову) в 1891 г. Иринарх сообщает: «Иркутская губерния не имела прежде ни раскольников, ни сектантов, пока не населили ее теми и другими из ссыльнопоселенцев. В Иркутской губернии и теперь мало раскольников, единицами расселенных по разным селениям без религиозного общения между собою. Только сектанты — субботники и духоборы — соединились вместе с тремя селениями небольшими общинами, состоящими из ссыльнопоселенцев и их потомков. В Забайкальской волости, напротив, нет сектантских общин, зато много старообрядцев, живущих большей частью в отдельных селениях» [Там же. Л. 3]. Таким образом, в 1891 г. Иринарх говорит об отсутствии в Западном Забайкалье сектантских общин, что означает, что более в отчетах миссии о них не будет сказано ни слова. Однако это не значит, что здесь не было периодически прибывающих сюда на поселение сектантов. Это подтверждается значительным массивом делопроизводственной документации светских властей. Вместе с тем ввиду своей малочисленности последователи сект не оформлялись в общества, что, возможно, делало их неопасными в глазах миссионеров, в основном занятых приведением в лоно церкви многочисленных инородцев и, конечно, старообрядцев.

В начале XX в. под влиянием ряда факторов объективного и субъективного характера религиозная ситуация в Российской империи претерпевает существенные изменения. По мнению некоторых исследователей, начало XX в. — это особенный период в истории России, который характеризуется многосложными и значительными процессами в политической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества. Это время усугубления социальных противоречий в России и ослабления авторитета РПЦ. На фоне указанных явлений и во многом благодаря им в России происходит активизация в развитии тех религиозных течений, которые раньше находились в неравном положении по отношению к православной церкви. Это относится в том числе и к старообрядчеству, и к религиозному сектантству [Кузнецова, 2000]. Не была исключением из общероссийских правил и Забайкальская область, в состав которой входил тогда Верхнеудинский уезд. Несмотря на то, что в Западном Забайкалье наблюдалась тенденция к уменьшению последователей ранее существовавших здесь христианских сект, имелись предпосылки к появлению в регионе новых, неизвестных ранее вероучений, о которых уже упоминалось в нашем исследовании, — евангельских христиан-баптистов, пятидесятников и адвентистов Седьмого дня.

На новые вызовы должна была реагировать и РПЦ. В 1906 г. на миссионерском съезде в Чите духовенством была озвучена необходимость противостояния западным сектантским учениям, отличавшимся активными формами проповеди, как «вреднейшим» [Отчет о состоянии Забайкальской..., 1908]. Позднее О. В. Бычков, в середине 1990-х гг. научный секретарь Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии РПЦ, укажет в своей работе: «... во время строительства Транссибирской магистрали и с началом ее эксплуатации в полосе железной дороги среди строителей и рабочих, прибывавших в Забайкалье из европейской части России, были единичные представители нового протестантского учения американского происхождения — адвентисты Седьмого дня» [Бычков, 1996]. Однако ссылки на свои источники автор не приводит, поэто-

му подтвердить обоснованность таких выводов довольно сложно. А. С. Долотов в книге «Церковь и сектантство в Сибири» указывает, что первая партия баптистов была сослана в Енисейскую и Иркутскую губернии из южных регионов России в 1891 г., а непосредственно в Бурятию баптисты проникли в 1918 г. [Долотов, 1930, с. 50]

Складывающаяся ситуация находит свое отражение и на страницах архивных документов. К примеру, в рапорте епископа Забайкальского и Нерчинского Иоанна (Смирнова) Священному синоду за 1915 г. сообщается: «... в Чите и по линии железной дороги в последние четыре года стало распространяться сектантство: баптизм, адвентизм, штундизм, иоаннитство. Священники и миссионеры во главе с епархиальной властью принимают все меры пастырского воздействия для борьбы с сектантством» [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1098. Л. 8]. Из изложенного следует, что немногочисленные представители новых религиозных движений беспокоили епархиальное начальство гораздо больше, чем знакомые им и уже «усмиренные» властями «русские» сектанты.

В указанный период в Забайкалье для ведения противосектантской деятельности вводится должность специального миссионера и его помощника. Чтобы эффективно противостоять сектантским вероучениям, миссионеры стремились как можно больше узнать об особенностях учения, обрядах, бытовой жизни сектантов, что находит соответствующее отражение в отчетных материалах миссии.

Так, в 1913 г. помощник миссионера по противосектантской деятельности диакон Илия Иванов составил отчет, в котором изложил результаты своего расследования о деятельности секты так называемых «хлыстов-киселевцев». Он отмечал, что «учение этой секты представляет из себя странную смесь христианства со многими ересями, причем оно до того туманно, что невозможно установить точную его формулировку» [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1007. Л. 7]. Представители этой секты, по словам миссионера, обожествляли личность протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского), считая его воплотившимся «богом», также превозносили некую Матрону Киселеву, приписывая ей дары провидения и называя ее Богородицей.

«Привлекая к себе именем досточтимого кронштадтского пастыря, деятели этой секты путем обмана обирали простодушных людей, не гнушась мошенническими проделками, выманивали у них даже их последние средства к существованию», — пишет диакон Илия [Там же. Л. 7об.]. Хлысты-киселевцы, по его наблюдениям, считали законное сожитие супругов грехом и поощряли так называемое «духовное» супружество, которое по сути представляло собой совместное общежитие мужчин и женщин, ведущее к распутству [Там же. Л. 8]. Сектанты всячески подчеркивали, что ведут строгую и праведную жизнь, они не были замечены в употреблении вина, курении, истово молились, соблюдали посты. По этой причине православные люди относились к ним с уважением и с удовольствием слушали их беседы [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1007. Л. 8 об.].

Выявленные миссионерами хлысты-киселевцы распространяли свои идеи и литературу через специальных книгонош, которые под видом странников, «людей божиих», переходили из села в село. «Они учили о скором суде Божиим, прельщая простодушных распродавать свое имущество и забирали себе их деньги» [Там же]. Отметим, что в этой связи невольно напрашиваются аналогии с сектантскими течениями западного происхождения. Почитание же Иоанна Кронштадтского выдает в хлыстах-киселевцах последователей течения ионитов, более подробные сведения о которых изложены во второй главе нашего исследования.

Таким образом, перед Забайкальской миссией в первые десятилетия XX в. стояли задачи по тщательному изучению деятельности распространившихся сектантских течений западного происхождения, составлению их подробных характеристик, разработке мер противодействия их влиянию, изданию противосектантской литературы. Исходя из поставленных задач различается и

содержание делопроизводственных документов светских и церковных властей Западного Забайкалья. Если в первом случае в документах содержатся поверхностные статистические данные о численности и местах расселения сектантов в Забайкальской области, то во втором случае делается акцент на характеристике особенностей вероучения сект и выработке мер по снижению их влияния путем миссионерской разъяснительной работы («бесед»).

Интересные сведения о сектантстве в Байкальском регионе встречаются в церковной периодической печати. Так, в выходивших два раза в месяц «Иркутских епархиальных ведомостях» публиковались отчеты Забайкальской духовной миссии. Нами были изучены номера указанного периодического издания с 1863 по 1915 г. При этом сведения о состоянии сектантства непосредственно в Западном Забайкалье мы не встречали, что вполне объяснимо с точки зрения незначительного количества их последователей, при этом было выявлено несколько важных замечаний в отношении духовоборов и баптистов, действовавших на территории Иркутской губернии [Копылов, 1874, с. 374–380; Успенский, 1910, с. 147–150; Троицкий, 1913, с. 598–660].

Итак, с 1830-х гг. вплоть до начала XX в. в Западном Забайкалье существовали представители нескольких религиозных течений, считавшихся в Российской империи сектантскими. Это молоканство, духовоборчество, субботничество, скопчество, христоверие, ионитство (хлысты-киселевцы). По сравнению с верующими других конфессий сектанты составляли в их общей численности единицы. Согласно дореволюционной статистике все население Забайкалья в 1901 г. по исповедальному признаку принадлежало к следующим конфессиям: православные — около 70% всего населения; ламаисты и буддисты — 21%; старообрядцы — 6,4%; иудаисты — 1,7%; мусульмане, католики, протестанты-лютеране, шаманисты — около 1%. Такие конфессии, как православная, православно-старообрядческая, ламаистская, римско-католическая, иудаистская, имели свои храмы и культовые постройки для отправления богослужений. На территории Бурятского благочиния Русской право-

славной церкви в начале XX в. находилось 278 церквей, 4 монастыря и 302 часовни [ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1681. Л. 39]. Поскольку в Западном Забайкалье нам неизвестен ни один случай оформления последователей сект в обществе, своих молитвенных зданий они официально не имели.

Таким образом, документы Забайкальской духовной миссии и в особенности противораскольничьей миссии в исследуемый период содержат в себе лишь малую часть сведений относительно проникновения и пребывания в Западном Забайкалье представителей христианских сект. Ситуация меняется в начале XX в., когда миссионеры стали уделять повышенное внимание проникающим с Запада евангельским христианам-баптистам, адвентистам, пятидесятникам, чьи активные способы проповеди (прозелитизм) были направлены на привлечение как можно большего количества последователей в короткие сроки.

Глава II

ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В БМАССР В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Основу источниковой базы советского периода исследования по-прежнему составляют письменные источники, в том числе документы законодательного характера, отражающие особенности государственной политики по отношению к сектантству, а также делопроизводственные материалы. В указанный период исчезает церковное делопроизводство по теме исследования, на смену ему приходят документы антирелигиозных общественных объединений. На первый план по степени информативности выдвигаются материалы государственных структур, осуществлявших контроль за конфессиональной ситуацией в регионе. Дополняют источниковый комплекс советского периода материалы региональной периодической печати.

В советский период Бурятия становится самостоятельной административно-территориальной единицей в составе СССР и имеет собственные органы управления, письменные материалы которых практически полностью сосредоточены в фондах ГАРБ. Наиболее важные сведения по истории христианских сект указанного периода хранятся в фондах П-1 «Бурятский областной комитет КПСС» (1921–1991), Р-248 «Совет Министров Бурятской АССР» (1922–1997), Р-581 «Бурят-Монгольский областной Союз воинствующих безбожников» (1926–1938), Р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров БАССР» (1920–1994). Законодательные и циркулярные материалы центральных органов власти, регулирующие положение религий в СССР, настоящее время опубликованы не в полном составе. В фондах Государственного архива РФ исследователям доступны еще не все материалы фонда

Совета по делам религий при Совете Министров СССР (Р-6991). Так, не рассекречено большинство указаний совета о мерах по обеспечению реализации государственной конфессиональной политики на местах, докладов уполномоченных на закрытых заседаниях совета за 1970–1980-е гг. Применительно к Бурятии отметим, что засекречено большинство делопроизводственных документов Управления КГБ по БАССР, содержащих информацию о религиозной ситуации в регионе в 1920–1980-х гг.

2.1 Политика Советского государства в отношении христианских сект

С приходом советской власти действие законов Российской империи было прекращено. Отмена всех законодательных ограничений для инославных религий, прекращение миссионерской деятельности Русской православной церкви способствовали активизации нетрадиционной религиозности. Свобода осуществления религиозной проповеди увеличивала активность и последователей христианских сект.

Первые законодательные инициативы большевиков были направлены не столько на искоренение религии в целом, сколько на подрыв позиций Русской православной церкви. Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не только лишал РПЦ прав юридического лица и собственности, но и объявлял религию частным делом граждан. При этом советская власть, позиционировавшая себя как сугубо светская, в первые годы своего существования заняла по отношению к религиям, ранее притесняемым РПЦ, мирную и даже союзническую позицию. Для того чтобы облегчить себе задачу по искоренению влияния православной религии, стремились заручиться чем-то вроде союза с другими конфессиями или хотя бы обеспечить нейтралитет с их стороны [Поспеловский, 1995, с. 60]. Лучше всего для такого союза подходили последователи сект как наиболее угнетаемых ранее религиозных

групп. Так, членам РКП(б) указывалось на проведение активной работы по привлечению сектантов к революционному строительству [Оленич, 2004, с. 63].

В свою очередь, члены сектантских общин выражали полное согласие с проводимой большевиками политикой. Некоторые последователи сектантских течений и вовсе провозглашали себя коммунистами, что было особо характерно для молокан, духоборов и евангельских христиан-баптистов [Там же, с. 64]. Ряд исследователей приходит к выводу, что такие действия не были показными, продиктованными только необходимостью выживания при новой власти. К примеру, И. С. Проханов, лидер движения баптистов в 1920-е гг., всерьез пытался осмыслить социализм через свое учение. У него даже была идея создания «города Солнца» Евангельска с коммунами христиан. Адвентисты Седьмого дня в начале 1920-х гг. утверждали, что на В. И. Ленине лежит «благодать божья» [Михайлюк, 2016]. Правда, в 1923 г. того же Проханова «для профилактики» арестуют на несколько месяцев, а в 1928 г. он навсегда эмигрирует из страны, опасаясь нового ареста. Основатель пятидесятнического движения в СССР И. Е. Воронаев уехать не успеет. В 1930 г. он будет арестован и этапирован в северные районы страны, где погибнет. Точная дата его смерти не известна до сих пор.

В 1924 г. от некоторых коммунистов стали поступать предложения о возможности создания единого блока партии и некоторых религиозных течений. В 1924–1925 гг. декларации о лояльности и сотрудничестве с большевиками были подписаны руководством общин баптистов, пятидесятников и адвентистов. К примеру, в декларации о лояльности адвентистов Седьмого дня говорилось: «Мы убедились в том, что Бог в своем предвидении расположил сердце и дал мудрость нашему незабываемому В. И. Ленину и его ближайшим соратникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и современного аппарата» [Там же].

Существовали и идеи по использованию экономического потенциала последователей сект. Так, в конце 1921 г. по указанию

В. И. Ленина при Народном комиссариате земледелия РСФСР была создана Комиссия по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами, в компетенцию которой входило предоставление сектантам земельных угодий для сельскохозяйственного использования и создания различных хозяйственных объединений на особых договорных отношениях с правительством. Местным органам власти было предписано «всячески воздерживаться от какого бы то ни было стеснения» хозяйственной деятельности сектантов [Савин, 1998, с. 91]. В последующем Ленин предложит В. Д. Бонч-Бруевичу, уже известному нам своими просектантскими настроениями и трудами по истории сект в России, выпустить от имени Народного комиссариата земледелия воззвание к сектантам о привлечении их к сотрудничеству для создания образцовых колхозов, что и было сделано уже после смерти вождя мирового пролетариата в 1925 г.

Выступая на XIII съезде РКП(б), член ЦК А. И. Рыков заявлял, что «сектантские течения», которые под «религиозным соусом» реализуют революционные задачи, необходимо использовать «всячески и целиком» [Оленич, 2004, с. 64]. В свою очередь, Л. Д. Троцкий возражал против заигрывания с сектами. С ним соглашался и С. М. Буденный, отмечавший, что «к сектантам стали переходить многие, главным образом, бедняки и, главным образом, для того, чтобы не идти в армию» [Там же, с. 65].

Таким образом, в начале — середине 1920-х гг. сектантские течения в Советской России увеличивают свою численность и, по крайней мере, не преследуются открыто властями. По мнению как исследователей, так и представителей самих сектантских вероучений, первые годы советской власти в целом были самым благоприятным временем для их развития и распространения их учений. Однако такой тезис применим не ко всем сектантским вероучениям России. В частности, А. И. Клибанов указывал, что «численный рост сектантства в 1917–1928 гг. был характерен не для всех видов сектантства. Христоверие и субботничество, молоканство и духо-

борчество не росли. Это были секты, пришедшие в упадок» [Клибанов, 1973, с. 214]. Излишне указывать на то, что не росла и секта скопцов, последователи которой не оставляли потомства.

Однако устремления ряда большевистских лидеров к «союзу» с сектантскими течениями не могли изменить антирелигиозной основы большевистской идеологии. Не подвергался сомнению постулат о том, что всякие религии по своей сути реакционны, а их искоренение является необходимым условием построения коммунистического общества. Уже циркуляр ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды» от 4 февраля 1922 г. содержал положение о том, что «РКП систематически борется со всяким религиозным мировоззрением». Поэтому по мере укрепления своей власти большевиками предпринимались все меры по борьбе с вероисповеданиями без различия конфессиональной принадлежности. Христианские секты не являлись в данном отношении исключением.

Сибирский регион и Западное Забайкалье в частности отражали общую для России тенденцию в развитии религиозного сектантства. Различные сектантские движения с началом революции организуют в сибирских городах свои съезды, учредительные комитеты и прочие организации. Так, в Омске первый «свободный съезд русских баптистов» был созван 5 ноября 1917 г. На нем присутствовало 144 делегата от 100 общин Сибири. Делегаты представляли 4 700 верующих — баптистов [Долотов, 1930, с. 60]. Численность баптистов в Сибири начинает расти, но по совершенно другим причинам. Если до революции они прибывали сюда в результате гонений властей, то после нее сектанты ехали в Сибирь в поисках последователей.

В Новосибирске 17 апреля 1917 г. состоялся первый съезд христиан веры евангельской, или пятидесятников. Русское население прозвало пятидесятников «трясунами» за необычную форму моления, во время которого те впадали в экстаз, начинали кричать на непонятных языках, трястись и кататься по полу [Клибанов, 1973, с. 244]. К 1929 г. пятидесятников в Новосибирске было чуть меньше, чем баптистов, — 900 человек против 1 500. Активизируются в Сибири и адвентисты Седьмого дня. В отличие от других сект ме-

стом их первого съезда стал г. Томск, где в 1920 г. после соответствующего съезда был образован Сибирский союз адвентистов Седьмого дня Бога Живаго [Долотов, 1930, с. 61]. Из трех перечисленных выше сект община адвентистов была самой малочисленной.

Несмотря на лояльность центральных властей к сектантству в первой половине 1920-х гг. система мер по их искоренению вырабатывалась уже в то время, в том числе в сибирских регионах. Современный исследователь протестантских течений в Сибири А. И. Савин на основе выявленных им в архивных фондах Новосибирской и Омской областей материалов Полномочного представительства ГПУ в Сибири и Сибирского революционного комитета (Сибревком) сообщает о проведенной в 1922–1923 гг. неудачной кампании органов ГПУ совместно с местными партийными органами, направленной на ликвидацию стремительно растущих сектантских общин на территории Сибири [Савин, 1998, с. 91–100].

Так, согласно постановлению Сибревкома № 927 от 22 ноября 1922 г., предписывавшему всем губернским исполнительным комитетам провести проверку подлежащих регистрации обществ, союзов и объединений, не преследующих цели извлечения прибыли, и в срок до 1 января 1923 г. закрыть «до сего времени незарегистрировавшиеся» [Там же, с. 92]. Сектантские общины подпадали под действие данного постановления в первую очередь, поскольку в большинстве отрицали саму идею регистрации, видя в данной процедуре ущемление своих прав. Кроме того, до апреля 1923 г. не существовало специального нормативного акта о порядке их регистрации.

По итогам кампании было закрыто значительное количество сектантских общин в сибирских регионах, однако последние начали опротестовывать решение о закрытии во всех инстанциях — от Сибревкома до ВЦИК и НКВД. Учитывая складывающуюся в то время обстановку, центральный аппарат ведомства под напором жалоб встал на сторону верующих. Циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 г. № 673/с предлагал всем губкомам РКП(б) «прекратить систему административных репрессий... не препятствовать регистрации сектантских общин, давая возможность им легализо-

ваться, чтобы они находились в поле нашего зрения» [Савин, 1998, с. 97].

1929 год стал во многом переломным в государственной политике по отношению к религии в целом и сектантству в частности. 24 января 1929 г. выходит секретный циркуляр ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Духовенство и верующие объявлялись в нем противниками социализма, соответственно и борьба с религией приравнивалась к классово-политической.

8 апреля того же года выходит постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», в соответствии с которым религиозная деятельность разрешалась только зарегистрированным общинам численностью не менее 20 человек, состоявшим из лиц старше 18 лет. Для религиозных объединений запрещалась благотворительная деятельность, организация специальных женских, детских, молодежных собраний (что было особенно присуще протестантским общинам). Согласно указанному постановлению все религиозные объединения обязаны были пройти государственную регистрацию в течение одного года. Таким образом, все сектантские объединения, действовавшие на территории СССР, чуть более чем через 10 лет после отмены дискриминационного для них имперского законодательства вновь оказались под полным контролем государства и были вынуждены либо официально зарегистрироваться и действовать в условиях жестких ограничений, либо снова уйти в подполье.

Вслед за решениями центра соответствующие постановления принимаются и в Бурятии. Так, в БМАССР был принят отдельный Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви за № 221. Однако принят он был через два года после образования республики — 17 декабря 1925 г [Цыремпилова, 2000, с. 59]. 12–13 августа 1929 г. бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) приняло резолюцию «Об антирелигиозной работе», в которой указывалось на необходимость усиления антирелигиозной работы в республике и определялись обязанности государственных, партийных, комсомольских организаций в деле усиления антирелигиозной работы.

Создается в указанный период и разворачивает активную религиозную деятельность Союз воинствующих безбожников (СВБ) — общественная организация, пользовавшаяся значительной государственной поддержкой. Сам союз возник в 1925 г., когда власти только начинали систематическую антицерковную работу. Главным безбожником страны на протяжении почти 20 лет являлся председатель СВБ, редактор газеты «Безбожник», академик АН СССР Емельян Михайлович Ярославский (настоящее имя — Миней Израилевич Губельман), являвшийся, к слову, уроженцем г. Чита Забайкальской области.

В ноябре 1924 г. он направил в ЦК партии записку, в которой излагал проект постановления об организации в СССР полноценного всесоюзного антирелигиозного общества. В ЦК данную идею поддержали и уже в апреле 1925 г. в Москве состоялся первый съезд общества друзей газеты «Безбожник», положивший начало Союзу безбожников СССР (в 1929 г. переименован в Союз воинствующих безбожников).

В Бурятии отделение СВБ было образовано 2 декабря 1926 г. 27 января 1927 г. центральным советом СВБ зарегистрирован устав местного союза. На заводах и фабриках, в улусах и деревнях, в военных частях и учебных заведениях действовали ячейки данной организации. Совет местного СВБ состоял из 7 человек. Председателем был избран В. А. Богданов, секретарем Б. Д. Тогмитов [Цыремпилова, 2000, с. 73]. В 1928 г. в БМАССР насчитывалось уже 23 ячейки Союза безбожников, общая численность которых составляла 928 чел. При этом воинствующие атеисты содержались на бюджетные деньги. Так, содержание регионального СВБ обходилось государству примерно в 20 тысяч рублей в год [ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 3. Л. 140]. Делопроизводственные документы указанной структуры рассмотрены в следующем параграфе нашего исследования.

15 мая 1932 г. правительственным декретом была объявлена так называемая «безбожная пятилетка», в ходе которой была поставлена амбициозная цель: к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории страны» [Фирсов, 2002, с. 3]. Подлежали закрытию

все культовые учреждения. В 1932 г. решением ВЦИК и СНК РСФСР функции общего надзора за деятельностью религиозных организаций, их регистрация, выдача разрешений на проведение съездов переданы из ведения НКВД Центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, созданной 1 июня 1930 г., комиссиям по вопросам культов при местных исполкомах. В функции указанной комиссии входили осуществление общего руководства и наблюдение за правильным применением законодательства о культах на территории РСФСР, учёт религиозных объединений, разработка законодательных проектов, рассмотрение жалоб и обращений верующих граждан. В апреле 1938 г. комиссия была упразднена, поскольку к тому времени решение религиозных вопросов полностью перешло в компетенцию НКВД.

Новая Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г., провозглашала равноправие всех граждан, в том числе и «служителей культа», а за гражданами по-прежнему признавалась «свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды» [Конституция СССР...].

Однако указанные положения соблюдались лишь номинально. Деятельность сектантских, как и многих других религиозных объединений в таких условиях, была практически невозможна. И как следствие численность сектантских общин в 1930-е гг. резко сокращается, богослужения совершаются по большей части нелегально. Отрицание религии в СССР в указанный период достигает своего апогея, однако все еще значительное количество верующих в стране не позволяет заявить о полном искоренении не только основных конфессий, но и сектантских сообществ, наличие которых с сожалением констатируют советские активисты-антирелигиозники [Козьмина, 1939].

Однако все усилия партийно-государственных органов не смогли побороть религию в советском обществе. Период с середины 1940-х гг. характеризуется некоторыми изменениями в положении религиозных групп верующих в нашей стране. Еще в годы Великой Отечественной войны руководство СССР в целях консолидации

советского общества, значительная часть которого сохраняла свою религиозность, делает ряд шагов к либерализации конфессиональной политики. Вновь открываются некоторые церкви. Однако контроль государства за церковной деятельностью не был ослаблен. 14 сентября 1943 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «Об организации Совета по делам Русской православной церкви», а 19 мая 1944 г. создан Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. В 1966 г. эти органы объединились в один — Совет по делам религий при Совете Министров (далее — СМ) СССР (далее — СДР).

Вновь созданная структура была ответственна за реализацию государственной конфессиональной политики в отношении всех религиозных объединений и групп, действовавших на территории СССР.

По аналогии с центром в регионах при областных (краевых) исполкомах и СНК автономных республик в течение осени 1943 г. были введены должности уполномоченных Совета по делам религиозных культов. Их права и обязанности регламентировались соответствующей инструкцией от 5 февраля 1944 г. и предусматривали следующее:

«1. Предварительное рассмотрение поступающих от групп верующих заявлений об открытии церквей или молитвенных домов, проведение соответствующей проверки и представление заключения.

2. Регистрация религиозных общин.

3. Проведение учета всех действующих молитвенных зданий (храмов).

4. Наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства СССР, относящихся к РПЦ; за деятельностью религиозных общин и служителей культов, которая должна строго регламентироваться целями, как то: совершением богослужений в культовом здании, отправлением религиозных обрядов и треб, управлением культовым имуществом.

5. Проведение служебного приема представителей религиозных общин и духовенства по рассмотрению жалоб. Выезды на места для

обследования церковных зданий и культового имущества, для проверки жалоб и др.

6. Предварительное рассмотрение материалов по закрытию церквей и ликвидации религиозных общин при нарушении ими действующего законодательства о религиозных культах.

7. Ведение учета и отчетности» [ГАРБ, Ф. Р-1857. Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения, Л. 3–4].

В Бурят-Монгольской АССР (с 1958 г. — Бурятская АССР) уполномоченным по делам религиозных культов был назначен Н. Г. Гармаев, а в начале 1950-х гг. Д. Б. Очиржапов, который занимал должность вплоть до конца 1970-х гг. [Цыремпилова, Злыгостева, 2010, с. 49].

Следующий этап антирелигиозной кампании в СССР начинается в годы «оттепели». В указанный период выходит ряд важных документов, обозначивших направление конфессиональной политики государства вплоть до начала 1990-х гг. Это постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», а также закрытое постановление СМ СССР № 263 от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Указанные постановления вводили дополнительную ответственность для функционеров религиозных объединений, а также дополнили правила регистрации общин.

В первом документе до сведения партийных и советских органов доводилось, что «церковники и сектанты пытаются противодействовать проводимым мероприятиям по усилению научно-атеистической пропаганды среди населения, выходят за рамки религиозной деятельности, пытаются использовать церковь и секты в интересах, враждебных советскому народу». Причина этого кроется «в ослаблении контроля за деятельностью духовенства со стороны государственных органов и самих религиозных объединений» [Крикун, Подгорный...]. Далее предлагалось указанный контроль максимально усилить. На его основе соответствующее постановление было принято и Бурятским обкомом КПСС.

Второе постановление дополняла «Инструкция по применению законодательства о культах» от 16 марта 1961 г., утвержденная совместным постановлением Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР для руководства уполномоченным на местах, которая помимо прочего рекомендовала регистрировать сектантские сообщества в целях их нахождения под контролем властей. Однако рекомендовалось регистрировать общины не всех сектантских течений: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, истинно православные христиане, истинно православная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.» [Крикун, Подгорный, ...].

В соответствии с указом Президиума ВС РСФСР от 18 марта 1966 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах», «О внесении дополнений в статью 142 УК РСФСР», «О применении статьи 142 УК РСФСР» [Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г., ст. 142], устанавливались три вида ответственности за нарушение религиозного законодательства: дисциплинарная, административная и уголовная.

Уклонение функционеров религиозных объединений от регистрации и другие нарушения ими законодательства о культах наказывались административным штрафом (до 50 р.) За посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, принудительное взимание сборов, изготовление и массовое распространение обращений, писем, листовок, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах, полагалась уголовная ответственность сначала до одного, а затем до трех лет лишения свободы.

Активно применялась к последователям сект и статья 227 УК РСФСР «Создание группы, причиняющей вред здоровью граждан», максимальное наказание по которой составляло 5 лет лишения свободы [Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г., ст. 227].

При этом подчёркивалось, что «к мерам административной, а тем более уголовной ответственности следует прибегать лишь в отношении злостных нарушителей законов» [Иванов, Лобазов, 1973, с. 46].

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» уточнял процедуру регистрации религиозных объединений, которая оставалась сложной и многоступенчатой. Полномочия по открытию и закрытию храмов переходили от местных советов к региональным советам по делам религий, причем окончательное решение могло приниматься без ограничения сроков. В соответствии со статьей 52 новой Конституции СССР 1977 г. гражданам гарантировалась свобода совести и право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Верующим дозволялось «отправлять религиозные культы», а атеистам вести антирелигиозную пропаганду [Конституция СССР от 07.10.1977 г., ст. 52]. Однако фактически симпатии государства продолжали оставаться на стороне последних, что делало неравнозначным положение в стране верующих и неверующих [Иванов, Лобазов, 1973, с. 116].

По общей же оценке религиоведов, в 1970-х гг. отношение государства к религиозным объединениям несколько либерализуется. На региональном уровне об этом может свидетельствовать, к примеру, официальная регистрация улан-удэнской общины евангельских христиан-баптистов в 1978 г. Рассмотренные нами в дальнейшем делопроизводственные материалы показывают, что в середине — конце 1980-х гг. религиозная жизнь в Бурятии также активизируется. Это, безусловно, связано с общей либерализацией социально-политической обстановки в государстве.

Таким образом, рассмотренные нами законодательные материалы позволяют сделать ряд предварительных выводов:

1. Политика Советского государства по отношению к последователям христианских сект в начале — середине 1920-х гг. в

целом отличалась лояльностью, что было обусловлено поиском союзников в ходе решения задач по снижению влияния православной церкви. По мере усиления государственного и партийного аппарата и ослабления православной церкви в 1930-х гг. сектантские общины также попадают в разряд противников советской власти, а их лидеры либо эмигрируют, либо подвергаются репрессиям. В 1940-е гг. в связи с пониманием невозможности полной ликвидации религии в стране государством создаются специальные органы, осуществляющие контроль и координацию деятельности религиозных объединений, в том числе сект. В 1960–1970-х гг. совершенствуется законодательство, регулирующее отношения в конфессиональной сфере в СССР.

2. Советское законодательство четко регламентировало деятельность религиозных объединений, при этом деятельность незарегистрированных религиозных групп фактически была запрещена. Данное обстоятельство ставило вне закона деятельность множества малочисленных групп последователей поздних протестантских течений (баптизм, адвентизм, пятидесятничество), Свидетелей Иеговы и способствовало значительному сокращению их численности. За посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, а также принудительное взимание сборов полагалась уголовная ответственность (ст. 142, 227 УК РСФСР). Вместе с тем с 1960-х гг. циркуляры Совета по делам религий при СМ СССР рекомендуют уполномоченным на местах регистрировать сектантские сообщества в целях их нахождения в поле зрения контролирующих органов.

3. Рассмотренные нами примеры решений и резолюций органов власти БМАССР (БАССР) в области конфессиональных отношений полностью следовали в фарватере решений и указаний центральных органов власти. Какие-либо самостоятельные законодательные решения в области конфессиональной политики республиканскими властями не предпринимались.

4. Основными функциями законодательных материалов, как и в досоветский период, являются регламентирующая и разъясни-

тельная. Анализ рассмотренных законодательных источников показал как общую направленность государственной политики в отношении последователей сект, ее региональный аспект на примере Советской Бурятии, так и некоторые особенности восприятия государственными органами самого явления сектантства в разные периоды их соприкосновения.

5. Рассмотренная законодательная база достаточно обширна и в целом позволяет сформировать представление об общей направленности государственной политики по отношению к последователям сект на протяжении советского периода, трансформации ее отдельных положений.

2.2 Деятельность христианских объединений в условиях светского государства

Значительную часть источниковой базы по истории христианских сект в Бурятии в советский период составили содержащиеся в фондах ГАРБ делопроизводственные материалы, к которым относятся материалы Союза воинствующих безбожников по БМАССР, циркулярные документы по линии религиозных культов, поступавшие из центральных подразделений Совета по делам религий при СМ СССР, квартальные и годовые отчеты уполномоченного по делам религий по БАССР, рабочие и справочные материалы, составляемые уполномоченным, решения органов исполнительной власти БАССР о регистрации религиозных общин.

Делопроизводственные документы также содержат деловую переписку между местными и центральными органами государственного управления по вопросам конфессиональной политики в регионе.

Некоторую информацию о положении христианских сект в регионе в советский период содержат архивные фонды № Р-248 «Совет Министров Бурятской АССР», Р-581 «Бурят-Монгольский областной союз воинствующих безбожников». Однако основные сведения как о традиционных, так и о нетрадиционных религиозных объединениях в указанный период содержатся в фонде № Р-1857

«Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР» ГАРБ. Указанный фонд изучен нами практически полностью.

Советская Бурятия, пережившая и революцию, и гражданскую войну, претерпевала существенные изменения и в конфессиональном плане. В первую очередь, это выражалось в росте последователей католицизма, а также протестантских и постпротестантских деноминаций и сект. За время Первой мировой войны в Западное Забайкалье было сослано немало пленных военнослужащих австрийской армии, а в годы гражданской войны и иностранной интервенции здесь побывали части восставшего чехословацкого корпуса, а в 1919 г. также и оккупационный корпус армии США [Хаптаев, 1967, с. 49]. Не исключено, что среди представителей указанных групп иностранцев присутствовали представители поздних протестантских вероучений — баптизма, адвентизма, пятидесятничества. Однако Бурятия, в первую очередь, продолжает оставаться центром сибирского старообрядчества, где проживает несколько десятков тысяч староверов. В складывающейся обстановке большевикам, пришедшим к власти, на первых порах было необходимо выстраивать с ними грамотные и конструктивные отношения, тем более, как уже было упомянуто выше, руководители Советского государства в начале 1920-х гг. лояльно относились к сектантству и старообрядчеству и даже выступали за союз с ними. Следовательно, и краевым властям предписывалось не ущемлять в правах религиозные меньшинства. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы показывают воплощение указанной конфессиональной политики на практике.

Например, протокол закрытого заседания Президиума Бурят-Монгольского обкома РКП(б) «О старообрядческих обществах» № 48 от 9 мая 1924 г., на котором доклад о старообрядческих обществах сделал народный комиссар внутренних дел по БМАССР М. Д. Берман, содержит следующие предложения:

«1. Воздержаться от административных мер в смысле дальнейшего закрытия религиозных обществ.

2. Предложить ГПУ заняться выяснением вопроса о возможности создания группы, относящейся благожелательно к регистрации обществ верующих.

3. Связаться со старообрядцами центра СССР для воздействия в благожелательном отношении к Сов. власти.

4. Предложить по административной линии не принимать никаких решений и мер по отношению старообрядческого населения без согласования с ГПУ.

5. Считать возможным созыв районного съезда на предмет выявления благожелательного отношения к вопросу о регистрации старообрядческих обществ».

Следующее заседание Президиума Бурят-Монгольского обкома РКП(б) от 29 июля 1924 г. «О старообрядцах», протокол которого сохранился в фонде П-1 ГАРБ, постановило следующее:

«В процессе работы милиция часто допускает нетактичность. В Верхнеудинском уезде не допущен съезд старообрядцев. На будущее время необходимо все действия милиции в старообрядческом вопросе согласовывать с ОГПУ. Постановили: предложить Административному управлению и органам милиции все вопросы, касающиеся староверческого движения, строго согласовывать с ОГПУ и самостоятельно никаких мер не предпринимать» [ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 29].

В указанных документах партийная власть занимает по отношению к оппозиционным официально православию религиозным течениям на примере старообрядчества миролюбивую и даже охранительную позицию, что соответствовало общей направленности конфессиональной политики первых лет советской власти. В то же время служители православной и буддийской церкви облагались налогами, изымалось церковное имущество, строились препятствия для осуществления религиозной деятельности. Таким образом претворялись в жизнь положения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г.

В архивных фондах нам не удалось выявить сведения о состоянии в Западном Забайкалье в начале — середине 1920-х гг.

сектантских общин зарубежного происхождения, что может быть объяснимо их традиционной малочисленностью в регионе. Так, в объемной и достаточно подробной таблице «Сведения о религиозных обществах и верующих Верхнеудинского уезда» от 27 апреля 1926 г., составленной по указанию СНК БМАССР, наличие в регионе последователей каких-либо сектантских течений не отмечено [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 104. Л. 41–47]. Однако такие сведения имеются по состоянию на конец 1920-х гг. — период, когда взаимоотношения государства и сектантства начинают меняться. Так, в отчете председателя горсовета союза «Безбожник» Стеценко в Совет Народных Комиссаров БМАССР от 27 августа 1928 г. сообщается: «В городе Верхнеудинске имеется также общество, вернее, секта баптистов — 17 человек во главе с гражданкой Манойленко» [Там же. Оп. 3. Д. 54. Л. 1]. Таким образом, если не учитывать упоминание А. С. Долотова в его работе «Церковь и сектантство в Сибири» о проникновении первых баптистов в Западное Забайкалье в 1918 г., указанное сообщение можно считать первым достоверным свидетельством о существовании последователей данного течения в Бурятии.

Уже к 1930 г. деятельность баптистов становится довольно заметной — растет число верующих, появляются собственные культовые здания. В отчете Совета Народных Комиссаров БМАССР за 1 января 1930 г. приводятся данные, иллюстрирующие динамичный рост количества евангельских христиан-баптистов в республике: «Групп евангелических христиан (баптистов) — 5, молитвенных зданий культа — 2, служителей культа (начетчиков) — 4, верующих — 91» [Там же. Л. 11]. Столь значительная для республики численность свидетельствовала не просто о росте, а о стремительном росте местной общины баптистов, однако выявить ее дальнейшую судьбу на основе имеющихся источников, к сожалению, не представляется возможным.

К последней цифре близок А. С. Долотов, который называет количество баптистов в Забайкалье на 1 января 1929 г. — 123 [Долотов, 1930, с. 52]. А. С. Долотов также называет количество бапти-

стов непосредственно в Бурят-Монголии на начало 1929 г. — 20 [Долотов, 1930, с. 54]. На наш взгляд, несмотря на отсутствие в его работе перечня использованных источников этим цифрам придется доверять, поскольку А. С. Долотов являлся членом СВБ по БМАССР и знал о религиозной ситуации в республике не понаслышке. Кроме того, ценной информацией антирелигиозникам нередко «помогало» ОГПУ.

Значительный интерес для исследователей нетрадиционной религиозности в Западном Забайкалье представляют оперативные материалы Иркутского ОГПУ в отношении общины ионитов — почитателей известного православного священника Иоанна Кронштадтского, впоследствии канонизированного, которые проживали в 1920–1940-х гг. в построенном ими таежном ските в районе станции Мысовая Кабанской волости Иркутского уезда. В настоящее время указанные документы сосредоточены в архиве Управления ФСБ по Республике Бурятия, однако наиболее информативные из них уже опубликованы историком и краеведом А. В. Тиваненко в работе «Отшельники Хамар-Дабана, или История тайной секты ионитов» [Тиваненко, 2010]. Автор книги утверждает, что материалы уголовных дел по обвинению руководителей общины ионитов народным судом 1-го участка с. Кабанска за 1923 г. также имелись в фондах ГАРБ, однако были уничтожены за истечением срока их хранения еще в 1980-х гг.

Приведенные в первой главе нашего исследования записи православных миссионеров свидетельствуют о том, что последователи Иоанна Кронштадтского, которых они называли «хлысты-киселевцы», появились в Забайкалье еще в досоветский период. Распространению ионитов в Сибирь, очевидно, способствовала Транссибирская железнодорожная магистраль, причем лидером забайкальских ионитов впоследствии оказался работник железной дороги — сторож проходной будки читинских главных железнодорожных мастерских Михаил Андреевич Луконькин, происходивший из нижегородских крестьян. Он сумел сплотить ионитов вокруг себя, привлек ряд новых членов. После революции в поисках убе-

жища от разгоревшейся гражданской войны в 1919 г. община находит пристанище в верховьях реки Култушная недалеко от станции Мысовая, где сооружается их поселок, или скит.

Уже в 1920 г. иониты попадают в поле зрения иркутского ОГПУ, поскольку современный Кабанский район в то время входил в состав Иркутской губернии, а в 1922 г. начинается полноценная разработка общины, сопровождающаяся внедрением в ее состав тайных осведомителей. В приложениях к книге А. В. Тиваненко дословно приводит оперативные сводки ОГПУ, рапорты уполномоченных о состоянии дел в общине с приведением сведений тайных осведомителей, поименные списки общины. Так, в оперативной сводке Селенгинского уездного исполкома от 19 июля 1923 г. сообщается: «Близ разъезда Боярский Забайкальской железной дороги, приблизительно в 15 верстах от него, в тайге в местности Пустынка приютилась община «Иоаннитов» — последователей царского протоиерея Ивана Кронштадтского. Община эта образовалась в 1919 г. из бывших служащих и рабочих Забайкальской ж.д. вместе с их семьями и состоит в настоящее время из 34 семейств численностью около 100 чел., имеющих в хозяйстве 11 жилых домов, 8 лошадей, 2 плуга, 2 коровы, одного быка и 6 овец» [Тиваненко, 2010, с. 149]. По итогам документа следует вывод о безусловной вредности общины и необходимости изыскания способов для ее скорейшей ликвидации.

В книге дан и текст жалобы ионитов во ВЦИК и Наркомюст РСФСР на произвол местных властей. Однако жалоба, очевидно, не принесла результатов и в 1923 г. лидеры и активные члены забайкальской общины ионитов во главе с М. А. Луконькиным (всего 6 человек) были осуждены. Им вменялось «совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какую-либо выгоду» (ст. 120 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.), «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных учений в школах» (ст. 121), «присвоение и растрата» (ст. 186), «мошенничество» (ст. 187), а также «измышление и распространение контрреволюционных слу-

хов в целях дискредитации власти» (ст. 73). Сам Луконькин получил год тюремного заключения, остальные 5 человек по году условно. Дальнейшая судьба указанных граждан, по всей видимости, неизвестна.

Вскоре началось расселение общины и, судя по последующим отчетам ОГПУ, в 1927 г. в ските оставалось всего 5 семей. В 1930-х гг. группа окончательно распадается, в связи с чем чекисты теряют к ней интерес. Последующие документы, содержащиеся в фонде № 3 архива УФСБ, уже не содержат информацию об ионитах. Сведения же о гибели в тайге в 1947 г. последнего члена общины ионитов Дмитрия Решко, жившего в одиночестве в ските почти 20 лет, А. В. Ти-ваненко получил уже в ходе бесед с жителями близлежащих населенных пунктов, помнившими указанные события либо слышавшими о них от родственников и знакомых.

Следует отметить, что в настоящее время материалы регионального архива ФСБ не столь доступны для исследователей, что затрудняет работу и анализ оригинальных материалов в отношении забайкальских ионитов.

На протяжении продолжительного периода (1930–1940-е гг.) в архивных материалах прослеживается определенный информационный вакуум в отношении дальнейшей судьбы последователей сектантских течений в РБ. В региональном архиве УФСБ по Республике Бурятия помимо сведений об осуждении лидеров общины ионитов не выявлено информации о репрессиях в отношении представителей других нетрадиционных течений.

Значительный объем источников указанного периода был исследован И. С. Цыремпиловой, изучавшей историю взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940-х гг. В ее работах подробно раскрывается положение православных, буддийских и старообрядческих объединений в регионе, также сообщается об уже известной нам группе евангельских христиан-баптистов. Других сведений, характеризующих положение сектантских общин в Бурятии, не приводится.

Вместе с тем в Иркутской области в указанный период издаются работы, свидетельствующие о гораздо более разнообразной конфессиональной обстановке в соседнем с Бурятией регионе. Ярким примером тому служит брошюра активистки СВБ А. А. Козьминой «О религиозном сектантстве в Иркутской области», изданная в Иркутске в 1939 г. В работе использованы материалы архива Иркутского городского совета (в настоящее время — фонд № 504 ГАИО «Исполнительный комитет Иркутского Совета депутатов трудящихся»), а также текущие сведения, собираемые иркутской ячейкой СВБ и, возможно, областным НКВД. Основываясь на указанных материалах, А. А. Козьмина сообщает следующие сведения:

«В настоящее время на территории Иркутской области существуют еще различные религиозные секты. Особенно распространены такие как баптисты и евангелисты или, как они называют себя, евангельские христиане и благовестники слова божия, а также старообрядцы. Далее имеются еще многочисленные — дырники, молokane, хлысты, скопцы, иеговисты, субботники, иоанниты, краснотрактоновцы, духопятицы, и есть указание на существование в 1928 г. общины прыгунов» [Козьмина, 1939, с. 14]. Таким образом, причислив старообрядческие толки к сектантству, автор немало удивил бы даже дореволюционных авторов, уже к началу XX в. четко разграничивавших групповую принадлежность сектантских и старообрядческих течений.

Опубликованная работа свидетельствовала о существовании в Иркутске вплоть до 1938 г. крупных (до 60–80 членов) общин евангельских христиан-баптистов и евангелистов (очевидно, пятидесятников), имевших даже свой окружной совет. На первом съезде указанного совета присутствовали представители слюдянской, иркутской, черемховской, висоцкой, читинской и тулунской групп евангелистов. Получены приветствия от евангелистов станции Еланская и из Якутии [Там же, с. 18]. Присутствие на съезде читинской делегации и отсутствие, к примеру, верхнеудинской могут означать неразвитость евангелического движения в Западном Забайкалье в 1920–1930-х гг. и как следствие отсутствие здесь их организованной

общины. Отметим, что в 1938 г. иркутские общины баптистов и евангелистов были принуждены к «самороспуску».

А. А. Козьмина отмечает, что в предместье Иркутска Свердлово и в рабочем поселке Ленино до сих пор активно действуют «хлысты». Кроме того, они живут в Слюдянке, Тулуне и других районах. Ею отмечается деятельность в Иркутске иеговистов, однако в данном случае речь идет не о Свидетелях Иеговы, имеющих американское происхождение, а о течении, основанном отставным штабс-капитаном царской армии Н. С. Ильным.

В заключение автором с сожалением отмечено, что в работе приведен далеко не весь перечень религиозных течений Иркутской области, а дальнейшее изучение религиозных сект всем активом безбожников области поможет выявить и другие религиозные толки, отрицать существование которых нет никаких оснований [Там же, с. 23].

Таким образом, на основе выявленных источников активность христианских сект в Западном Забайкалье в период 1930–1940-х гг. можно охарактеризовать как низкую. Не известна дальнейшая судьба общины евангельских христиан-баптистов в Верхнеудинске. Сведений о деятельности других течений не выявлено. Данный факт частично объясняется особенностями государственной религиозной политики в указанный период, а также возможным переходом живших на территории БМАССР представителей сектантских общин в подполье, что и послужило причиной своеобразного источникового вакуума в указанные годы.

Наиболее полные сведения по интересующей нас проблематике в послевоенный период содержат отчеты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по БМАССР (с 1958 г. — БАССР). В результате работы совета религиозная ситуация в республике стала проясняться, поскольку начала находить свое отражение в документальной форме. Результаты этой работы впоследствии были изложены в ежегодных отчетах уполномоченного СДРК по БМАССР (БАССР), которые сосредоточены в фонде Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР ГАРБ (Р-1857).

Указанные документальные материалы представляли собой, как правило, машинописный текст, содержащий как статистические сведения, так и результаты наблюдений самого уполномоченного, материалы его бесед с религиозными деятелями в ходе осуществления их приемов, фрагменты отчетов подконтрольных уполномоченному религиозных организаций. Отчет делился на разделы, которые были посвящены той или иной религиозной организации. В отчете имелись разделы, посвященные христианским сектам, к которым относились евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты. В ряде отчетов имелся раздел под названием «Незарегистрированные общины и группы», где чаще всего содержалась информация о сектантских объединениях, действовавших в республике.

Из документов фонда, в частности, выявлено, что представители христианских сект западного происхождения, Свидетели Иеговы и пятидесятники, появились на территории БМАССР вместе с партиями ссыльных литовцев и молдаван в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В этот период на территории Бурят-Монгольской АССР образуется большая группа протестантов различных направлений — вынужденных мигрантов из Прибалтики, Западной Украины, Молдавии (Бессарабии), подвергшихся административной ссылке [Бадмаев, Адыгбай, Бурнаков, Маншеев, 2006, с. 37]. Основной их приток пришелся на вторую половину 1940-х — начало 1950-х гг. Если разделять сосланных в Западное Забайкалье спецпоселенцев по национальному признаку, то больше всех в данный регион было сослано литовцев — несколько тысяч человек. Основная масса их была поселена в Заиграевском и Хоринском аймаках и определена на лесозаготовительные работы в местные леспромхозы. Возвращение на родину депортированным разрешают только в 1955 г., а к 1958 г., по данным МВД БМАССР, на территории республики осталось 1 100 человек спецпоселенцев взрослого населения, причем 80–90% из них были верующими [ГАРБ. Ф.Р-248. Оп. 4. Д. 104. Л. 47].

Вторым по численности в Забайкалье был контингент ссыльных молдаван. Появились они здесь в июле 1949 г., численность их составила, по неполным данным, 625 человек. В их числе в регион

впервые проникают представители секты Свидетелей Иеговы [Жуков и др., 2003, с. 43].

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 3 марта 1951 г. № 1290-467 «О выселении активных участников антисоветской нелегальной секты иеговистов и членов их семей, проживающих в западных областях Украинской и Белорусской АССР, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской СССР» в Томскую и Иркутскую области было дополнительно выселено несколько тысяч последователей Свидетелей Иеговы [Одинцов, 2002, с. 46–47]. Из них 5 000 иеговистов были расселены по территории Иркутской области [Там же, с. 51]. Там они находились под усиленным надзором МГБ, однако с отменой надзора и ограничений по спецпоселению для Свидетелей Иеговы в СССР в 1965 г. большинство из них возвращается на Запад, остальные же расселяются по области либо переезжают в соседние регионы.

Первые с 1930 г. сведения в отношении евангельских христиан-баптистов, находящихся в Бурятии, появляются лишь в отчете уполномоченного за 1959 г. [ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 105] В нем о баптистах сообщается: «В течение отчетного периода в пригороде г. Улан-Удэ, на так называемой Лысой горе, выявлена полулегальная группа евангельских христиан баптистов, которые регулярно (по воскресеньям) собираются у своего руководителя Меркулова Петра Дорофеевича (85 лет, глухой) по ул. 2-я Лысогорская, дом 78. Группа состоит из 15 человек, в основном лиц преклонного возраста и женщин-домохозяек. Причем двух членов исключили, одного якобы за попытку изнасилования, а второго за воровство (Росляков и Шурыгин), некоторые не посещают молитвенные собрания по болезни. Проповедник П. Д. Меркулов и его помощник Матвеев вызывались *(уполномоченным. — А. С.)* на беседу, и существование общины и ее регулярные собрания они не отрицают. Однако на предложение прекратить деятельность общины, поскольку она действует незаконно, согласия не дают, заявляя, что никакой политической работы они не ведут, а занимаются только чтением проповедей и поэтому просят зарегистрировать группу. Пока в этом им отказа-

но и предложено самораспуститься. На будущее предполагается вести работу, направленную на разложение общины» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 31. Л. 22].

В отчете за 1960 г. появляется сообщение об обнаруженной на станции Онохой Заиграевского района группе сектантов — иеговистов — численностью 11 человек. Свидетели Иеговы, по данным отчета, ведут замкнутый образ жизни, ничем себя не проявляют и связей с другими сектами не имеют. В этом же году в улан-удэнской общине баптистов меняется руководитель, Матвеев, по словам уполномоченного, был вынужден уехать, а также адрес проведения собраний — вместо ул. Лысогорская они проходят по ул. Бийская, дом 14.

Столь подробно составленные отчеты свидетельствуют о том, что источником информации уполномоченного могли служить не только результаты бесед с вызываемыми пасторами, но и сведения местного Управления КГБ. Рекомендации центра прямо предписывали уполномоченным на местах работать в тесном контакте с органами МВД, Прокуратуры и КГБ. Плодотворной совместной работе способствовал и тот факт, что председатель союзного совета по делам религий А. В. Куроедов являлся генерал-лейтенантом КГБ в отставке, возглавлял в период своей службы 4-й отдел Пятого управления КГБ СССР, курировал религиозные объединения.

Активизация общины пятидесятников в Бурятии связана с появлением здесь в феврале 1962 г. Петра Андреевича Энса. Немец по национальности, он прибыл в Улан-Удэ из Челябинска, где входил в актив местной общины пятидесятников. В Челябинске, откуда прибыл Энс, община пятидесятников была разгромлена, его единоверцы Фризен, Буллер, Шеллинг и Дик были осуждены, а сам он уехал, опасаясь схожей участи для себя.

В отчете уполномоченного за 1962 г. содержатся подробные сведения о действиях Энса в Улан-Удэ. Так, сразу по приезде он останавливается на жительство у баптистки Н. А. Лукьяновой и устраивается на работу плотником в ЖЭУ. Одновременно Энс начинает активную работу по созданию в Улан-Удэ пятидесятниче-

ской общины, прихожан для которой он набирает в основном из местных баптистов. Таким образом, к ноябрю 1962 г. он привлек 14 женщин и несмотря на предупреждения властей (тем более что пятидесятники причислялись властями к «особо изуверским сектам» и их не рекомендовалось регистрировать) проводил собрания на квартире у Лукьяновой либо в лесном массиве. Через бывшего единоверца, солдата военной части № 348 Н. М. Криницына Энс, выезжая к месту его службы, пытался организовать секту пятидесятников среди военнослужащих. Учитывая, что пятидесятники отрицают службу в армии, такая деятельность могла бы привести к дезертированию солдат, попавших под влияние его учения, заключает Д. Б. Очиржапов. Далее Энс побывал в поселке Селенгинске, где познакомился с баптисткой А. И. Ефимовой и привлек в секту её и дочь, а та, в свою очередь, привлекла в секту бухгалтера стройтреста № 1 Н. М. Березовскую [ГАРБ. Ф.Р-1857. Оп. 1. Д. 33. Л. 27].

Энс намеревался духовно «узаконить» общину баптистов путем проведения «водного крещения». Для этого на собранные с членов группы деньги он пригласил пастора пятидесятников А. А. Реппа из г. Алма-Ата Казахстана. Однако водное крещение было запрещено. Это событие нашло свое отражение не только в годовом отчете уполномоченного, но и на страницах региональной прессы — в газете «Правда Бурятии» от 17 декабря 1962 г. [Николаев, 1962, с. 4]

После того как милицией и депутатами городского совета, выезжавшими на место «водного крещения», был составлен протокол об их незаконной деятельности, пятидесятники продолжали собираться. В протоколе указывалось, что Энс своей деятельностью грубо нарушал права членов секты, призывал их к отказу от всего мирского, некоторые сектанты в результате изуверской формы моления получили психические травмы (Мещеряков и Покушев).

В декабре 1962 г. над пятидесятниками был организован суд общественности. С осуждением деятельности П. А. Энса выступили 10 человек. В последующем он был привлечен к уголовной ответственности. 27 июля 1963 г. народным судом Энс по ст. 227 УК РСФСР осужден к 5 годам лишения свободы с содержанием в ИТЛ

строного режима [ГАРБ. Ф.Р-1857. Оп. 1. Д. 33. Л. 29]. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Однако деятельность группы пятидесятников в г. Улан-Удэ на этом не прекратилась. Группа в составе одного мужчины и 16 женщин продолжала собираться поочередно на квартирах друг у друга. В мае 1962 г. в Улан-Удэ прибыл другой пятидесятнический проповедник — П. Ю. Мартенс, уроженец Алтайского края, по национальности также немец. Мартенс был выслан в БАССР на основании ст. 1 указа от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни» на 5 лет с привлечением к обязательному физическому труду. Поскольку судебное решение Тульского народного суда о высылке Мартенса в Бурятию сохранилось в фонде уполномоченного в ГАРБ, его могли переслать из Тульской области вслед за осужденным (приложение 3). По прибытии в Бурятию Мартенс устроился в Хоринский леспромхоз сучкорубом и продолжал заниматься агитационной работой.

В отчете уполномоченного за 1965 г. указывается, что в пригороде Улан-Удэ насчитывалось 13 пятидесятников и 16 баптистов, к тому же на станции Онохой Хоринского района продолжала существовать группа Свидетелей Иеговы в составе 10 человек. Решением местного совета по делам религий было решено усилить контроль за этими общинами. С этой целью им было предложено избрать из своего состава старосту, который будет периодически отчитываться о проводимых общиной мероприятиях [ГАРБ. Ф.Р-1857. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2]. На протяжении второй половины 1960-х гг., по сообщениям совета по делам религий, вышеозначенные группы сектантов активно себя не проявляли, а их численность оставалась на прежнем уровне либо сокращалась (как у Свидетелей Иеговы, которые впоследствии и вовсе не упоминаются). Исходя из малочисленности указанных групп мы можем предположить, что серьезного влияния на религиозную ситуацию в республике их представители не оказывали и по сравнению с деятельностью местных православных и буддийских общин деятельность их

была заметна только для соответствующих государственных органов.

Ситуация меняется в 1970 г., когда в Улан-Удэ обнаруживается группа адвентистов Седьмого дня, последние упоминания о которых встречаются нами еще у забайкальских православных миссионеров в начале XX в. Выявленная группа состояла из 9 человек, а руководил ею некто В. Т. Руднев, немец по национальности, прибывший в республику из г. Семипалатинска [ГАРБ. Ф.Р-1857. Оп. 1. Д. 74. Л. 22]. По данным из ежегодных отчетов уполномоченного, он сколачивал свою группу в течение 4 лет и выехал из Бурятии только в 1979 г. На его место прибыл еще один немец — Э. Д. Левтер со своей женой. Он развернул более активную религиозную деятельность и даже пытался зарегистрировать группу адвентистов. Однако в этом ему было отказано с формулировкой: «в связи с неполным признанием руководителем группы основных положений советского законодательства о религиозных культах». В документах сообщалось, что за Левтером велся специальный контроль Совета по делам религий [Там же. Д. 119. Л. 13].

В начале 1980-х гг. в Улан-Удэ прибывает еще один активный адвентист Седьмого дня — Давид Генрихович Арндт, уроженец Киргизской ССР, также немец по национальности. Вскоре он становится руководителем городской общины адвентистов. В этот период религиозная группа уже состоит на учете при Октябрьском райисполкоме г. Улан-Удэ, регулярно по субботам проводит молитвенные собрания на квартирах единоверцев. В 1986 г. адвентисты обращались в исполком райсовета с просьбой об их регистрации, однако и в этот раз было принято решение о временном отклонении данной регистрации «в связи с неполным признанием руководителем группы Д. Г. Арндтом, 1940 г. р., основных положений советского законодательства о религиозных культах» [Там же. Д. 170. Л. 8–9].

В 1978 г. решением Совета по делам религий при ЦК КПСС в г. Улан-Удэ была зарегистрирована группа евангельских христиан-баптистов. Данный шаг не должен считаться необычным для советского времени, поскольку ранее уже было отмечено, что еще с 1960-х гг. цир-

кулярные документы союзного Совета по делам религий, издаваемые по линии конфессиональной политики, настоятельно рекомендовали органам на местах регистрировать сектантские общины в целях усиления государственного контроля за ними. Тем более баптисты считались в СССР «легальной» сектой, не несущей столь серьезной опасности обществу, как, например, Свидетели Иеговы.

Вот что говорилось о евангельских христианах-баптистах в отчете уполномоченного по делам религиозных культов за 1980 г.: «В г. Улан-Удэ действует с 1960 г. группа Евангельских христиан-баптистов. 23 марта 1978 г. эта группа решением Совета зарегистрирована. В свое время группа была большая. Сейчас в группе всего 12 человек. За отчетный период один человек умер. Новых членов не принимали. Кроме одной, Хромых Евгении Алексеевны, с 1927 г. рождения, работает стоматологом поликлиники № 2 г. Улан-Удэ. Все остальные члены группы пенсионеры. В группе всего лишь один мужчина — Шурыгин Иван Галактионович с 1894 г. р. По возрасту: более 80 лет — 3 чел., более 70 лет — 4 чел., более 60 лет — 3 чел. и более 50 лет — 2 чел. Группа аккуратно собирается по воскресеньям, читает песенник-гусли, Евангелие (Новый завет), журнал «Братский вестник», поют песни. Старшим группы является Лобадина Любовь Ильинична, 1911 г. р., украинка по национальности, пенсионерка, которая живет с мужем, он тоже пенсионер. Группа имеет свой собственный молитвенный дом, имеет договор с райисполкомом на право пользования этим домом в соответствии с законодательством о культах. За 1980 г. совершено два раза причастие-преломление хлеба. Последний раз совершили в октябре. Для совершения этого обряда приезжал специально из г. Иркутска пресвитер Борисов Петр Федотович по направлению старшего пресвитера Е.Н. Раевского. Других обрядов не совершается» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 119. Л. 8]

Интересна также финансовая отчетность группы: «За 1980 г. поступило денег от членов группы 160 руб., расход составил 160 руб., из них: религиозному центру в г. Москву ВСЕХБ — 21 руб., в г. Иркутск ЕХБ (ст. пресвитеру) — 40 руб., в фонд мира — 25 руб.,

налог и страхование строения — 28 руб., освещение и вода — 33 руб., хозяйственные расходы — 13 руб., остаток на 1 января 1981 г. — 22 рубля». И далее: «Группу посещают солдаты, проходящие воинскую службу в гарнизоне г. Улан-Удэ, и их родственники, приезжающие для встречи с сыновьями, проходящими службу. Все они из Казахстана. После службы остался в г. Улан-Удэ Попов Валерий, устроился на работу дворником, живет в общежитии, учится в музыкальном училище» [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 119. Л. 10].

Интересно, что в 1985 г. Попов был изгнан из общины. По информации самих баптистов, исключили его за организацию потасовки в одной из воинских частей г. Гусиноозерска и укрывательство дезертира, еще одного баптиста-военнослужащего В. Астраханцева. Попову также принадлежала идея созыва на Байкале лагеря баптистской молодежи со всей Сибири, однако органами прокуратуры данная попытка была пресечена [Там же. Д. 161. Л. 19]

Обращает на себя внимание факт посещения общины баптистов военнослужащими. Общеизвестно негативное отношение баптистов к армии, военной службе и воинской присяге, причем последнее мотивируется отрывком из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 34–37), в котором предписывается не произносить клятвы, коей по сути и является воинская присяга. Брать в руки оружие и участвовать в боевых действиях баптистам также не рекомендуется, поскольку в этом случае существует вероятность убийства единоверца, что считается тяжким грехом. Тем не менее баптисты активно привлекали военнослужащих в свои ряды, причем, как следует из документов уполномоченного, увлечение военных такими идеями приводило в том числе к их дезертирству. Однако до обвинений баптистов в «подрыве боеспособности Вооруженных сил СССР» не дошло.

В конце 1987 г. количество баптистов в г. Улан-Удэ составляло 16, в том числе 13 женщин и 3 мужчин, по возрасту: до 25 лет — 1, до 30 лет — 3, до 50 лет — 1 и старше 50 — 11 человек. Верующие по-прежнему имели один молитвенный дом, где регулярно проводили религиозные собрания. По словам уполномоченного по делам

религий, «ими не допускаются факты негативного характера и нарушения законодательства по культам. Жалоб и заявлений от них не поступало». Имеется финансовая отчетность группы за 1987 г.: за 1987 г. группа ЕХБ имела сбор на сумму 371 руб., из них перечислено старшему пресвитеру 135 руб., в Фонд мира 50 руб., куплено литературы на 15 руб., на хозяйственные нужды израсходовано 62 руб. и имеется остаток денежных средств на сумму 83,9 руб. [ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 169. Л. 12]

Таким образом, в советский период из всех выявленных в Бурятии сектантских течений (адвентисты Седьмого дня, Свидетели Иеговы, евангельские христиане-баптисты и пятидесятники) только баптистам удалось пройти государственную регистрацию. Это говорит о том, что из всех нетрадиционных конфессий евангельские христиане баптисты проявляли наибольшую активность. Отметим, что в советский период баптисты и адвентисты какой-либо существенной роли в жизни населения республики не играли, так как, во-первых, представляли небольшие группы, ведущие замкнутый образ жизни и сосредоточенные на внутреннем саморазвитии. Во-вторых, у верующих религиозные симпатии были связаны с православием, буддизмом и шаманизмом. В-третьих, в условиях контроля за их деятельностью со стороны специальных органов и усиленной антирелигиозной пропаганды в целом возможности для вовлечения в свои ряды новых адептов, тем более из представителей бурятской национальности, у них просто не было [Бадмаев, Адыгбай, Бурнаков, Маншеев, 2006, с. 122].

Из опубликованных источников послевоенного периода помимо публикаций в прессе следует отметить издания, вышедшие непосредственно в Бурятии. Это брошюры «О некоторых религиозных культах и их сущности» 1961 г., и «Преодоление религиозных пережитков в Бурятии» под авторством Н. И. Крючкова и Т. М. Михайлова, изданная в 1987 г. Указанные работы дают итоговую информацию о религиозной ситуации в республике накануне перестройки, позволяют провести сравнительный анализ роли относительно как крупных, так и малочисленных религиозных течений в развитии

конфессиональных отношений в республике. Таким образом, меняется по сравнению с дореволюционным периодом и состав религиозных групп, относимых властями к сектантским. Так, отсутствуют всякие сведения о последователях «русских» сект в Западном Забайкалье, тогда как в Иркутской области молокане, духоборы и субботники продолжают существовать вплоть до конца 1930-х гг. Наибольшую активность в советский период проявляют в регионе представители поздних протестантских течений: евангельские христиане-баптисты, пятидесятники, адвентисты. Яркой страницей в религиозной истории республики является жизнь общины ионитов в Кабанском районе.

В отчетных и справочных документах, содержащихся в архивных фондах ГАРБ, достаточно полно отражены основные события и процессы, протекавшие в религиозных сообществах евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов Седьмого дня, действовавших на территории БАССР в 1950–1980-х гг. Меньше сведений в выявленных источниках содержится в отношении общины Свидетелей Иеговы, первые последователи которых в Бурятии выявлены в конце 1940-х гг.

Всего нами просмотрено 108 письменных документов. Практически все представленные документы отражают позицию контролирующих государственных органов в отношении сектантских сообществ. Документальное изложение событий по интересующей проблематике ведется достаточно подробно и соответствующим образом оформляется. При этом большинство исследованных отчетов уполномоченного СДР при СМ СССР по БАССР посвящено христианским сектам лишь частично, также содержит сведения в отношении других религиозных конфессий, то есть отражает конфессиональную обстановку в регионе в целом. Содержащиеся в источниках сведения отражают численный, половозрастной, социальный состав сектантских общин, информацию об их руководителях, местах собраний, а также о проводимой в отношении сектантов «профилактической» работе. С конца 1970-х гг. в отчетных документах также приводятся данные о количестве получаемых и расходуемых

денежных средств зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов.

В основном в изученных нами фондах представлены документы, изготовленные на белой бумаге формата, соответствующего современному формату А4, набранные на пишущей машинке. Отчетные документы уполномоченного СДР представлены во второй или третьей копии (оригинал, возможно, отправлялся исполнителем в центральные органы Совета по делам религий) и имеют заверительный знак — подпись исполнителя. Имеются в архивных фондах и другие документы: копии приговоров суда (в отношении П. А. Энса), решения СМ БАССР (о регистрации общины евангельских христиан-баптистов в г. Улан-Удэ).

Также отметим, что на региональном уровне до настоящего времени не рассекречен за небольшим исключением основной массив делопроизводственной документации Управления КГБ по БАССР, сосредоточенной в ведомственном архиве Управления ФСБ по Республике Бурятия. Изучение указанных фондов является перспективной задачей для исследователей в будущем.

Главными периодическими изданиями БМАССР/БАССР являлись газеты: «Бурят-Монгольская правда» (в последующем «Правда Бурятии», издавалась с 1923 г.) и «Бурят-Монгольский комсомолец» (в последующем «Молодежь Бурятии», издавалась с 1925 г.). С 1930 г. выходит первая районная газета «Баргузинская правда». К концу 1930-х гг. районные газеты выходили в каждом аймаке республики.

Изученные нами материалы основных периодических изданий БМАССР второй половины 1920-х — конца 1950-х гг. выявили отсутствие материалов в отношении представителей христианских сект в указанный период, за исключением единичных перепечаток материалов центральной прессы за 1929 и 1933 гг., что можно объяснить их низкой активностью на территории РБ в указанный период. При этом материалов на религиозную, точнее на антирелигиозную, тематику в региональной прессе было предостаточно. Однако они в основном касались православия, старообрядчества и

буддизма в Бурятии, в которых активисты местного Союза воинствующих безбожников видели действительно опасную угрозу для советской общественно-политической системы.

Период размещения в региональной прессе первых материалов в отношении сектантских объединений совпадает со временем активизации самих указанных объединений в Бурятии. В материалах фонда Р-1857 ГАРБ нами ранее были выявлены материалы в отношении общин евангельских христиан-баптистов и пятидесятников в начале 1960-х гг. Так, активная деятельность общины пятидесятников в Бурятии была связана с работой П. А. Энса. Деятельности пятидесятников и П. А. Энса, в частности, посвящено два материала в республиканской прессе тех лет — статья И. Николаева «Водное крещение не состоялось», вышедшая в «Правде Бурятии» в конце 1962 г. [Николаев, 1962], и материал под авторством Ю. Николайчука «Конец Энса. Суд над тем, кто развращал умы», вышедший в номере газеты «Молодежь Бурятии» от 7 августа 1963 г. [Николайчук, 1963]

Статья «Водное крещение не состоялось» представляет собой небольшой очерк на половину газетной полосы, посвященный разоблачению антиобщественной деятельности «сколотившего секту пятидесятников» П. А. Энса. Автор пытается придать материалу художественное наполнение, украшает его деталями, описывает внешний вид героев. Так, описывая «сектантского проповедника» П. А. Энса, автор стремится наделить его грубоватыми чертами, при этом указывая на «елейный» голос героя: «В кабинет вошел крупный, высокого роста, мужчина в пальто и шапке-ушанке. Плотник я, — елейно проговорил он, присаживаясь на самый краешек стула. — Не найдется ли работы? Когда Энса спросили, чем он занимался раньше, он замялся. Что-то невразумительное говорил о семье».

Далее автор подробно описывает привлеченных П. А. Энсом в общину людей: «В общину вошли в основном малограмотные суевверные женщины...», «...сектантки М. М. Небытова, Е. А. Евсеева, Ф. Н. Ширкова вносили разлад в семью и уходили от общественной работы...», «...Л. И. Домахина, женщина по натуре веселая, общи-

тельная, пока не «приблизилась к господу», была хорошей домохозяйкой, любящей матерью троих детей. Вошла в секту — и неузнаваемым стал человек: на людей смотрит хмуро, настороженно, словно боится чего-то. Она забросила домашние дела, часами высиживала на коленях, нашептывая молитвы. Дочери не раз уговаривали мать понять заблуждение, но она отвечала: «Господь знает, что я делаю...» [Николаев, 1962, с. 4].

В таком же неприглядном свете предстают перед читателем и другие члены общины — А. И. Шангина, считавшаяся одной из лучших работниц хлебокомбината до тех пор, пока не попала в «секту», А. И. Лукьянова, с легкостью переходившая из одной веры в другую.

В завершение описания низкого морального облика лидера общины пятидесятников автор статьи приводит еще один «эксклюзив» — письмо бывшей жены Энса Мильды Иосифовны начальнику 17-й дистанции службы пути, где работал пастор. Из письма читатель с негодованием узнает, что «мой муж, Петр Андреевич Энс, проповедник секты пятидесятников, забыв о заповеди любить ближнего, сбежал от семьи и уклоняется от содержания троих малолетних детей... Мне очень тяжело это писать: вместе прожили четырнадцать лет. Но секта сломала нашу жизнь» [Там же, с. 4].

Далее следует рассказ об истории «падения» самого пастора пятидесятников. Так, ранее проживавший в Челябинской области Энс работал плотником на Челябинметаллургстрое, его супруга работала там же маляром. Они воспитывали дочерей, которые хорошо учились, и все было в порядке. Однако в дом к Энсам зачастил проповедник пятидесятников Фризен и его помощники Буллер, Шеллинг и Дик, которые и втянули семью в секту. В результате частых постов и водного крещения Энс заболел туберкулезом. Вдобавок челябинскую общину пятидесятников вскоре ликвидировали, ее руководители осуждены за «вредную, антиобщественную деятельность», а Энс, оставив многочисленное семейство, отправился в Бурятию сколачивать новую общину.

В конце 1962 г. Энс планировал осуществить «водное крещение» своих единоверцев при помощи другого пастора — А. Реппа, специально прилетевшего по его приглашению из г. Алма-Ата Казахской ССР. Однако мероприятие, о котором, очевидно, знали заранее, было пресечено «неравнодушными гражданами», а Энс задержан органами милиции. В отношении него в последующем возбуждено уголовное дело по уже известной нам статье 227 УК РСФСР.

Рассмотренный нами материал является примером статьи антирелигиозной направленности, нацеленной на формирование у читателя стойкого неприязненного отношения к раскрываемой в ней тематике. Автор в красках описывает нелегкую унылую жизнь бросившего семью и больного туберкулезом «пастора-сектанта», а также его последователей — малограмотных женщин, бывших до прихода в общину «нормальными людьми». У прочитавших такую статью советских граждан, конечно, не должно было возникнуть желания присоединиться к данной общине.

Обращают на себя внимание приведенные в материале подробные сведения из биографии самого Энса и членов его общины, местах их работы, что уже на данном этапе рассмотрения указанного вида источников может свидетельствовать о том, что автор статьи, возможно, плотно «поработал» с уполномоченным Совета по делам религиозных культов при СВ СССР по БАССР Д. Б. Очиржаповым, в отчете которого за соответствующий год все эти данные присутствуют. Кроме того, в статье, скорее всего, приведены подлинные имена и фамилии граждан, поскольку смена их «в интересах следствия» или «по просьбе родственников» характерна уже для современных СМИ. Таким образом, по замыслу республиканских властей, наверняка являвшихся инициатором материала, коллеги и сослуживцы «героев» статьи, прочитав нелестный материал, должны были воздействовать на них в целях перевоспитания.

Логическим продолжением истории главного пятидесятника Советской Бурятии является следующий материал. Заметка Ю. Николайчука «Конец Энса. Суд над тем, кто развращал умы», размещенная в номере газеты «Молодежь Бурятии» от 7 августа 1963 г.,

посвящена судебному процессу по обвинению П. А. Энса в создании группы, причиняющей вред здоровью граждан. В статье в основном приводятся уже известные нам подробности биографии Энса, а также обстоятельства дела, в ходе которого «развращающему умы» пастору были предъявлены обвинения в том, что в результате практикуемой им «изуверской формы моления» (очевидно, речь идет о таких обрядах, как «сошествие Святого духа» и «голоссалия», в ходе которых верующие впадают в экстатическое состояние) некоторые сектанты получили психические травмы и встали на учет в республиканский психоневрологический диспансер. 27 июля 1963 г. П. А. Энс был осужден народным судом по ст. 227 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с содержанием в ИТЛ строгого режима.

Жизни другой семьи, полностью состоящей из женщин-пятидесятниц (матери и дочери), проживающих в Селенгинске, посвящен материал в форме репортажа В. Ковтуна «Надежда ищет спасения. За человека надо бороться», опубликованный в газете «Молодежь Бурятии» от 6 июня 1965 г. Герои репортажа — «сектант» со стажем Алла Ильинична Ефремова, ее дочь Надежда Новикова, а также 5-летняя Люба — дочь Надежды. В. Ковтун сетует на то, что глава семейства — фанатичная сектантка Ефремова превратила свою дочь и внучку в послушных исполнительниц ее воли, проводящих дни и ночи в молитвах и зазубриваниях богослужебных книг. Даже маленькую Любу заставляют молиться и внушают, что «дружба с миром есть вражда с богом» [Ковтун, 1965, с. 3–4]. Автор отмечает, что Надежде и Любе не раз доставалось от Ефремовой «за недостаточное религиозное рвение», и с негодованием заключает, что «права калечить и нравственно уродовать жизнь ребенка сектантам-фанатикам никто не давал».

В связи с этим следует упомянуть данные отчета Д. Б. Очиржипова за 1962 г., в котором он сообщает о визите известного нам П. А. Энса в пос. Селенгинск, причем указанный визит был нанесен именно к А. И. Ефремовой, ранее являвшейся баптисткой и обращенной им в пятидесятничество. Таким образом, косвенное отно-

шение к созданию указанного материала как самого П. А. Энса, так и уполномоченного республиканского СДР сомнению не подлежит.

Далее в материале кратко описывается суть вероучения пятидесятников, после чего приводится положительный пример отхода от данного учения работницы Селенгинского целлюлозно-картонного комбината Л. М. Березовской, к чему приложил усилия нынешний председатель Кабанского крайисполкома М. П. Попов, который в бытность секретарем парткома Селенгинского ЦКК неоднократно беседовал с Березовской, аргументированно доказывал ей несостоятельность вероучения пятидесятников.

В завершение материала автор призывает комсомольских активистов и всех неравнодушных помочь Надежде и ее маленькой дочери «вырваться из оков религиозных предрассудков». Отметим, что дальнейшая судьба героев данного материала в республиканской прессе не отражена.

Зимой 1977 г. на улицах Улан-Удэ были замечены странного вида граждане, раздававшие небольшие брошюры прохожим. Вскоре милиция произвела их задержание и изъяла брошюры, как оказалось, у последователей Свидетелей Иеговы. Брошюру передали уполномоченному по делам религий при СМ СССР по БАССР Д. Б. Очиржапову, который, вероятно, обеспокоившись тем, что материалы иеговистов могли распространиться по городу, пишет статью, посвященную Свидетелям Иеговы в газету «Правда Бурятии». В начале 1978 г. на страницах газеты появляется статья «Кто такие иеговисты?», в которой уполномоченным раскрывается суть вероучения Свидетелей Иеговы, а также сообщаются краткие сведения о его местных последователях. Община, существовавшая в Бурятии, распалась еще в 1960-е гг., сообщает автор. Однако единичные последователи еще действуют в республике, раздавая «наполненные религиозным дурманом» книжки. Целью данного материала, вероятно, являлось предостережение читательской аудитории от попадания в число последователей иеговизма. Сама же брошюра под названием «Свидетельство Иисусе Христово, или Наш ответ каждому вседержателю тьмы, вздумавшему потушить животворящий

свет» сохранилась и доступна исследователям в фонде Р-1857 ГАРБ (Приложение 3).

Изучение республиканских периодических материалов 1980-х гг. не выявило в них наличия материалов о деятельности христианских сект в регионе. Учитывая имеющиеся в нашем распоряжении отчеты уполномоченного СДР при СМ СССР по БАССР, мы можем констатировать, что фактов, могущих иметь резонансный характер, а следовательно, пригодных для опубликования в прессе, в конце 1970-х — 1980-х гг. не происходило. Исключение составляет, пожалуй, только ситуация с укрывательством бывшим членом общины евангельских христиан-баптистов В. Поповым своего единоверца и сослуживца — дезертира В. Астраханцева. Однако, как известно, городская община баптистов была официально зарегистрирована, поэтому их критика в прессе вероятно могла бы вызвать у населения вопросы в целесообразности такого шага властей на фоне проводимой баптистами «подрывной» работы.

Как мы видим, материалы прессы фактически пересказывали в более художественной форме данные о положении сектантских общин, уже содержащиеся в отчете уполномоченного СДР при СМ СССР по БАССР. И если доступ к документам уполномоченного имел весьма ограниченный круг лиц, публикация в прессе делала эти данные, естественно, в интерпретированном и неполном виде, доступными для широкой общественности, что обеспечивалось значительным тиражом периодических изданий и их доступностью практически для всех слоев населения республики. Таким образом, выполнялась информационно-пропагандистская работа среди населения. В документах уполномоченных, направляемых в центр, нам встречались отчеты о публикации в республиканской прессе некоторых из рассмотренных выше статей в целях «повышения бдительности» населения, ограждения его от попадания в секты. Таким образом, не возникает сомнений в том, кто являлся «заказчиком» и информационным источником приведенных выше материалов.

Кроме того, в данном случае у исследователей есть уникальная возможность сравнить первоисточник информации о деятельности христианских сект в регионе в виде делопроизводственных документов уполномоченного СДР и их интерпретированную версию, опубликованную уже в газетных материалах. Отметим, что такой возможности у нас нет даже при рассмотрении материалов постсоветской периодики.

Ценность рассмотренных материалов республиканских СМИ, на наш взгляд, заключается не только в содержащемся в них интерпретированном фактическом материале, основой которого, наиболее вероятно, являлись данные государственных органов, осуществлявших надзор за религиозными объединениями, но и в раскрытии на основе сравнительного анализа делопроизводственных материалов и газетных статей первоисточника опубликованных в них сведений, а следовательно, особенностей работы советского государственного аппарата на «антирелигиозном» направлении.

Рассмотренные нами источники характеризуют развитие одного из наименее исследованных религиозных сегментов в Западном Забайкалье в советский период. Полученные материалы свидетельствуют об эволюции источникового комплекса.

Глава III

ХРИСТИАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БУРЯТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Современный период характеризуется многообразием источников комплекса по исследуемой проблематике. Появление новых видов источников, таких как технотронные источники, содержащие в себе материалы сети Internet, фото- и видеопroduкции, свидетельствует о безусловной эволюции источникового комплекса. Именно они наряду с материалами печатных и электронных СМИ, а также устными источниками выступают в качестве наиболее информативных для указанного периода.

Вместе с тем необходимо отметить, что основной причиной низкой информативности документов делопроизводства на современном этапе является то, что большая часть из них находится в текущих архивах государственных учреждений, ответственных за реализацию государственной конфессиональной политики, следовательно, доступ к ним затруднен, за исключением уже опубликованных материалов (к примеру, статистические данные Управления Министерства юстиции РФ по РБ).

Нельзя не учитывать и всю сложность и многоаспектность самого исследуемого явления. В настоящее время многообразие, неоднородность и стремительное развитие религиозных инноваций в контексте меняющихся социально-политических реалий требуют максимально дифференцированного подхода к их изучению. Так, учитывая большую разработанность современной методологической и терминологической базы, а также то, что не все неофициальные христианские течения сегодня отвечают характерным признакам «секты», в третьей главе, на наш взгляд, допустимо также употребление терминов «деноминация», «новое религиоз-

ное движение» (НРД). Например, если в отношении евангельских христиан-баптистов, пятидесятников и адвентистов в дореволюционный и советский периоды как в отечественной, так и в зарубежной историографии применялся термин «секта», сегодня в основном применяется термин «протестантская деноминация», поскольку такие характерные для сектантского типа религиозного объединения признаки, как закрытость, стремление отгородиться «от мира», яростная полемика с той конфессией, из которой они выделились, указанным объединениям уже не столь присущи, как ранее.

Безусловно, секта как тип религиозного объединения сегодня продолжает существовать, поскольку стремление «вернуться к истокам» и максимально отделиться «от мирской суеты» у малых религиозных групп, ведомых харизматическими лидерами, по-прежнему существует (Церковь последнего завета Виссариона, «Ашрам Шамбалы», Церковь «матушки» Фотины и др.).

Дискуссионным является вопрос и об использовании термина в юридическом обиходе, при этом он применяется зачастую с добавлением эпитетов «тоталитарная» и «деструктивная» при обозначении религиозных течений, в которых практикуется посягательство на личность и права граждан, устанавливается тотальный контроль за верующими, используются опасные для здоровья методы контроля над психикой человека, нарушаются иные формы законодательства РФ. Христианская терминология и элементы догматики такими объединениями используются, как правило, в целях сокрытия истинных целей своей деятельности, к примеру, коммерческой, и привлечения наибольшего числа последователей посредством узнываемых религиозных постулатов.

3.1 Государственная конфессиональная политика Российской Федерации в отношении религиозных организаций

Преобразование политической системы Российского государства в конце 1980-х — начале 1990-х гг. повлекло за собой неиз-

бежные изменения в сфере государственно-конфессиональных отношений, в жизни самих религиозных организаций и верующих граждан в целом. Действие советского законодательства прекращается, однако отдельные его нормы продолжают применяться в измененном виде до конца 1990-х гг. К примеру, до 1997 г. действует Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., однако «антисектантские» 142 и 227 статьи были исключены из него в 1991 г.

В 1990-е гг. происходит оформление правовых норм, регулирующих деятельность религиозных организаций, которые в своей основе действуют и в настоящее время. Общей тенденцией в указанном процессе явились либерализация религиозного законодательства и провозглашение реальной свободы совести в России, что позволило в значительной степени активизировать религиозную жизнь. При этом почти сразу обнаруживается стремительный рост не только тех конфессий, которые имеют в России многовековую историю и насчитывают десятки миллионов последователей, но и сравнительно небольших и молодых религиозных образований, зачастую противопоставлявших себя этим конфессиям, при этом в широком смысле относивших себя к христианству. Получили возможность свободного осуществления религиозной деятельности ранее находившиеся на нелегальном и полунелегальном положении адвентисты, пятидесятники, Свидетели Иеговы. В России появляются первые проповедники Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (ЦИСХПД, мормоны) из США, община которых была официально зарегистрирована в РСФСР 21 мая 1991 г. Широко известна встреча основателя Церкви объединения Сан Мен Муна, объявившего себя вторым пришествием Иисуса Христа, с Президентом СССР М. С. Горбачевым, после которой структуры указанной церкви получили тогда еще в СССР полную свободу действий. В тот же период проходят государственную регистрацию подразделения американской Церкви саентологии.

Помимо неформальных христианских течений зарубежного происхождения в этот период возникают отечественные религиозные новообразования, такие как Православная церковь божьей ма-

тери Державная (ПЦБМД, Богородичный центр), Истинно православная церковь, Апостольская православная церковь, Церковь последнего завета (Церковь Виссариона), «Великое белое братство Юсамлос» (Белое братство). Отметим, что это далеко не полный перечень околохристианских религиозных новаций, деятельность которых стала характерной чертой конфессиональной жизни России в 1990-е гг.

Основу современной государственной конфессиональной политики формируют положения ст. 14 действующей Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), в которой указано, что Российская Федерация — светское государство и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, а также ст. 28, гласящей, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г., ст. 14, 28].

Признание государством роли исторически доминирующих в России религиозных течений и вероисповедания как важной составляющей самоидентификации проживающих в ней народов выразилось во внесении в статью 67.1 Конституции формулировки: «...сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства...» — в ходе поправок, принятых всенародным голосованием от 3 июля 2020 г.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [О свободе совести...] также подтверждает «равенство граждан перед законом независимо от отношения к религии и убеждений». При этом в преамбуле закона указана «особая роль православия в истории России» (отметим, что этой поправки не было в законе 1990 г.). Какие-либо иные положения, классифицирующие существующие в России религиозные течения, не предусмотрены. Нет в законе и определения «секта».

Однако часть 2 статьи 14 закона указывает целый ряд оснований (большинство из них внесено поправками от 2002 г.) для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке, среди которых:

- принуждение к разрушению семьи;
- нанесение ущерба нравственности и здоровью граждан, в том числе использованием наркотических и психотропных средств, гипноза;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения (Приложение 4).

В последующем с учетом необходимости более полного правового регулирования государством деятельности религиозных организаций указанный закон неоднократно дополнялся новыми нормами. Так, Федеральным законом от 13.07.2015 г. № 261 — ФЗ внесены изменения в статью 7 Федерального закона № 125-ФЗ, регулирующие правовое положение религиозных групп, которыми признаются добровольные объединения граждан, образованные в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющие деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Тем не менее религиозная группа в письменной форме добровольно уведомляет о начале деятельности территориальный орган Министерства юстиции РФ.

В 2016 г. была законодательно регламентирована миссионерская деятельность религиозных групп и религиозных организаций [Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ]. В частности, Федеральный закон № 125-ФЗ дополнен главой III.1 «Миссионерская деятельность». Так, миссионерскую деятельность от имени религиозных организаций осуществляют ее руководитель, члены коллегиального органа и священнослужители. Иные лица для этих целей

должны иметь документ, подтверждающий их полномочия, выданный руководящим органом религиозной организации. Миссионерская деятельность от имени религиозной группы осуществляется гражданами на основе письменного решения общего собрания данной группы с указанием реквизитов письменного подтверждения получения и регистрации уведомления о создании и начале ее деятельности, выданного территориальным органом Минюста РФ.

Миссионерская деятельность иностранных граждан может осуществляться на основе уполномочивающего документа только в пределах субъекта Российской Федерации, в котором зарегистрирована пригласившая иностранца религиозная организация (религиозная группа).

Этим же законом внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, предусматривающие административную ответственность за осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных объединений.

Активная и зачастую бесконтрольная проповедническая деятельность в России иностранных религиозных организаций в 1990–2000-е гг. потребовала внесения в закон № 125-ФЗ положения о запрете на миссионерскую деятельность на территории РФ указанных организаций, а также их российских представительств.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» также содержит отдельные положения, регулирующие сферу межконфессиональных отношений. В частности, в соответствии со ст. 1 экстремистской деятельностью признаются возбуждение религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Кроме того, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статью 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан», несколько схожую по диспозиции со статьей 227 статьи УК РСФСР 1960 г.

В целях координации конфессиональной политики и обсуждения наиболее важных вопросов указанной сферы 24 апреля 1995 г. (распоряжение Президента РФ № 192-рп) создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ.

Следующим шагом по регулированию государством религиозной деятельности на территории РФ стало учреждение в 1998 г. Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 3 июня 1998 г. № 565). Данный орган является консультативным и проводит свои экспертизы по запросам Министерства юстиции РФ и его территориальных органов при регистрации религиозных организаций. На территории РБ такой совет был создан при региональном управлении Минюста РФ по РБ. В настоящее время его возглавляет доктор исторических наук, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Главе РБ С. В. Васильева.

Беспокойство представителей законодательной ветви власти России активизацией новых религиозных движений (НРД) выражено в соответствующем постановлении ГД РФ от 19 декабря 1996 г. «Об обращении ГД ФС к Президенту РФ “Об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России”». В документе сообщается: «...многие деструктивные религиозные организации, получившие на территории России официальную поддержку и покровительство государственных и муниципальных органов, широко известны на Западе злостным уклонением от уплаты налогов, множеством судебных процессов о нанесении психического и физического ущерба adeptам, различными антиобщественными и антигосударственными действиями вплоть до про-

никновения в государственные органы, заговоров против государства» [Псевдохристианские религиозные организации... с. 5].

Помимо указанных выше консультативных институтов вопросами курирования конфессиональной сферы в РФ занималась Администрация Президента РФ. В настоящее время указанные функции осуществляет Департамент по взаимодействию с религиозными организациями Управления по внутренней политике Администрации Президента РФ. По своим функциональным обязанностям должность руководителя указанного департамента примерно соответствует должности Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР в советское время. В масштабах республики вопросы конфессиональной политики входят в компетенцию Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы и Правительства РБ.

Обзор приведенной законодательной базы и действующих в РФ консультативных органов, призванных регулировать конфессиональные отношения, свидетельствует о стремлении государства упорядочить при соблюдении принципа свободы совести конфессиональную сферу таким образом, чтобы исключить возможность распространения на территории РФ религиозных течений, деятельность которых сопряжена с нарушением прав и свобод граждан.

Большинство рассмотренных нами ограничительных поправок и дополнений в российское законодательство, регулирующих религиозную сферу, было внесено уже по завершении периода сообразной эйфории 1990–2010-х гг., когда стало ясно, что цели далеко не всех религиозных новаций соответствуют закону и направлены на гармоничное развитие этих новаций в конфессиональной системе РФ, а ряд из них сознательно идет на нарушение российского законодательства. Во многом в результате такого осознания, а также в результате ряда инцидентов и громких судебных процессов с участием НРД в России в течение 2000-х гг. значительно сократилось количество перерегистраций общин

«Церковь объединения», «Белое братство» (его лидер М. Цвигун осуждена в 1996 г. на Украине и приговорена к четырем годам тюремного заключения за мошенничество), «Богородичный центр».

Наиболее резонансным стало признание Верховным судом Российской Федерации в апреле 2017 г. Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России экстремистской организацией с последующей ликвидацией и запретом деятельности в стране его и всех подконтрольных ему местных религиозных организаций. Ранее судами РФ признаны экстремистскими и запрещены к распространению на территории РФ 95 печатных изданий Свидетелей Иеговы.

В сентябре 2021 г. Генеральная прокуратура РФ признала нежелательной деятельность в России зарубежных структур, подконтрольных Международной церкви саентологии, — Всемирный институт саентологических предприятий (WISE Int.) и Церковь духовной технологии (она же Библиотека Л. Рона Хаббарда) как представляющих угрозу безопасности Российской Федерации. Ранее 8 печатных изданий саентологов признаны в судебном порядке экстремистскими [Федеральный список экстремистских материалов...].

По этой же причине в августе 2021 г. признана нежелательной в РФ деятельность неопротестантского харизматического движения «Новое поколение», центры которого находились в Латвии и на Украине.

2023 г. ознаменовался окончательным судебным запретом и ликвидацией действовавшей с 1991 г. Церкви последнего завета, созданной в Красноярском крае бывшим сотрудником МВД С. А. Торопом (Виссарионом), который в 2020 г. был задержан по обвинению в создании религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан (ч. 1 ст. 239 УК РФ) и причинении тяжкого вреда здоровью двух и более лиц (ч. 3 ст. 111 УК РФ).

Стремительный рост НРД, имевших, в первую очередь, христианское происхождение, зафиксировал новую расстановку сил и в конфессиональном пространстве Республики Бурятия. В справке «О религиозных сектах, течениях и других автономных толках в

Республике Бурятия» за 1995 г. консультант по делам религий при правительстве РБ Б. Ц. Цыдыпов сообщает: «В 1992–1994 гг. в Байкальском регионе активно развернули свою деятельность так называемые «христианские проповедники» и «христианские миссионеры» протестантского толка. По методам пропаганды, по способам охвата населения и вовлечения его в орбиту своих сект «миссионеры» очень близки к последователям Свидетелей Иеговы и Адвентистов седьмого дня. Лица, возглавляющие такие миссии, как правило, граждане США, Канады, Германии, Швеции, Южной Кореи. «Новые крестоносцы» зачастую под прикрытием гуманитарной помощи проповедуют извращенное, протестантское понимание Евангелия, пытаются оклеветать православие с его тысячелетней традицией на Руси, сиюминутно расшатать тысячелетнюю российскую государственность и приносят резкую смуту и сомнение на ниву народной жизни России. Отвергая историю и самобытность россиян, несут духовную оккупацию. В республике появилось много религиозных общин, центры которых находятся далеко за пределами Бурятии. Это, например, Новоапостольская церковь, ее центр расположен в г. Цюрихе, Швейцария, церковь «Слово жизни» с центром в Израиле, церковь «Свет мира» с центром в США, церковь «Полное Евангелие» из Южной Кореи. Наряду с этими миссионерскими представителями занимаются проповеднической деятельностью и местные секты, которые указаны в приложении к справке. Как известно, правовой базой, основой деятельности верующих в России является закон «О свободе вероисповеданий», принятый в 1990 г. Однако закон, демократический по своей сути, по ряду позиций устарел, отдельные его статьи необходимо привести в соответствие с требованиями времени. Назревает необходимость введения в практику экспертизы и выдачи разрешений на религиозную пропаганду зарубежным миссионерам» [ГАРБ. Ф.Р-1857. Оп. 1. Д. 293. Л. 1–2].

Таким образом, как мы видим, ситуация, при которой происходило резкое увеличение иностранных религиозных организаций, вызывала серьезную обеспокоенность в органах власти республики. Выражали свое беспокойство и представители православ-

ной конфессии. Примером такой реакции является ранее упомянутая в исследовании статья научного секретаря Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии РПЦ О. В. Бычкова «К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории Республики Бурятия и в Байкальском регионе». Говоря о масштабном притоке в Россию новых религиозных учений, автор помимо озвучивания православной точки зрения на сущность многих из этих учений приводит некоторый фактический материал об истории и современном состоянии христианских сект в республике, а также сообщает о том, что большинство из них финансирует их западные центры, а пребывание некоторых из них в России выгодно специальным службам иностранных государств [Бычков, 1996, с. 17].

Таким образом, как и в досоветский период, точка зрения представителей исторически доминирующих в России конфессий в отношении разного рода религиозных новообразований была солидарна с позицией государства.

По сведениям О. В. Бычкова, уже в 1992 г. в республиканском Управлении Минюста были зарегистрированы три общины евангельских христиан-баптистов: 21.04.1992 г. «Возрождение» в г. Улан-Удэ; 21.07.1992 г. «Примирение» в г. Закаменске, а также община «Спасение» в пос. Усть-Баргузин. В 1991–1994 гг. прошли регистрацию и три общины Церкви Христиан веры евангельской (пятидесятников) (ЦХВЕ), действующие в городах Улан-Удэ, Кяхта, Северобайкальск. 28.02.1994 г. прошла регистрацию и улан-удэнская Церковь христиан Адвентистов седьмого дня [Там же, с. 18].

16 ноября 1994 г. после почти годичной подготовки документов состоялась регистрация церкви «Слово жизни»¹, бессменными пасторами которой в течение почти 20 лет являлись супруги А. А. Кушиков А. П. Кушикова.

¹ В марте 2014 г. основатель церкви «Слово Жизни» шведский пастор Ульф Экман объявил о своем переходе в католицизм.

Улан-Удэнская община «Богородичный центр» была официально зарегистрирована в РБ 31.07.1993 г., первым ее руководителем был назначен Г. А. Брылев [Бычков, 1996, с. 18]. Община «Белое братство» официальную регистрацию не проходила и действовала в качестве религиозной группы. В 1992–1993 гг. в Северобайкальском и Муйском районах регистрируется 6 общин Апостольской православной церкви, с деятельностью которой был связан, пожалуй, наиболее громкий инцидент в новейшей истории нетрадиционных религий в Западном Забайкалье.

По информации О. В. Быčkova, активизация в 1991 г. в Северобайкальске Христиан веры евангельской (пятидесятников) вызвала негативную реакцию среди многочисленного православного населения в поселках строителей БАМа. В ответ на активизацию протестантов жители поселков при поддержке местной администрации решили организовывать православную общину. Однако в связи с отсутствием в то время на севере Бурятии православного священника дело организации православных приходов оказалось в руках случайных людей. В частности, наиболее активным организатором выступил житель Красноярска А. Н. Жога, побывавший уже к тому времени в рядах и Адвентистов седьмого дня, и пятидесятников. В 1992–1993 гг. в г. Северобайкальске, поселках Муя, Новый Уоян, Нижнеангарск, Ангол, Таксимо были зарегистрированы православные общины, не имевшие канонического общения как с РПЦ, так и с другими православными церквями. Братья А. Н. и Н. Н. Жога объявили о принадлежности вновь созданных общин Апостольской православной церкви, скрыв факт, мягко говоря, «самостоятельности» созданной ими церкви. По оценкам религиоведов, указанная церковь по типу обрядов больше напоминала протестантскую [Бычков, 1996, с. 19].

В разъяснении Министерства юстиции России за № 96 от 22 апреля 1992 г. сообщалось: «...на территории Российской Федерации зарегистрированных централизованных или региональных центров Апостольской православной церкви нет... Это православное религиозное общество, а не церковь, не приняв-

шее юрисдикции ни одной из зарегистрированных православных церквей».

В последующем в общине были выявлены многочисленные факты применения к верующим физической силы, ущемления их законных прав и свобод. В 2005 г. Прокуратурой РБ в отношении А. Н. Жоги было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 239 УК РФ «Создание объединения, посягающего на личность и права граждан». Однако «батюшка» сбежал на Украину, не дождавшись решения суда, в связи с чем дело было закрыто. Следует отметить, что общины АПЦ продолжают действовать на севере республики и в настоящее время.

Согласно официальной статистике, в Бурятии в постсоветский период наблюдалась следующая динамика роста количества религиозных объединений: 1994 г. — 56 зарегистрированных религиозных объединений; 1995 г. — 81; 1998 г. — 113. В 2006 г. на территории РБ насчитывалось 184 религиозных объединения [Баторова, Ахмадулина, 2010, с. 70]. Из них 65 организаций принадлежали РПЦ, 51 — различным буддийским объединениям; 39 — протестантизму; 6 — древлеправославию и старообрядчеству; 3 — шаманизму. По одной организации имели в Бурятии католики, мусульмане и иудеи.

В начале 1990-х гг. происходят трансформационные процессы в органах власти и управления Бурятии, что также отражается на структурах, отвечающих за реализацию государственной конфессиональной политики. Постановлением Правительства РФ от 09.07.1994 г. № 820 Совет по делам религий при Совете Министров РБ переименован в Комитет по работе с территориями и по вопросам межнациональной политики при Правительстве РБ [ГАРБ, Ф. Р-1857. Оп. 1. Предисловие к описи дел постоянного хранения Управления по делам религий при Совете Министров Республики Бурятия за 1991–1994 гг. С. 4].

Кроме того, на фоне заметной активизации религиозной ситуации вслед за созданием Совета по взаимодействию с религиозными объединениями на федеральном уровне, такой совет созда-

ется и в Бурятии. В целях регулирования межконфессиональных отношений и ведения диалога власти с религиозными организациями по указу президента Республики Бурятия № 297 от 26 декабря 1995 г. был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте Республики Бурятия (с 2011 г. при Главе Республики Бурятия), в котором большинство мест отдано представителям действующих на территории республики конфессий (9 из 17), в том числе руководителям протестантских Евангельской христианской церкви и Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников). Позднее в 2007 г. образован ранее упомянутый нами Экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Минюста РФ по РБ. Потребность в таком совете, по словам занимавшего в то время должность консультанта Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия А. Д. Жалсараева, была вызвана активностью в восточносибирском регионе деструктивных и экстремистских религиозных организаций [Религиозные организации в Бурятии...]. К работе совета в качестве консультантов были приглашены представители различных конфессий. В его полномочия входит экспертиза действующих в Бурятии религиозных объединений и вынесение заключений, подтверждающих или не подтверждающих религиозный статус организации, соответствие ее практической деятельности декларируемым конфессиональным нормам.

Следующим шагом республиканских властей стало принятие закона Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» [Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I]. В первоначальной редакции указанного закона статья 1 «Основные понятия» сначала содержала 8 абзацев, уточняющих следующие определения: Свобода совести; Религия; Вероисповедание (конфессия); Конфессиональные новообразования; Иностранные религиозные организации; Миссионерская деятельность; Святые (священные) места.

Наибольший интерес представляли абзацы 4 и 5:

– «В Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм»;

– «Конфессиональные новообразования — новые религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики».

Указанные положения просуществовали не более трех лет. По представлению Прокурора РБ они были признаны постановлением Конституционного Суда РБ от 10 октября 2000 г. несоответствующими федеральному законодательству и исключены из закона. В последующем в первой статье закона остались только понятия «религия», «вероисповедания (конфессия)», «святые (священные) места». Таким образом, попытка законодателей разделить религиозные течения на традиционные и нетрадиционные, хоть и на региональном уровне, успеха не имела.

Если в 1990-х гг. религиозную ситуацию в Бурятии можно характеризовать как весьма активную, к началу 2000-х гг. ситуация в целом стабилизируется. Порог XXI в. в конце 1999 г. перешагнули при перерегистрации своей деятельности в республиканском управлении Министерства юстиции далеко не все нетрадиционные религии. В частности, не стало на территории Бурятии местного отделения Богородичного центра. В начале — середине 2000-х гг. сворачивают деятельность на территории РБ последователи корейской Церкви объединения Сан Мен Муна, а также церкви саентологии.

Реакция как общества, так и государства на слишком активную деятельность новых религиозных движений не была однозначной. Несмотря на стремление обеспечить свободу религиозных вероисповеданий на территории как России, так и Бурятии органы власти обращали внимание на деструктивную деятельность некоторых религиозных течений, о чем свидетельствует

изменение законодательства в сторону более четкой регламентации деятельности объединений верующих.

Согласно данным Управления Министерства юстиции по РБ по состоянию на 1 января 2014 г. в республике было зарегистрировано 208 религиозных организаций, из них Русской православной церкви принадлежало 73 организации, Русской древлеправославной церкви — 4, Русской православной старообрядческой церкви — 4, буддийским объединениям — 60, римско-католической церкви — 1, мусульманам — 1, последователям ортодоксального иудаизма — 1, Евангельским христианам-баптистам — 4, Христианам веры евангельской (пятидесятникам) — 26, Евангельским христианам — 6, Адвентистам седьмого дня — 2, Лютеранам (церковь Ингрии) — 1, Новоапостольской церкви — 1, Христианской пресвитерианской церкви — 7¹, Свидетелям Иеговы — 2, ЦИХСПД — 1, Обществу сознания Кришны (вайшнавы) — 1, последователям веры Бахаи — 1, шаманским объединениям — 7, последователям иных верований — 5 [Статистический ежегодник...]. При этом по состоянию на 1 мая 2011 г. и на 1 января 2012 г. на территории РБ было зарегистрировано 188 и 194 религиозных организаций соответственно.

С 2014 по 2024 г. численность религиозных организаций в Бурятии увеличилась до 260, из которых 6 зарегистрированных в Управлении Минюста России по РБ являются централизованными религиозными организациями, 252 местными и 2 монастырями. 87 организаций входит в состав Бурятской митрополии Русской православной церкви (Московский патриархат), 80 относятся к буддийским религиозным объединениям. Третьими по численности остаются религиозные объединения протестантов и неопротестантов — 45. Русская древлеправославная церковь и Русская православная старообрядческая церковь представлены в Бурятии 13 приходами. Римско-католическая церковь представлена 1 религиозной органи-

¹ Современное название – Евангельская Христианская церковь.

зацией, ислам — 3-мя, иудаизм — 1-й, шаманизм — 20-ю. По-прежнему действует 1 приход ЦИХСПД (мормоны), 2 общины последователей Общества сознания Кришны и 1 — веры Бахаи. Апостольская православная церковь представлена 5 общинами в Северо-Байкальском и Муйском районах РБ.

Кроме того, в 2024 г. в Бурятии действуют 22 зарегистрированные в органах юстиции религиозные группы: 1 — последователей шаманизма, 5 групп христиан веры евангельской, 13 групп христиан веры евангельской-пятидесятников, 1 группа евангельских христиан, 1 группа «последователей христианской веры» и 1 — «Гаудиа вайшнавизма».

За указанный период ликвидированы в соответствии с решением Верховного суда РФ от 20 апреля 2017 г. две религиозные организации: Свидетелей Иеговы — в г. Улан-Удэ и г. Гусиноозерске, а также Новоапостольская церковь. В то же время значительно возросло количество православных, буддийских и шаманистских религиозных объединений.

Интересно, что третью позицию после православия и буддизма занимают в совокупности религиозные объединения протестантской направленности. При этом, если сравнивать показатели численности религиозных объединений Бурятии и, к примеру, Приморского края, то в последнем протестантские объединения будут на первом месте по численности, а православные — на втором.

Приведенные статистические материалы свидетельствуют о конфессиональном многообразии, сложившемся в современной Бурятии. Данная уникальная атмосфера результат многолетнего сосуществования здесь различных культур и религий, сохранять и оберегать которую общий долг как современных, так и последующих поколений.

Таким образом, анализ действующего российского законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в сравнении его с законодательными источниками предыдущих рассмотренных нами периодов свидетельствует о закономерном стремле-

нии государственных институтов вне зависимости от существующего политического строя к контролю либо ограничению влияния нетрадиционных религиозных институтов, в том числе с использованием законодательных норм. В зависимости от исторических реалий формы такого контроля меняются — в досоветский период это ссылка и заключение последователей наиболее опасных сект, в советское время также преследование лидеров сектантских движений за «антиобщественное поведение» и их общественное порицание. В современный период мы можем наблюдать такое ограничение в виде поддержки государством исторически доминирующих конфессий при подчеркнутой дистанцированности от многочисленных НРД, запрете и ограничении деятельности представляющих, по мнению государства, наибольшую опасность для общества религиозных организаций. Не исключено, что в дальнейшем такая практика может воплотиться в официально закрепленную модель «традиционные — нетрадиционные религии» с различной степенью государственного благоприиятствования к ним. При этом мы наблюдаем стремление самих исторически доминирующих религий, как и в дореволюционный период, вытеснить с территории, которую они считают канонической, конкурирующие инокультурные религиозные новообразования, среди которых встречаются и откровенно деструктивные течения (например, Апостольская православная церковь в Бурятии).

По мнению ряда исследователей, именно государство сегодня не должно отпускать межконфессиональные взаимоотношения в плоскость спонтанной саморегуляции и неуправляемого мировоззренческого плюрализма, сводя свою роль в межконфессиональном пространстве к минимуму [Курачев, 2009].

Указанные вопросы входят сегодня в предмет научной дискуссии наряду с вопросами о роли и месте нетрадиционных религий в нашей стране, а также необходимости усиления регуляции процесса их распространения на государственном уровне.

3.2 Неправославные христианские группы и организации в материалах периодической печати Республики Бурятия

Материалы печатных СМИ содержат разноплановую информацию в отношении практически всех нетрадиционных религиозных течений региона. Среди изданий, материалы которых использованы в настоящей работе, выделяются газеты: «Номер один» (2001–2024), «Информ Полис» (2002–2024), «Бурятия» (1999–2005), «Новая Бурятия» (2011–2024), газета «Центральная» (2002–2005), «Пятница плюс» (2002), «МК в Бурятии» (1999–2024), газета Заиграевского района «Вперед» (1993). Дополняют указанную группу изданий периодические издания РПЦ: «Миссионерское обозрение» (1996 г.), «Православная Бурятия» (2000–2017). Альтернативную точку зрения представляют материалы самих исследуемых религиозных движений: журналы Свидетелей Иеговы «Сторожевая Башня» и «Пробудитесь!» (1996–2007)¹; газеты христиан веры евангельских (пятидесятников) и неопятидесятников «Христианская жизнь. Приангарье» (2007–2014) и «Мир Вашему дому» (2009–2014) соответственно.

Выявленным материалам присуще жанровое разнообразие: присутствуют как информационные материалы (заметка, интервью, репортаж), так и аналитические и даже художественные статьи. Многие материалы, посвященные последователям сект, составлены в форме «журналистского расследования», присутствует ряд продолжающихся материалов, опубликованных в нескольких номерах.

В отличие от законодательных материалов газетные жанры позволяют журналистам употреблять термин «секта» не только в его нейтральном религиозоведческом значении, но и в общеупотребительной негативной коннотации.

¹ В соответствии с решениями судов РФ запрещены к распространению на территории России.

Материалы светской региональной прессы играют важную роль в формировании общественного мнения относительно указанного явления. В свою очередь, информация в печатных СМИ формируется и подается исходя из запросов и потребностей читательской аудитории. Анализ выявленных нами материалов позволяет сделать вывод о нейтрально-негативном характере большинства из них по отношению к исследуемому явлению. Такая позиция в целом совпадает с настроениями значительной части жителей республики, оценивающих деятельность сект в республике либо с негативных позиций, либо не испытывая к данным течениям серьезного интереса. Причин этому множество, и рассуждения по этому поводу также содержатся на страницах периодических изданий.

Так, «Информ Полис» в номере от 8 июня 2005 г. приводит комментарий Доржи Маншиева, кандидата исторических наук, изучающего протестантизм у бурят в Институте археологии и этнографии СО РАН, одного из авторов монографии на указанную тематику: «Эти церкви несут в себе западную ментальность, адаптированную к Бурятии, но, в конечном итоге, они способствуют стиранию бурятской и русской национальной культуры, притом, что привлекательны они прежде всего в глазах молодежи, занятой духовными поисками» [Информ Полис. 2005. № 23. 8 июня].

Позиция духовенства РПЦ в отношении внеконфессиональных христианских течений, как правило, носит отрицательный характер. «Истина христианская является через церковь православную, — пояснял еще в 1990-е гг. благочинный Бурятского округа, а ныне настоятель Успенской церкви г. Кяхта протоиерей Олег Матвеев. — Все эти церкви и общины мы называем заблуждающимися. У них учение Христово подаётся не полно, искажённо, а порой и вовсе антицерковно. Те люди, которые ищут спасения души в этих церквях, идут не по правильному пути. Пользы для души человека там не будет» [Артемьева, 2004, с. 7]. Позиция буддийских священнослужителей относительно новых

религиозных течений не столь откровенно негативная, как у представителей РПЦ. Однако зачастую их отношения определяются нелицеприятными примерами проявления антибуддийской направленности. Интересен следующий комментарий: «Меня как патриота Бурятии, как буддийского священника это очень беспокоит, а именно агрессивные формы распространения этой веры. Я лично был свидетелем того, как женщина, ранее исповедовавшая буддизм, вырывала и сжигала шаманские подношения — материи, повязанные на деревьях, и агрессивно выкрикивала: «Алилуйя!». Если эта религия допускает нетерпимость и оскорбительные высказывания в адрес других верований, то это опасная тенденция» [Бадмаев, Адыгбай, Бурнаков, Маншеев, 2006, с. 130].

По распределению количества материалов в республиканской прессе в 1990-х — начале 2000-х гг. одно из первых мест занимают последователи корейской Церкви объединения Сан Мен Муна. Так, им посвящены статьи С. Березина «Забайкалье — прародина Кореи?» (Независимая газета, 1998, 16 июня), И. Крест «Студентка вуза стала жертвой тоталитарной секты Муна» (Центральная газета. 2003. 29 октября) и два материала Е. Бородиной в «Центральной газете»: «Тоталитарная секта» (8 сентября 2004 г.) и «Тоталитарная секта действует в Улан-Удэ под вывеской “Молодежный центр”» (1 сентября 2004 г.). О посещении собрания мунитов статья В. Шишкиной «Сначала про любовь спрашивала, а потом давай про Бога втирать» (Центральная газета, 31 марта 2004 г.).

И если в первом материале описывается лишь факт деятельности последователей Муна в РБ и высказываются опасения по поводу деструктивного характера указанного течения, статья И. Креста основана на реальном заявлении в Прокуратуру РБ родителей девушки, попавшей под влияние мунитов, с просьбой возбудить уголовное дело в отношении религиозной организации. Несколько фрагментов статьи позволяют прояснить суть истории: «В 2001 г. Галина, студентка одного из высших учебных заведений г. Улан-Удэ, оказалась вовлеченной в тоталитарную секту Сан Мен Муна

«Ассоциация святого духа за объединение мирового христианства». В Улан-Удэ отделение данной секты работало под ни о чем не говорящим названием «Молодежный центр» и располагалось на улице Рылеева. Родители Галины, проживающие в Усть-Илимске Иркутской области, узнали о существовании секты случайно, когда во время летних каникул в 2002 г. девушка пыталась привлечь в мунитскую общину свою старшую сестру. «Зачарованной» сектантами дочери поначалу удавалось успокаивать опасения родителей. Она даже пообещала им порвать с мунитами.

Однако летом следующего года девушка внезапно пропала. Будучи всегда очень аккуратной, Галина даже не завершила сессию, оставив долги по двум университетским экзаменам, что было совсем на нее не похоже. Родители стали искать свою дочь, но безрезультатно. В результате отец сильно заболел: на фоне волнений за судьбу дочери у него произошло нарушение мозгового кровообращения. Через некоторое время соседка Галины по комнате в общежитии призналась ее родителям, что девушка вновь стала посещать мунитский Молодежный центр и сейчас находится по его линии в Екатеринбурге. Через некоторое время Галина позвонила родителям, но приехать домой категорически отказалась, объяснив, что служение целям организации Преподобного Муна для нее важнее, чем здоровье родных и близких.

Только после длительных поисков Галины родителям удалось установить место ее нахождения. К этому времени девушка уже бросила учебу в вузе, но возвращаться домой по-прежнему категорически отказывалась. Родители с болью сообщают: «Наша дочь заявила нам, что Преподобный Мун и его жена являются ее истинными родителями, а мы как физические родители уже ничего для нее не значим». Девушка ездила по заданиям секты по городам Сибири и занималась сбором денег для нужд организации на улицах, плохо питалась, спала не более 5–6 часов в сутки. Для адептов секты был даже установлен план сбора средств у прохожих — не менее 700 рублей в сутки. От такого образа жизни здоровье девушки резко ухудшилось. В январе 2003 г. у нее было выявлено тяжелое заболе-

вание глаз — катаракта. Галине прописали соответствующий медицинский режим, но из-за чрезмерной занятости в Молодежном центре и постоянных разъездов по городам с мунитами девушке некогда было заняться собственным здоровьем. Заболевание все больше прогрессировало, все реальнее становился прогноз врачей — слепота, а в последующем — эпилепсия. Родители рассказывают, что в Екатеринбурге во время сбора денег она внезапно потеряла сознание. Однако и тогда девушка не обратилась за медицинской помощью...

«Из заявления родителей Галины в Прокуратуру Бурятии становится понятно, что девушку наконец-то удалось положить на лечение в больницу. Но супруги Поповы по-прежнему беспокоятся: «Мы боимся, что наша дочь после излечения уедет в неизвестном направлении, и мы ее больше не увидим...». Супруги считают, что своей деятельностью секта Муна наносит вред физическому и нравственному здоровью людей, в первую очередь молодежи. Под воздействием секты мунитов молодые люди отказываются от своего гражданского и морального долга, считают заявители» [Крест, 2003, с. 4].

Негативную характеристику указанному течению дают и другие журналисты. Отметим, что в настоящее время объединение последователей Сан Мен Муна на территории РБ не зарегистрировано.

Активно обсуждалась в региональной прессе 1990–2000-х гг. и деятельность христиан-адвентистов седьмого дня (АСД). Так, по материалам выявленных газетных статей, зарубежные миссионеры проявляют интерес не только к гражданскому населению Бурятии, но и к военнослужащим [Андреева, 2006, с. 6]. Оказывается, как следует из материала «Сектанты: ушедшие во тьму», членов общины адвентистов несколько раз останавливали вблизи воинских частей, расположенных на территории Бурятии. Интерес адвентистов к армии непонятен, ведь их вероучение предполагает запрет на службу в вооруженных силах. В связи с этим обращает на себя внимание мнение О. В. Бычкова о выгоде иностранных спецслужб от нахождения миссионеров зарубежных религиозных течений на территории России, изложенное им в

«Миссионерском обозрении». Автор статьи отмечает, что родина адвентизма — США, а многие пасторы, приезжающие в Бурятию, — граждане этого государства.

В материале «Сектанты: ушедшие во тьму» также приводится заявление в Прокуратуру РБ, поступившее в 2000 г. от мужчины, отца пятерых детей. Журналист дает его краткое изложение: «Моя жена, Синицина Ирина Федоровна, попала под влияние религиозной секты (верный остаток реформационного движения Адвентистов седьмого дня). Через некоторое время у супруги появилась ненависть к другим религиям, к людям, не разделяющим взглядов ее секты. Начались безумные высказывания, неуправляемая преданность лидерам общины и беспрекословное выполнение всех полученных от них распоряжений. После посещения очередного духовного руководителя (а менялись они часто) Ирина становилась агрессивной, говорила неправду, уносила из дома последние деньги на пожертвования. В семье началось духовное и физическое истязание детей. Им было запрещено есть рыбные и мясные продукты, кондитерские изделия, посещать школу в субботу. Любоеслушание немедленно наказывалось. Продолжалось все это в течение четырех лет. Но несколько дней назад я пришел с работы домой и обнаружил абсолютно пустую квартиру: вывезли все до нитки... Прошу вас не ради тряпок, а ради будущего моих детей Тани и Лени и ради будущего тех детей, чьи родители заблудились, стали жертвами шарлатанов, принять меры в отношении руководителей опасной секты и активных ее членов...» [Андреева, 2000, с. 6]. По данному заявлению была немедленно назначена прокурорская проверка, в ходе которой выяснилось, что религиозную общину Адвентистов седьмого дня, расположенную в поселке Энергетик г. Улан-Удэ, возглавлял гражданин преклонного возраста по фамилии Шелков. Стало известно, что в годы Великой Отечественной войны он дезертировал, скрывался на территории оккупированной Украины, активно сотрудничал с фашистами, за что и был приговорен к расстрелу, однако его заменили 25 годами тюрьмы. Шелков данные факты

своей биографии подает как мученичество за веру. В Энергетике многие знали о секте. У некоторых ее членов были дети, которые учились в местной школе, но никто точно не знал, чем занимаются люди, собирающиеся по очереди в одной из квартир.

Сотрудникам правоохранительных органов оказалось не просто встретиться с ними. За каждой дверью, где жили члены секты, царило полное молчание. Люди отказывались впускать представителей закона даже на порог. Как потом выяснилось, все они пользуются условным стуком и незнакомых гостей не принимают. Те же, с кем все-таки удалось пообщаться, давали очень похожие друг на друга объяснения: «Ни о какой секте я не знаю, изучаю Библию самостоятельно, но в церковь не хожу». Пастор церкви христиан-адвентистов седьмого дня Виктор Шестаков сообщил, что о Шелкове слышал, но лично не знаком с ним и его община не принадлежит к его организации. Директор школы, где учатся дети сектантов, была категорична: «Из всех своих наблюдений могу твердо заявить, что секта адвентистов в поселке действует организованно, активно, усиленно вовлекает новых членов, в том числе детей. Их действия пагубно отражаются на воспитании детей» [Андреева, 2006, с. 3].

В ходе дальнейшей проверки деятельности религиозной организации на квартирах ее членов была изъята литература религиозного содержания, у которой отсутствовали данные об издателях, заказчиках и другие необходимые реквизиты. Активным участникам общины в соответствии с законодательством были объявлены официальные предупреждения. В случае невыполнения требований прокурора они могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности. По словам самих адвентистов, члены их церкви активно и плодотворно работают. Структура общины состоит из нескольких видов служений: женского, здорового, субботней школы, миссионерского, молодежного (куда входят и подростки от 12 лет и старше). Службы проходят в различных арендуемых помещениях. Церковь АСД не испытывает недостатка в прихожанах. Школы у адвентистов

именно субботные, налицо искажение христианства, а точнее, явная тяга к иудаизму: воскресный день, чествуемый всеми христианами по завещанию Христа, адвентистами отвергается и подменяется ветхозаветной субботой.

Этот и другие материалы по тематике сектантства являются концентрированными источниками, содержащими информацию, полученную как от самих верующих, так и от сотрудников правоохранительных органов, а также обычных граждан. Такой подход безусловно добавляет статьям объективности и информативности, но окончательно формирует общую направленность материала его автор.

В январе 2005 г. местные адвентисты провели в Улан-Удэ курсы здоровья, бизнеса, культуры, а также пропаганды своего учения среди детей. Для осуществления этой работы Левин, на тот момент пастор бурятской общины АСД, «привлек иностранных граждан, которые прибыли в Россию по туристической визе». В рамках курсов «оздоровления» данными гражданами проводились сеансы массажа и гидротерапии без соответствующих, подтверждающих наличие у них профессиональной подготовки документов, а также лицензий на право занятия такими видами деятельности в нашей стране. Пастор Левин таким образом дважды нарушил российское законодательство. Первый раз, когда разрешил иностранцам заниматься в своей церкви медицинской деятельностью, которая могла бы нанести ущерб здоровью граждан республики, и второй, предоставив им для этого помещение своей общины. Более того, приступив к исполнению своих служебных обязанностей в качестве пастора в марте 2004 г., Левин в установленном законом порядке не зарегистрировался, чем нарушил требование п. 9 ст. 8 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», предусматривающее ежегодное информирование органа, принявшего решение о государственной регистрации, о продолжении своей деятельности. По итогам рассмотрения материалов о фактах нарушения адвентистами действующего законодательства в Железнодорожном районном суде

г. Улан-Удэ пастор Левин был привлечен к административной ответственности по ст. 19.7 КоАП РФ.

Одной из наиболее часто упоминаемых в региональной прессе христианских сект до 2018 г. оставалась местная община международной религиозной организации «Свидетели Иеговы». Проникнув в республику еще в 1950-х гг. и официально зарегистрировавшись в РБ, как и большинство других зарубежных христианских течений, в середине 1990-х гг. иеговисты начали проводить активную проповедническую деятельность. Поначалу они собирались в стенах дома культуры «Железнодорожник». Два раза в неделю сотни последователей Свидетелей Иеговы обучались там, прослушивали проповеди, отчитывались о проделанной работе. Руководителем общины в Бурятии служил житель Иркутской области Андрей Кондратьев, являвшийся здесь долгое время центральной фигурой иеговистов. С начала 2000-х вплоть до ликвидации общины в 2017 г. Улан-Удэнской организацией Свидетелей Иеговы руководил Станислав Глотов, который, по словам его единомышленников, раньше служил офицером ракетных войск.

В местных СМИ упоминаются и факты проведения вокруг Зала царств данной организации православных крестных ходов, а также несколько случаев обливания данного помещения краской, как и резонансные происшествия, связанные с прихожанами общины Свидетелей Иеговы. По данной тематике нами выявлены статьи А. Фишева «Религиозные секты в Улан-Удэ» (Вечерний Улан-Удэ, 17 февраля 1999 г.), «Граффити на дверях “Свидетелей”» (Молодежь Бурятии, 10 сентября 2003 г.), А. Галина «Кто написал “секта”» (Центральная газета, 17 сентября 2003 г.), а также ряд материалов электронных СМИ.

В номере «Центральной газеты» от 17 июля 2002 г. была опубликована заметка следующего содержания: «...на ул. Терешковой в доме быта на Саянах за кассой в платный туалет сидит немолодая женщина, перед которой лежат книги характерного вида и содержания. Вы покупаете билет и тут же с вами заводится разговор о Боге и Иегове. Разговор с целью заинтересовать

вас. И, если высказанное вами по этому поводу мнение не схоже с ожидаемым, вам не дадут договорить нетерпеливым и заметно агрессивным тоном. Но вы уже забываете, зачем сюда пришли, и вам спешат вручить какие-то журналы и зовут прийти на собрание в Зал царств Свидетелей Иеговы. Выходя, вы видите другого слушателя. Очень удобное получается место для ловли новых адептов... Что касается учения Библии, то для иеговистов «Библия — это книга для организации и она принадлежит христианскому собранию как организации, а не отдельным лицам, как бы искренне они ни верили в свою способность истолковывать Библию. Поэтому Библию невозможно понять правильно, если не помнить о видимой организации Иеговы» [Центральная газета. 2002. 17 июля].

Газеты также сообщают, что комплекты журналов иеговистов «Сторожевая башня» были подарены в начале 2000-х гг. всем библиотекам Улан-Удэ, однако в настоящее время они изъяты из библиотечных фондов РБ в связи с внесением большей части из них в федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ.

В газете «Номер один» приводится фрагмент заключения известного психиатра, доктора Д. Бергмана: «За время работы лечащим врачом я сталкивался со многими и многими Свидетелями Иеговы и обнаружил, что многие из них страдают тяжелыми эмоциональными расстройствами, шизофренией, тяжелой депрессией. Уровень заболевания психики среди Свидетелей Иеговы превышает средний» [Номер Один. 2003. 27 авг.].

У иеговистов существует множество запретов, изобретенных основателями организации в основном для того, чтобы сделать организацию более закрытой, показать ее обособленность от «неистинных» христиан или «лжехристиан». Один из самых одиозных из них — строгий запрет на переливание себе чужой крови, даже в случае смертельной опасности для человека: «Истинные христиане отказываются от переливания крови» и, если нет возможности применить кровезаменители, иеговисты «не будут

стараться спасти свою жизнь». В журнале «Наше царственное служение» [Наше царственное служение. 1996, февр., с. 5.], в главе «Готов ли ты к испытанию веры в случае медицинского вмешательства?» рядовых членов Свидетелей Иеговы готовят к тому, как необходимо себя вести в больнице перед операцией. В инструкции проработаны варианты поведения в присутствии не только врачей, но и судей. Например, «Вы хотите, чтобы умер ваш ребенок, чем согласиться на неотложное переливание крови?», «если ты ответишь «да», то в религиозном отношении будешь прав» (! — С. Б., А. С.). Но для того чтобы не подвести организацию, лучше уйти от ответа, потребовав для себя альтернативное лечение». Если ты чувствуешь, что врачи, пожалев тебя, насильно сделают переливание крови, ты можешь дать такой ответ: «Если меня принудят к переливанию крови, то это будет для меня то же самое, что изнасилование. Я сделаю все для того, чтобы привлечь к суду напавших на меня, как если бы меня изнасиловали» [Там же, с. 6]. В связи с этим отметим, что в апреле 2014 г. в Бурятии произошел первый случай смерти последовательницы Свидетелей Иеговы в результате ее отказа от переливания крови. Данное событие вызвало большой общественный резонанс и освещалось практически во всех СМИ Бурятии.

В результате в 2007–2008 гг. деятельность Свидетелей Иеговы была запрещена в ряде регионов России — в Москве и Таганроге Ростовской области [Информационное агентство *Baikal-daily...*]. В комментариях представителей Ростовского суда отмечено, что это организация, пропагандирующая экстремизм. Верховный суд Российской Федерации вынес решение: «Свидетели Иеговы» не могут подтвердить, что их религиозная организация отвечает законам России, и экстремистскими признаны более 70 печатных материалов Свидетелей, среди которых книги, содержащие основы вероучения и часто ими используемые. Так, приказом руководителя Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 26 апреля 2010 г. № 268 аннулировано разрешение на распро-

странение на территории Российской Федерации зарубежных периодических печатных изданий «Пробудись!» и «Сторожевая башня», выданное 24.07.1997 г. Государственным комитетом Российской Федерации по печати фирме Wachturm Bibel-und Traktat-Gesellschaft, Deutscher Zweig, E.V.

Итогом вышеуказанных, а также более поздних конфликтов Свидетелей Иеговы с российским законодательством стало признание их религиозной организации в России экстремистской и запрет ее деятельности в стране на основании решения Верховного суда РФ от 20 апреля 2017 г. Это также означает, что в настоящее время распространение основных периодических печатных изданий Свидетелей Иеговы на территории Российской Федерации является незаконным [Управление Роскомнадзора по республике Татарстан...], что, безусловно, затрудняет их исследование в качестве исторического источника.

Станислав Глотов, председатель комитета МРО «Свидетели Иегова» в Улан-Удэ, сделал по этому поводу следующее заявление на телеканале «Тивиком»: «Вы знаете, если вы хотите подробный комментарий по этому поводу, то развернутый, очень хороший комментарий на нашем официальном сайте на 154 страницах, там каждый довод прокуратуры рассматривается, почему все эти обвинения, несерьезные даже, можно так сказать» [Телекомпания Тивиком...]. Однако тот факт, что Верховный суд России согласился с утверждением об экстремистском содержании некоторых положений учения СИ и подтвердил факт запрещения их деятельности, свидетельствует о том, что доказательства противоправной деятельности данной религиозной структуры были серьезными.

Не менее активно освещается в региональных печатных СМИ и деятельность общины ЦИХСПЦ или мормонов в Бурятии. По указанной тематике выявлены следующие материалы: Андреева А. Мормоны в Бурятии (Бурятия, 12 марта 2002 г.), Сафарян А. Мормоны обживают в Улан-Удэ (Информ Полис, 11 марта 2010 г.), Бурятская епархия предупредила об опасности секты мормонов

(Информ Полис, 8 марта 2010 г.), Березин С. Отмороженные миссионеры (Центральная газета, 30 ноября 2005 г.), Матвеева Н. Служение людям как личный выбор (Пятница плюс, 28 августа 2002 г.). Из указанных материалов только последний описывает деятельность представителей ЦИХСПД в Бурятии с нейтральных позиций: статья Н. Матвеевой частично посвящена миссионерам Бетти и Филиппу Ребер, занимающимся оказанием гуманитарной помощи от имени церкви мормонов. Авторы остальных статей настроены к американским миссионерам прочеркнуто негативно.

Однако в той же статье описывается другой случай, произошедший в г. Улан-Удэ: «...в квартиру 38-летней жительницы Улан-Удэ Анны позвонили два прилично одетых и погolloливудски улыбающихся молодых человека: «Здравствуйте, — с американским акцентом произнес один из них, на груди у которого был прикреплен бейдж с надписью: «Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней. Старейшина Джон». — Мы несем слово Божие...» Это были миссионеры известной во всем мире секты мормонов. Весь их вид говорил: у нас все прекрасно, присоединяйтесь к нам, и у вас тоже все будет здорово. В брошюре, которую оставили мормоны, был указан адрес, и Анна отправилась туда на собрание в ближайшее воскресенье. Окруженную заботой и вниманием заграничных миссионеров, через полгода Анну было не узнать. Она прошла обращение в новую веру, не снимая крещения православной церкви, стала активным распространителем идей мормонов. Анна целыми днями пропадала на сектантских собраниях. Ушли на задний план личная жизнь и домашние дела. К тому же она приобщила к посещениям богослужений своего десятилетнего сына. Ее двоюродная сестра Ольга после долгих ее уговоров тоже пошла на собрание. Ольга рассказывала потом своей матери: «Эти люди так ко мне пристали, что было тяжело отвязаться, у меня даже голова закружилась. Это страшные люди. Больше никогда не пойду к ним, там идет настоящая психологическая обработка человека с приемами гипноза!». Между тем Анна стала затягивать в общину мормонов

своих племянников — двенадцатилетнюю Настю и десятилетнего Вадика. Вскоре изменилось поведение детей, начались трудности по учебе. Родные Анны забили тревогу, стали бороться за нее. Вначале они обратились в православную церковь, но там им сказали: «Мы в данной ситуации бессильны, поднимайте общественность». Написали главному федеральному инспектору по Бурятии Борису Данилову. Им пришел ответ: «В мае этого года Управлением Министерства юстиции проведена проверка религиозной организации «Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней» на предмет соответствия ее деятельности уставным целям и порядку деятельности. Руководителю организации Д. Ф. Сизых представлен срок для устранения отмеченных в ходе проверки нарушений... Доводы гражданки Б. материалами проверки не подтвердились. Уплата десятины является добровольной» [Матвеева, 2002, с. 7]. Действительно после психологической обработки новообращенные платят десятину — одну десятую часть своего заработка. И родные Анны были просто возмущены, когда она, будучи временно не работающей, несла последние деньги в секту, не оставляя даже себе и сыну на еду. Сектантов интересуют молодые люди, особенно преуспевающие бизнесмены: ведь чем богаче человек, тем больше платит он десятину. А знаем ли мы, как много членов секты уже сказали своим родным, что завещают часть своей квартиры какой-нибудь «церкви». Анна же в настоящее время стала авторитетом в местной религиозной организации Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней. Ее вдохновляет «американская мечта» — за активную общественную деятельность ей пообещали поездку в Америку [Там же].

Как уже ранее отмечалось, попытки зарегистрироваться в Бурятии последователи ЦИХСПД начали предпринимать еще в начале 1990-х гг. В 2000 г. регистрация была проведена, в последующем община успешно прошла перерегистрацию. В Бурятии мормоны не нашли человека, который оказался бы способен возглавить их местное отделение, поэтому пригласили руководителя из Челябинска — Сизых Дмитрия Фирсовича. Он поддерживал

тесные связи с зарубежными мормонами и новосибирской миссией церкви, которую, как правило, возглавляют граждане США. По установленным у мормонов правилам, в Бурятии, как и в других регионах России, где есть их общины, проходят «стажировку» иностранные миссионеры (чаще из США), функция которых заключается в распространении религиозного учения непосредственно на улицах города.

Приведем еще один резонансный случай, связанный именно с американскими миссионерами ЦИХСПД, описанный в статье «Отмороженные миссионеры» «Центральной газеты» от 5 июля 2004 г.: «...возвратившись из отпуска в город Улан-Удэ, супружеская пара обнаружила в своей квартире чужие вещи, а также религиозную литературу. Через некоторое время, открыв дверь своим ключом, в квартиру вошли два молодых человека в костюмах и галстуках, на груди у которых висели бейджи с надписями: «старейшина Барнс» и «старейшина Ньюболд». Учитывая, что родная сестра хозяйки квартиры являлась активной последовательницей вероучения мормонов и членом их местной общины, супруги поняли, что вошедшие молодые люди являются миссионерами данной церкви. Хозяева поинтересовались у них, что они здесь делают? В ответ иностранцы заявили, что проживают здесь на законных основаниях и в категоричной форме потребовали освободить квартиру. Далее мормоны просто вытолкнули пожилых людей на лестничную площадку. При этом хозяин квартиры получил сотрясение головного мозга, о чем имеется соответствующее заключение врачей».

Как следует из материала статьи, улан-удэнцы обратились в правоохранительные органы: «Деяния граждан США Барнса Джона Раина, 1983 г. р., уроженца г. Ванкувера штата Вашингтон, и Ньюболда Майкла Дэвида, 1985 г. р., уроженца г. Солт-Лейк-Сити штата Юта, подпадали под признаки составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ и ч. 1 ст. 130 Уголовного кодекса РФ, а учитывая, что американцы являются миссионерами Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней, в

их действиях усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 239 УК РФ (организация некоммерческого объединения, посягающего на права и личность граждан), — заключает журналист. — От неизбежного в таких случаях наказания иностранцев спасло только то, что они срочно выехали в США...» [Березин, 2005, с. 3].

Данный материал также знакомит читательскую аудиторию с историей о преподавателе английского языка одного из вузов Бурятии, который на протяжении нескольких лет, используя свое служебное положение, занимался распространением среди своих студентов вероучения мормонов. Под угрозой того, что преподаватель не поставит им зачет или «завалит» на экзамене, студенты были вынуждены исполнять на лекциях религиозные гимны мормонов, смотреть видеокассеты с фильмами о жизни мормонской общины в США, слушать аудиозаписи с мормонскими песнопениями. От преподавателя постоянно поступали призывы принять участие в богослужениях мормонов. Удивляло студентов и то, одной из излюбленных тем для выступлений преподавателя перед студентами была идея о превосходстве еврейского народа над другими нациями. Постоянное психологическое воздействие на студентов, унижение и оскорбление их национального достоинства и религиозных чувств послужили причиной конфликтов с преподавателем и отказа посещать его лекции. Когда то тайное, что творилось в аудитории, наконец-то стало явным, преподаватель исчез и в настоящее время скрывается от органов следствия. Ему грозит уголовная ответственность по ст. 282 Уголовного кодекса РФ — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства [Там же, с. 3]. Отметим, что из последующих сообщений в СМИ следует, что данный преподаватель хоть и не был привлечен к уголовной ответственности, однако получил строгое дисциплинарное взыскание.

Завершается данный материал следующим: «Несмотря на свое название и использование христианской терминологии, учение мормонов, по единодушному мнению всех традиционных

христианских конфессий, не только не имеет ничего общего с христианским учением, но и отрицает все двадцативековое христианство в целом. Эта секта действует в России в атмосфере самой строгой секретности, поэтому мы меньше всего знаем об истинных целях и формах их деятельности в нашей стране. Известны документы, недавно представленные мормонами в Совет по взаимодействию с религиозными организациями при Администрации Президента РФ, в которых сообщалось о том, что мормоны с начала 1990-х гг. распространили в России гуманитарную помощь на сумму 14 млн долл. США. Представляется, что гуманитарная помощь на такую громадную сумму не могла пройти незаметной. Тем не менее о мормонской помощи мало кто слышал. Резонно поставить вопрос: если эта цифра достоверна, то куда же шли эти деньги?...» [Там же, 2005, с. 3].

Данный объемный материал (одна газетная полоса), безусловно, описывает мормонов в республике с самых негативных позиций и формирует в сознании читательской аудитории отношение к ним как «секте». Сам термин «секта» применяется автором неоднократно.

В 2010 г. деятельность мормонов в республике вновь отражается на страницах прессы, в частности, газеты «Информ Полис», и вновь с неприглядной стороны. Как выяснили корреспонденты издания, в городском микрорайоне Шишковка на месте старого кинотеатра «Восток» планируется строительство мормонской церкви. Как сообщала в своем материале журналист Аревик Сафарян, строительство молитвенного дома мормонов оказалось для жителей района настоящей неожиданностью. «Вроде бы мормоны безобидные люди, ведущие праведный образ жизни. Но жители Шишковки вовсе не считают мормонов безобидными и боятся, что эти люди будут вовлекать в свои ряды несовершеннолетних детей, легко поддающихся внушению. Тем более что строительство планируется в непосредственной близости от школы № 48 [Сафарян, 2010, с. 8].

– У меня двое сыновей, они ходят в школу как раз мимо «Востока», — рассказывает жительница поселка Шишковка Елена Ковалева. — Я очень отрицательно к этому отношусь. Какая секта здесь может быть? И так район не из лучших, нам только секты и не хватало.

– Мы думали, построят новый кинотеатр или дом культуры, — говорит Евгений Дамдинов, житель Шишковки. — Когда узнали о том, что тут будут собираться сектанты, конечно, были в шоке. Дуган или церковь — это еще куда ни шло, но секта... Разве это нормально? У нас же дети, у меня внук растет, а они будут промывать им мозги своими учениями.

Многие жители района были уверены, что после сноса заброшенного здания кинотеатра городские власти или частные инвесторы отстроят новый досуговый центр или торгово-развлекательный объект».

Информационный отдел Улан-Удэнской и Бурятской епархии РПЦ сразу же выступил с заявлением, в котором говорится, что в Бурятии резко активизировалась секта мормонов. Епархия предупредила в своем заявлении, что это «языческая секта, в которой практикуются браки с мертвыми женщинами» [Бурятская епархия предупредила...].

Добавим, что заявление православной церкви не лишено оснований, поскольку и сами мормоны не отрицают (хотя и не афишируют) существующую у них практику заключения целистных, или «небесных», браков (браков «на вечность»). Целью брака является продолжение брачных уз супругов, один из которых либо оба уже мертвы, в небесном мире. Тогда в качестве умерших в брачном обряде участвуют их живые представители. Мужчине у мормонов позволяется жениться «небесным» браком на всех женщинах, с которыми он когда-либо состоял в браке, а женщине выходить за всех мужчин, с которыми она была в браке, при условии, что все они уже мертвы [Храмовые обряды мормонов...].

В настоящее время Дом собраний Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней по ул. Чертенкова, 102 «б» открыт и продолжает свою деятельность, однако активная проповедническая деятельность уже не ведется — «старейшин» церкви в костюмах и галстуках с черными бейджами на груди не видели на улицах Улан-Удэ уже более трех лет. Последний информационный материал о жизни улан-удэнского прихода мормонов, находящийся в открытом доступе, датируется 3 ноября 2015 г. и размещен на официальном интернет-сайте ЦИХСПД. Он посвящен прошедшему в здании прихода дню открытых дверей, посвященному 120-летию деятельности церкви в России [Мормоны Бурятии...].

Важным источником по исследуемой проблематике является периодическая печать религиозных объединений. Из выявленных нами региональных периодических изданий, аффилированных тем или иным религиозным структурам, наиболее информативными являются газета Христианских евангельских церквей г. Улан-Удэ и Республики Бурятия «Мир Вашему дому» (выходит с ноября 2009 г.), газета регионального отделения церквей Иркутской области Централизованной религиозной организации Христиан Веры Евангельской (ЦХВЕ) «Христианская жизнь. Приангарье» (выходит с сентября 2007 г.) и газета Улан-Удэнской и Бурятской епархии РПЦ «Православная Бурятия» (ранее газета Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии РПЦ, выходила в печатном виде с января 2000 по 2017 г.). Как следует из выходных данных, газета «Мир Вашему дому» выпускается и редактируется пастором местной церкви «Каждый дом для Христа» Сергеем Ляховым. В каждом номере издания присутствуют новостной раздел, статьи со «свидетельствами» верующих, а также список евангельских церквей, действующих в Бурятии с указанием их адресов и контактных телефонов для верующих. Газета «Мир Вашему дому» не рассказывает о жизни какой-либо отдельной протестантской общины в республике, а объединяет представителей нескольких течений — пятидесятни-

ков, неопятидесятников (харизматов) и пресвитериан как из г. Улан-Удэ, так и из районов Бурятии. Тираж газеты составляет 5 000 экземпляров.

Газета «Христианская жизнь. Приангарье» освещает деятельность пятидесятнических религиозных общин Байкальского региона и Якутии, однако наибольшее внимание уделяется их деятельности в Иркутской области. Вместе с тем практически в каждом номере газеты публикуются материалы из Бурятии. Последняя страница издания содержит постоянно обновляющийся список церквей ЦХВЕ в Иркутской области, Бурятии и Якутии с указанием адресов и контактных телефонов пасторов. Содержание материалов издания позволяет предположить, что оно носит не только информационный, но и миссионерский характер, поскольку в газете содержатся и статьи богословского характера, разъясняющие те или иные явления и события с точки зрения учения пятидесятников. В ряде случаев богословская позиция пятидесятников по какому-либо вопросу сравнивается с позицией иных религиозных течений, в первую очередь, православия, причем во всех случаях «истина» остается за пятидесятниками.

Газета «Православная Бурятия» освещает деятельность нетрадиционных религий в республике в контексте миссионерской деятельности РПЦ, рассматривая их однозначно с критических позиций. С 2000 г. на страницах издания выходили материалы, посвященные таким нетрадиционным христианским течениям, как Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны), пятидесятники, Апостольская православная церковь. Последователи указанных течений представлены в материалах газеты как заблуждающиеся, нуждающиеся в помощи, в ряде статей даны рекомендации о том, как не стать жертвой деструктивного культа.

Анализ публикаций «Православной Бурятии» по годам свидетельствует о том, что наиболее активная «антисектантская» работа на страницах газеты проводилась в начале — середине 2000-х гг., затем количество соответствующих материалов постепенно сни-

жается. Так, в 2011 г. нетрадиционным религиям посвящена всего одна статья — интервью с иереем Михаилом Литвиновым «У нас еще все впереди» [Сутырина, 2011, с. 5], посвященное активизации в республике неопятидесятнических (харизматических) религиозных объединений. С 2012 г. газета публикует ряд материалов о лжецелителях, однако критика действующих в Бурятии неправославных христианских течений в ярко выраженном виде в последующих номерах газеты отсутствует.

Необходимо отметить, что в светской региональной прессе Бурятии находит отражение и позиция самих представителей НРД. В связи с этим обращает на себя внимание публикация газеты «МК в Бурятии» от 1 ноября 2017 г. «Протестанты Бурятии: мы не секта!» в форме интервью с пастором улан-удэнской неопротестантской церкви «Новый Завет» Сергеем Переславцевым, который отрицает обвинения общественности в «сектантском» характере деятельности как своей общины, так и близкой к ней церкви «Краеугольный камень», рассказывает об истории и особенностях исповедуемого данными общинами вероучения, а также выступает с критикой республиканских властей, в частности, руководства Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации главы Бурятии, которое якобы не идет навстречу отдельным инициативам протестантов.

Публикация данного материала свидетельствует о реальной возможности представителей исторически недоминирующих как в России, так и в Бурятии конфессий открыто выражать свою позицию в официальных СМИ, которым такая возможность свободно предоставляется.

На территории республики распространяются периодические издания религиозных течений, существующих в Бурятии, — Свидетелей Иеговы, мормонов, саентологов. Однако указанные издания носят унифицированный характер для всей территории России и не информируют о деятельности религиозных групп тех регионов, в которых они распространяются.

Таким образом, рассмотренные нами материалы светской региональной прессы в целом характеризуют новые религиозные движения, действующие в Бурятии, с негативных позиций. Отбор редакцией материалов, имеющих отчетливо «антисектантскую» направленность, объясняется возможными потребностями читательской аудитории в «сенсационном» материале. Так, жителям республики будет более интересно узнать со страниц газет про «сектантов» и «отмороженных миссионеров», совершивших какой-либо аморальный, а то и вовсе противоправный поступок, чем про обычных религиозных деятелей, проповедующих на улице. Вместе с тем одной из причин наличия печатных материалов, имеющих негативную окраску, являются действия самих представителей описываемых в материалах СМИ религиозных общин, зачастую дающих поводы для отрицательного к ним отношения в обществе.

Содержание и направленность материалов конфессиональной прессы зависят от того, какой именно религиозной структуре принадлежит периодическое издание. Для православной периодической печати еще с досоветского периода остается традиционной их антисектантская позиция, тогда как представители неправославных христианских новообразований нередко критикуют в своей печатной продукции и на электронных ресурсах православие и другие конкурирующие религиозные течения как «лжерелигии».

3.3 Особенности деятельности христианских объединений на территории современной Бурятии

Конфессиональная тематика на современном этапе исследования широко представлена несколькими видами технотронных источников — телевидение, ресурсы сети Интернет, к которым относятся видеохостинг «YouTube», социальные сети, а также интернет-мессенджеры. В настоящее время все основные религиозные конфессии и их региональные представительства в Бурятии имеют собственные интернет-сайты, а также аккаунты в социальных сетях. С учетом динамичного развития современных информационных тех-

нологий даже относительно консервативные вероучения сталкиваются с необходимостью укрепления своих позиций посредством сетевых ресурсов. Об отношении крупнейших мировых религий к внедрению новых информационных технологий сегодня известно достаточно много. Вместе с тем не совсем ясным остается вопрос о позиции по данному вопросу представителей неорелигиозных течений.

Сравнительный анализ использования новыми религиозными движениями, действующими на территории РБ, сетевых ресурсов в своей деятельности позволяет исследователям сформировать представление не только об отношении тех или иных религиозных общин к новым информационным технологиям, но и о готовности НРД как явления к дальнейшей интеграции в социокультурное пространство государства (региона) с иной религиозной традицией, что неизбежно требует их большей открытости, доступности для общества, в том числе опосредованно.

Рассматриваемые нами интернет-источники целесообразно разделить на две основные категории:

- информационные материалы, размещенные в глобальной сети от имени самих новых религиозных движений (интернет-сайты, сообщества в социальных сетях и интернет-мессенджерах, комментарии верующих в ходе дискуссий, затрагивающих тематику НРД на интернет-форумах);

- информационные материалы, размещенные от имени лиц и организаций, не относящихся напрямую к НРД (интернет-сайты государственных учреждений, иных конфессиональных групп, статьи и публикации в электронных версиях региональных СМИ).

В ходе исследования нами изучено порядка 80 интернет-сайтов, СМИ, а также тематических сообществ действующих на территории Бурятии неправославных религиозных структур в социальных сетях

Наиболее активными интернет-пользователями по результатам анализа регионального сегмента сети оказались последователи Евангельской христианской церкви г. Улан-Удэ, Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников), таких как «Новый завет» «Слово жизни», «Краеугольный камень» и другие. Указанные

структуры для распространения информации о своей деятельности используют социальную сеть «ВКонтакте», «Одноклассники», видеохостинг «YouTube», приложение «Instagram» [Владелец приложения — компания «Meta»¹, а также интернет-мессенджер «Telegram». К примеру, количество подписчиков канала церкви «Новый завет» на видеохостинге «YouTube» по состоянию на сентябрь 2024 г. составляет 1 030 человек, на нем размещено 483 видеоматериала, основную часть из которых составляют записи богослужений [Новый Завет г. Улан-Удэ...]. Telegram-канал указанной церкви на момент исследования насчитывает 139 подписчиков и наполняется текущими информационными материалами о деятельности общины [Церковь «Новый Завет» г. Улан-Удэ].

Евангельская христианская церковь г. Улан-Удэ согласно информации, размещенной на ее интернет-сайте (<http://uuchurch.ru>), действует в РБ с 1995 г. С 2009 г. действует ее сайт в интернете. Данный интернет-ресурс постоянно обновляется, содержит подробные материалы по истории церкви, последние новости церковной жизни, информацию о руководителях общины, расписание и даже видеозаписи богослужений [Евангельская Христианская церковь г. Улан-Удэ...]. Церковь представлена и в социальных сетях: в ее сообществе на сайте «ВКонтакте» (<http://vk.com/uuchurch>) состоит 320 подписчиков. Новостная лента сообщества также регулярно обновляется. В целом деятельность Пресвитерианской церкви в сети Интернет свидетельствует о ее сравнительной открытости и даже стремлении дать как можно более полное представление об истории, вероучении церкви, ее позиции по многим вопросам общественной и религиозной жизни, привлечь, таким образом, в свои ряды новых последователей.

На сайте Пресвитерианской церкви г. Улан-Удэ также представлен обширный исторический и краеведческий материал по конфес-

¹ Владелец приложения – компания «Meta» по решению Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории РФ запрещена.

сиональной тематике. В разделе «рефераты» собраны статьи об истории английской духовной миссии в Бурятии, современной религиозной ситуации в регионе. Ценным источником по истории и современному положению протестантских деноминаций в Бурятии может служить статья ведущего научного сотрудника Института Европы РАН, сотрудника Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Романа Лункина «Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия», написанная им в качестве доклада на научно-практическую конференцию «Религиозная миссия в России: история и современность. Духовные миссии Забайкалья» (Улан-Удэ, май 2013 г.) и размещенная на сайте церкви [Лункин...].

Евангельская христианская церковь г. Улан-Удэ и ее руководитель Виктор Колмынин, который сам является активным пользователем социальных сетей и имеет аккаунт в соцсети «X» (ранее — «Twitter»), неоднократно становились ньюсмейкерами в региональных СМИ, в том числе в сетевых изданиях.

В 2010 г. заработал интернет-сайт Центральной религиозной организации «Церковь Христиан веры евангельской» в Бурятии www.hve-bur.ru. Сама церковь действует с середины 1990-х гг. (текущее наименование — Централизованная религиозная организация Объединение церквей христиан веры евангельской Бурятии) и объединяет порядка 600 последователей [Центральная религиозная организация «Церковь Христиан веры евангельской» в Бурятии]. Церковь Христиан веры евангельской имеет свои общины как в г. Улан-Удэ, так и практически во всех районах Бурятии. Сайт церкви отражает информацию об истории церкви, каждой общины, входящей в ее состав, ее руководителе, контактных данных. Однако по состоянию на 2024 г. сайт является недействующим. Страница объединения в соцсети «ВКонтакте» не обновляется с сентября 2019 г., что может свидетельствовать о невостребованности руководством организации возможностей электронных ресурсов для распространения своего вероучения.

Улан-Удэнская церковь «Слово жизни» на своем YouTube-канале и странице в социальной сети «ВКонтакте» размещает аудио-записи проповедей пастора Александра Кушикова и его супруги Арины Кушиковой. Пасторы приехали в Бурятию из Украины еще в конце 1980-х гг., а в 1994 г. зарегистрировали в г. Улан-Удэ свою религиозную общину. В настоящее время церковь входит в Российский объединенный союз Христиан веры евангельской (РОСХВЕ), возглавляемый епископом Сергеем Ряховским. На общероссийском сайте РОСХВЕ указано, что старший пастор церкви А. Кушиков является епископом и полномочным представителем начальствующего епископа С. Ряховского в Бурятии.

В группе «Церковь «Слово жизни» г. Улан-Удэ» «ВКонтакте» состоит 340 подписчиков. В основном это молодежь, проживающая в г. Улан-Удэ, что дает некоторые представления о численности и возрастном составе общины. Из размещенных в группе фотографий можно составить некоторое представление о богослужебных мероприятиях церкви. Однако YouTube-канал и страница «Слова жизни» в «ВКонтакте» редко обновляются. Их последние обновления сделаны в 2023 г. [Церковь «Слово жизни» г. Улан-Удэ].

Последователи Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (ЦИХСПД), или мормоны, появившиеся в Бурятии в начале 1990-х гг., никак не представлены в региональном сегменте интернета. Общероссийский сайт мормонов (<http://latter-daysaints.ru>) содержит крайне мало информации о региональных представительствах церкви. На нем упоминается о том, что представительство организации мормонов в г. Новосибирске объединяет общины Ангарска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Томска и Улан-Удэ. При этом название города Улан-Удэ пишется с ошибкой — Улан-Уде. Это может свидетельствовать как о слабом знании лидерами мормонов (а в основном это граждане США) страны, в которой они служат, так и о том, что мормоны, живущие в г. Улан-Удэ, крайне редко посещают интернет-сайт собственной церкви.

О мормонах можно встретить публикации на сайтах других религиозных конфессий. Так, в марте 2010 г. на сайте Улан-Удэнской

и Бурятской епархии (u-ude.eparh.ru) было опубликовано обращение епископа (ныне архиепископ) Улан-Удэнского и Бурятского Савватия об активизации мормонов в Бурятии. Обращение было продублировано в личном блоге священнослужителя, являющегося активным интернет-пользователем, на сайте «Живой журнал». В своем обращении епископ Савватий высказал обеспокоенность строительством молитвенного дома мормонов в г. Улан-Удэ и обозначил позицию РПЦ по отношению к ним как к деструктивной секте. Ответной реакции мормонов на публикацию не последовало.

Таким образом, местная община ЦИХСПД практически не проявляет активности в сети Интернет, что говорит об определенной консервативности мормонов, их приверженности к иным способам распространения своего учения в обществе.

Открытых данных о деятельности Свидетелей Иеговы в Бурятии после ликвидации их местных религиозных организаций в г. Улан-Удэ и Гусиноозерске не имеется. На интернет-сайте «Свидетелей Иеговы в России», содержащем открытые данные о привлечении к уголовной ответственности сторонников признанной экстремистской религиозной организации в России, данных о деятельности и фактах привлечения к ответственности последователей учения из Бурятии не содержится [Свидетели Иеговы в России...].

Однако и до судебного запрета на деятельность Свидетелей Иеговы в России отмечалась их низкая активность в сетевых ресурсах как в общероссийском, так и в региональном масштабе, что связано, на наш взгляд, с чрезмерной закрытостью данной общины, консервативностью ее вероучения, а также большим количеством в ее рядах пожилых людей, не использующих интернет в повседневной жизни.

Свою роль в сложившейся ситуации играли и факты нарушения Свидетелями Иеговы российского законодательства. Так, в июне 2012 г. решением Советского районного суда г. Улан-Удэ на территории Бурятии был ограничен доступ к сайту «Свидетелей Иеговы» — <http://www.jw.org>. Как оказалось, данный сайт содержал электронную версию книги: «Чему на самом деле учит Библия?», которая

включена в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ под № 510. В декабре 2011 г. в соответствии с решением того же суда был прекращен доступ к другому сайту «Свидетелей Иеговы» — <http://www.watchtower.org>. На данном сайте также имелись материалы, признанные экстремистскими и запрещенные к распространению на территории Российской Федерации [Бурятия заблокировала доступ к сайту «Свидетелей Иеговы»...].

В электронных версиях республиканских СМИ были опубликованы и другие резонансные материалы, связанные со Свидетелями Иеговы. Так, материал «Пенсионерка отдала квартиру “Свидетелям Иеговы”» от 23.10.2013 г. на сайте республиканской газеты «Номер Один» (<http://gazeta-n1.ru>) находится в разделе самых комментируемых материалов. Это обусловлено тем, что сами верующие активно комментировали данный материал, стремясь поддержать позицию религиозной общины. Всего статья собрала более 100 комментариев [Ульянова, 2013].

Внимание к «Свидетелям Иеговы» в местном интернет-сообществе вновь было привлечено после смерти в апреле 2014 г. одной из прихожанок улан-удэнской общины в связи с ее отказом от процедуры переливания крови, на которую у Свидетелей существует строгий запрет. В данном случае ситуация повторилась — в ответ на критику пользователей в комментариях к материалам об инциденте, размещенном в сети, последователи общины пытались оправдать действия умершей и сам запрет, однако их точка зрения ожидаемо не нашла понимания у остальных пользователей [В Улан-Удэ Свидетельница Иеговы умерла, отказавшись от переливания крови...].

В целом при изучении публикаций регионального сегмента сети Интернет, связанных со «Свидетелями Иеговы», прослеживается в основном негативная направленность этих материалов.

Сравнительно немного информации содержат сетевые ресурсы о местных общинах Евангельских христиан баптистов (ЕХБ) и Адвентистов седьмого дня. О существовании баптистов в Забайкалье известно еще с досоветского периода. В советское время баптисты

существовали в Бурятии на полуполюгальном положении, однако получили разрешение государства на официальную регистрацию своей общины еще в 1978 г. [Постановление Совета по делам религий при СМ СССР от 23 марта 1978 г. о регистрации общины баптистов в Улан-Удэ; ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 220. Л. 22]. Сегодня баптисты не особенно активно используют в духовных целях сеть Интернет. Информацию сугубо справочного характера о них можно найти помимо официального сайта ЕХБ в России (<http://baptist.org.ru>) на христианском портале «Забкрай.инфо» (<http://www.zabkrai.info>). Там же содержится справочная информация об улан-удэнской общине Адвентистов седьмого дня [Забкрай.инфо]. Результаты анализа публикаций в региональных электронных СМИ также свидетельствует о незначительном внимании последних к последователям баптизма и адвентизма. Заслуживает внимания только одна публикация, размещенная 22 апреля 2013 г. на интернет-портале «Байкал-Дейли» (<http://baikal-daily.ru>) и посвященная предстоящей вакцинации населения Бурятии [Баптисты и Иеговисты Бурятии массово отказывают врачам...]. В ней сообщалось, что, по словам руководителя Управления Роспотребнадзора по РБ Сергея Ханхареева, последователи баптизма и Свидетели Иеговы лидируют по числу отказов от вакцинации по религиозным мотивам. В местной общине Свидетелей Иеговы тогда поспешили заявить через прессу, что прошли вакцинацию в полном составе, реакции же баптистов на данную публикацию не последовало вовсе. Таким образом, предварительно можно констатировать, что последователи баптизма и адвентизма, живущие в Бурятии, практически не проявляют себя на просторах глобальной сети, отдавая предпочтение «традиционным» методам религиозной проповеди.

Схожая ситуация относительно представленности в сетевых ресурсах наблюдается у Новоапостольской церкви г. Улан-Удэ. Община согласно данным управления Министерства юстиции РФ по РБ действовала в Бурятии с 1999 г., в настоящее время ее деятельность прекращена. Все данные о местном отделении церкви и некоторые новости церковной жизни, например, о визитах в Бурятию

церковных «апостолов» (высших руководителей), можно почерпнуть только на общероссийском интернет-сайте церкви (<http://www.nak.org.ru>).

Информация справочного характера о местной религиозной организации «Евангелическо-лютеранский приход Благодати Христовой Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России» г. Улан-Удэ представлена только на сайте лютеранской церкви Ингрии в России (<http://www.elci.ru>).

В социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» зарегистрированы сообщества и других НРД, действующих в Бурятии. Это протестантские религиозные общины «Новое поколение», «Надежда», «Добрая весть», «Свет мира» и др. Указанные группы объединяют от 3 до 120 человек, в основном молодых людей в возрасте до 30 лет. За исключением данных о количестве подписчиков данные сообщества не представляют какой-либо серьезный интерес для исследователя.

Таким образом, исследование ресурсов регионального сегмента сети Интернет как источника по истории и современному состоянию новых религиозных движений в Бурятии показало, что сетевые ресурсы в большей или меньшей степени содержат достаточно обширную информацию по интересующему нас вопросу. Однако далеко не все религиозные группы из данной категории стремятся быть представленными в интернете. Если последователи местных общин Евангельской христианской церкви, Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников), «Нового завета», «Слова жизни» активно используют сетевые ресурсы для продвижения информации о себе в обществе, мормоны и евангельские христиане баптисты, по крайней мере на локальном уровне, практически не рассматривают интернет в качестве инструмента для осуществления религиозной деятельности. Их присутствие в интернет-пространстве носит скорее вынужденный характер, когда верующие делают попытки оправдать свою позицию в той или иной резонансной ситуации.

Такое положение вещей в целом соответствует активности рассматриваемых здесь религиозных течений и вне рамок интернет-пространства и в определенной мере свидетельствует о том, что не все новые религии, массово проникшие на территорию России три десятилетия назад, готовы сегодня к открытому и равному диалогу с обществом, одним из удобных средств для которого являются современные информационные и коммуникационные технологии.

Данное исследование было бы необъективным, если бы в нем не рассматривались альтернативные точки зрения, по-иному характеризующие как религиозную ситуацию в Республике Бурятия, так и сущность самих новых религиозных движений. Непосредственные представители религиозных сект категорически отрицают правомерность применения к ним термина «секта» (хотя, к примеру, еще в 1999 г. суд г. Санкт Петербурга постановил, что такое обращение по отношению к Свидетелям Иеговы не является оскорбительным [Суд признал...]) и утверждают, что являются полноценными церквями. Так же они требуют равноправия с традиционными религиями. Сектантов в этом стремлении можно понять — жизнь зарубежных миссионеров и наших новообращенных соотечественников — членов сектантских общин — в России нередко сопряжена с трудностями, «нападками» со стороны «традиционных» религий, родственников многих «прихожан», не желающих мириться с новой верой их близких. Членам иностранных общин часто приходится быть участниками судебных процессов в качестве как истцов, так и ответчиков.

Наиболее резонансные события в конфессиональной жизни региона отражены в видеоматериалах региональных СМИ. Всего на официальных сайтах телекомпаний выявлено 12 видеосюжетов телеканалов «Ариг Ус», «Тивиком» и ГТРК «Бурятия» по теме исследования, из них 5 сюжетов телеканала «Ариг-Ус», 6 сюжетов телеканала «Тивиком» и один сюжет ГТРК «Бурятия». Хронологические рамки видеоматериалов — 2010–2014 гг. Средняя длительность сюжета составляет 3–4 минуты. Анализ материалов позволяет отметить их корректное содержание, сдержанность и вежливость

корреспондентов, стремление избежать негативных оценочных эпитетов по поводу освещаемых событий. Наибольшее количество видеосюжетов посвящено деятельности Свидетелей Иеговы (3), также три материала посвящены последователям неопятидесятнических объединений, два кришнаитам, два мормонам. Два сюжета носят общий характер и освещают религиозную ситуацию в РБ в целом. Ценность данной разновидности технотронных источников заключается, в первую очередь, в возможности визуального наблюдения за событиями, происходящими в сюжете, получении речевой информации из первоисточников.

В 2010–2013 гг. авторами исследования осуществлялся мониторинг мнения пользователей популярного в Улан-Удэ сайта ulanovka.ru [Опрос «Как вы относитесь...»] на предмет их отношения к существованию в нашем городе религиозных сект посредством опроса, размещенного на сайте. В опросе приняли участие 334 человека из 65 502 зарегистрированных пользователей сайта. На вопрос «как вы относитесь к сектам нашего города?» 299 (89,52%) из них высказали отрицательное отношение к данному явлению, 35 человек (10,48%) высказались положительно. Отметим, что возрастной состав пользователей сайта около 16–30 лет, то есть в основном в голосовании принимали участие молодые люди. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представители молодежи г. Улан-Удэ, пользующиеся данным сайтом, в целом отрицательно оценивают присутствие в Улан-Удэ религиозных сект. В связи с этим, отходя от непосредственной темы исследования в сторону социологии, отметим, что, по мнению ряда исследователей, сегодня верование и религиозная обрядность сектантских течений имеют успех среди различных слоев населения республики. С. З. Ахмадулина, изучающая нетрадиционные религии современной Бурятии, считает, что в большинстве случаев последователями подобных движений становятся молодые люди в возрасте до 30 лет [Ахмадулина, 2009, с. 118]. В своих выводах она опирается на исследователя религиозных сект восточного происхождения (Международное общество сознания Кришны и вера Бахаи) М. А. Савинову, по утвержде-

нию которой, основное ядро исследуемых конфессий составляют молодые люди 25–35 лет.

Таким образом, для постсоветского периода существования неправославных христианских организаций в Бурятии характерны активизация существовавших здесь ранее общин и появление новых, быстро нашедших последователей среди местного населения. Вследствие изложенного произошел резкий рост численности христианских внеконфессиональных течений нового формата, в связи с чем их влияние на религиозную ситуацию в крае заметно усилилось. Подтверждением этому служит множество резонансных случаев с участием представителей данных течений, приведенных при рассмотрении материалов СМИ как исторического источника настоящего исследования.

Следует отметить, что роль современных информационных технологий в исторических исследованиях по-прежнему является предметом научной дискуссии. Отдельного рассмотрения требуют вопросы верификации, анонимности, изменяемости электронной информации. Тем не менее проделанная работа показывает, что ресурсы сети Интернет как источника, по крайней мере, по истории современности, имеют значительный потенциал и данная тематика будет приобретать все большую актуальность для исследователей в будущем.

Интенсивное развитие информационных и коммуникационных технологий в современном обществе способствует возрастанию в социокультурном пространстве доли устной коммуникации, что делает актуальным использование при исследовании процессов и явлений источников устного происхождения. «Живая история» или «устная история» (англ. Oral history) является одним из актуальных и перспективных направлений в методологии истории XX–XXI вв.

Наиболее распространенным способом получения устной информации является интервью. Источники устного происхождения составили важную часть источниковой базы постсоветского периода исследования. Устная информация в форме свободного интервью получена в 2008–2014 гг. в Кяхтинском, Муйском районах РБ и г. Улан-Удэ как от представителей исторически доминирующих в

республике конфессиональных течений, так и от лидеров и рядовых членов нетрадиционных религиозных общин, в том числе с ярко выраженным сектантским типом организации. Подбор информантов осуществлялся нами таким образом, чтобы полученная в результате работы с ними информация охватывала те сегменты конфессиональной обстановки республики, которые не были затронуты в предыдущих параграфах монографии, то есть обладала определенной новизной. Таким образом, информантами исследования являются:

– Литвинов Михаил Юрьевич, протоиерей, в 2003–2007 гг. — руководитель православного Информационно-консультативного центра по вопросам сектантства и апологетики во имя Священномученика Ефрема;

– Бимбаева Ольга Юндуновна, лидер незарегистрированной религиозной группы «Мать Мира Майтрейя», проживает и проповедует свое учение в г. Улан-Удэ;

– Виталий (от использования полного имени отказался) — лидер незарегистрированной общины христиан веры евангельской, проживающих в поселке Баргалино Муйского района РБ;

– Мусабаев Сергей Федусович, житель реабилитационного центра «Найдал – Надежда» общины христиан веры евангельской (харизматов) «Новый завет» г. Улан-Удэ. Поскольку устная информация была получена нами в форме свободного интервью, то есть при их проведении не использовался стандартизированный перечень вопросов, а беседы с информантами проведены за период более чем 6 лет, изложение полученной таким образом информации фиксировалось нами посредством как бумажного носителя, так и электронного средства записи — диктофона. В монографии материалы бесед публикуются в виде адаптированного пересказа.

Беседа с иереем Михаилом Литвиновым состоялась 13 марта 2012 г. в помещении Свято-Вознесенского храма г. Улан-Удэ. Тематика беседы затрагивала как деятельность самих христианских сект на территории республики, так и особенности миссионерской работы православной церкви на данном направлении. В ходе интервью собеседник продемонстрировал видение конфессиональной

ситуации в республике с точки зрения православной церкви. По мнению М. Литвинова, в настоящее время ситуация в республике требует усиленной миссионерской деятельности со стороны РПЦ. Жертвы деструктивных сект, а также те их последователи, кто не считает себя пострадавшим, нуждаются в разносторонней квалифицированной помощи. Еще в 2003 г. для её оказания в Бурятии был создан Информационно-консультативный центр по вопросам сектантства и апологетики во имя Священномученика Ефрема, организаторами которого выступили православные священнослужители. Возглавил его сам М. Литвинов. Основными задачами центра стали помощь людям, попавшим в религиозные секты, а также их родственникам. В истории центра было немало заметных мероприятий — пикеты, поездки с лекциями и консультациями по районам Бурятии. Однако в данный момент деятельность центра приостановлена в силу причин различного, но прежде всего финансового, характера, в связи с чем миссионерская деятельность в Улан-Удэнской и Бурятской епархии в антисектантском направлении в настоящее время практически не ведется.

Из наиболее значимых мероприятий центра в период своего руководства М. Литвинов называет работу по ситуации с Апостольской православной церковью, действовавшей на севере Бурятии. В 1991 г. в Северобайкальске стихийно возникла община верующих, которая назвала себя Апостольской православной церковью (далее — АПЦ). За несколько лет её общины и приходы распространились в городах и поселках по всей бурятской ветке БАМа. Некоторое время АПЦ существовала автономно, но затем ее общины и приходы попытались войти в состав старообрядческой церкви. Старообрядческий епископ Силуян даже «командировал» на север Бурятии двух священников, которые в итоге выяснили, что АПЦ не имеет никакого отношения не только к старообрядчеству, но и вообще к православию. В Московской митрополии Русской православной старообрядческой церкви была создана комиссия для проверки деятельности АПЦ, визит которой в Бурятию, по словам о. Михаила, закончился большим

церковным скандалом. Старообрядцы пришли к выводу, что Апостольская православная церковь просто мимикрирует под них. Конфликт был настолько сильным, что старообрядческая комиссия была вынуждена спешно покинуть общину АПЦ, спасаясь от рукоприкладства ее последователей.

В 2002 г. последователи АПЦ обратились с просьбой о вхождении в состав РПЦ Московского патриархата. Михаил Литвинов был командирован на север Бурятии в качестве представителя Бурятского благочиния Читинской и Забайкальской епархии РПЦ для предварительной оценки основ вероучения общин. Но союза АПЦ с Московским патриархатом, по словам о. Михаила, не получилось. «Верующие АПЦ позиционировали себя как старообрядцы, — пояснил он. — Мы могли бы с ними контактировать, вместе работать в каких-то вопросах. Но принять их в свой состав было невозможно, поскольку старообрядческая церковь находится вне канонов Московского патриархата. Объединиться можно было только в одном случае — если бы они пришли в церковь и приняли крещение». Однако данное препятствие оказалось не самым главным. По словам М. Литвинова, во время командировки он пришел к выводу, что Апостольская православная церковь — это псевдоправославная тоталитарная секта. По его мнению, любая религиозная организация, будь она православной или старообрядческой, является самоидентичной, то есть имеющей традиции, передающей их из поколения в поколение. В случае с АПЦ этого не прослеживалось. По информации о. Михаила, верующие, которые прекратили свои отношения с АПЦ, рассказывали, что взаимоотношения в приходах построены с применением тоталитарных методов контроля. Насаждается беспрекословное подчинение лидеру общины Жогэ. Установлена четкая грань между окружающим миром и тем, который снаружи: там все «адское и бесовское». За любое нарушение внутреннего распорядка следовали наказания, например, в виде принудительных работ, или лишения пищи. Также в АПЦ проповедовалось полное вегетарианство. Таким образом, в общине были

применимы все приемы, которые используются для контроля за сознанием человека. По мнению М. Литвинова, по своей тоталитарности АПЦ несколько не уступает широко известной Церкви последнего завета, основанной С. Торопом (Виссарионом).

При всем отношении Московского патриархата РПЦ к Апостольской православной церкви недовольство ее деятельностью обозначалось только на внутреннем церковном уровне. В государственные и правоохранительные структуры по поводу деятелей АПЦ священнослужители не обращались. Однако правоохранительные органы все-таки занимались данной общиной и, по словам священника, было даже возбуждено уголовное дело за организацию секты (ст. 239 УК РФ. — С. Б., А. С.), в результате чего ряды АПЦ заметно поредели. Лидеры секты в скором времени выехали за пределы России, остальные же верующие продолжали религиозные практики. До сих пор, как говорит о. Михаил Литвинов, в Северо-Байкальском и Муйском районах РБ остались представители этой церкви.

Полученная информация позволяет оценить ситуацию, произошедшую в конце 1990-х — начале 2000-х гг. вокруг Апостольской православной церкви с позиции одного из участников тех событий. Ожидаемо отношение информанта как православного священнослужителя к АПЦ как к тоталитарной псевдохристианской секте. Вместе с тем полученные нами сведения широко освещались в прессе тех лет и большинство вышеизложенных фактов, в том числе факт возбуждения уголовного дела в отношении лидеров АПЦ, имеет свое подтверждение.

Следующий информант также проживает на севере Бурятии — в отдаленном поселке Баргалино Муйского района республики. Здесь на протяжении нескольких лет проживает обособленная община последователей одного из протестантских течений, состоящая из 19 человек (6 мужчин, 11 женщин и двое детей). Члены общины называют себя Христианами веры евангельской, исходя из чего можно сделать вывод о принадлежности их к пятидесятникам. Друг друга жители общины называют только брать-

ями и сестрами, не употребляя имен. Лидер общины представился как брат Виталий. Беседа с ним была записана 16 апреля 2014 г. в пос. Баргалино. Судя по внешнему виду, Виталию не менее 50 лет. Его приводят под руки единоверцы, поскольку, по их словам, около 15 лет назад он потерял зрение. Разговор происходит во дворе дома, так как внутри жилого помещения посторонним заходить запрещено.

Сам он сообщает, что не помнит свой возраст и полное имя, поскольку еще в 1995 г. он и его единоверцы сожгли все свои документы, поскольку они «от сатаны», и стали жить уединенно в окрестностях г. Алдан Р. Саха (Якутия), где Виталий работал на лесозаготовках. Примерно 5 лет назад община переместилась на север Бурятии и долгое время проживала в пос. Таксимо. Затем верующие решили перебраться еще дальше от «мирской» жизни и переехали в полузаброшенный поселок Баргалино.

На вопрос о способах заработка брат Виталий сообщает, что община выживает временными подработками, сельским хозяйством, охотой, собирательством. Живут очень скромно, «мирскими» благами стараются не пользоваться. Отношения с другими христианскими общинами также не поддерживают. Пользуются при совершении богослужений только Библией. По словам Виталия, чтобы быть ближе к Богу, не обязательно строить церкви и устраивать пышные обряды.

Судя по имевшимся у нас к моменту беседы данным, полученным от сопровождавших нас сотрудников МВД, Виталий и некоторые его единоверцы являются участниками событий в г. Алдане Р. Саха (Якутия) в 1999 г., когда местные пятидесятники из общины Беллях — Малый Израиль «захватили» и удерживали здание городской администрации в знак протеста против несправедливых, по их мнению, действий властей по отношению к общине. Тогда данный протест был жестоко подавлен сотрудниками правоохранительных органов, многие его участники были арестованы. На вопрос о том, помнит Виталий указанные события, он отвечает, что являлся членом общины и участвовал в

протестах, в том числе в здании Администрации г. Алдан, в ходе которого и потерял зрение. Он сообщил, что это был не захват и не удержание, верующие пришли просто поговорить с руководством администрации и выяснить, почему их обманули. Подробностей Виталий не смог сообщить, так как, по его словам, он уже плохо помнит данные события. Судя по ответам, он не хотел бы вести разговор на данную тематику. Отношение лидера общины к другим религиозным учениям узнать также не представилось возможным, так как Виталий не захотел продолжать разговор на данную тематику.

В целом своей жизнью в общине он доволен, ни на что не жалуется. Раз в год приезжают сотрудники прокуратуры и органов социальной защиты проверить условия содержания проживающих в общине детей. Уезжать из Баргалино пятидесятники пока не намерены.

О проживании в Муйском районе республики так называемых «алданских» пятидесятников в целом известно очень немного. Исходя из полученной от лидера указанной общины информации ее последователи являются христианами веры евангельской. Отшельнический характер жизни группы, отрешенность от внешнего мира, небольшая численность, стремление «вернуться к истокам» христианства, харизматический тип лидерства в ней позволяют отметить ее соответствие основным признакам религиозной секты из определения, которое используется нами в работе. Вместе с тем необходимо отметить, что сектантский тип организации еще не означает наличие у нее каких-либо негативных свойств.

В г. Улан-Удэ проживает основательница религиозно-целительского течения «Мать Мира Майтрейя» Ольга Юндуновна Бимбаева, 1959 г. р. Беседа с ней была записана в августе 2011 г. в г. Улан-Удэ. Основанное О. Ю. Бимбаевой течение носит целительский характер и не является полностью христианским. В нем сочетаются элементы буддизма, христианства и шаманизма. По словам основательницы, каждый может молиться тому богу, в которого верит, она только помогает пойти правильным путем.

Ольга Юндуновна использует в ходе практик как буддийскую, так и христианскую литературу. Так, из христианской литературы у нее имеются Библия, Житие православных святых.

По словам информанта, ранее она работала медицинской сестрой в Кяхтинском районе, а затем у нее открылся дар помогать людям, излечивать их. Дар этот снизошел на нее внезапно сверху, его преподнесла буддийская богиня Зеленая Тара. Сейчас у нее много посетителей из города и районов Бурятии и она старается помогать всем. Денег за свои приемы информант не берет, однако не отказывается от подношений, если они носят добровольный характер.

Ольга Юндуновна не планирует регистрироваться как целитель, как не планирует и официально регистрировать религиозную общину. Она считает, что помогать людям можно независимо от того, какой они религиозной, национальной и социальной принадлежности.

По результатам беседы можно сделать вывод о смешанном характере учения, распространяемого информантом. Использование в религиозных и целительских практиках положений различных религиозных течений нередко практикуется в настоящее время. Как правило, это делается в целях привлечения в качестве последователей как можно большего количества людей. Однако их наличие свидетельствует о разнообразии религиозной жизни в республике, где у каждого жителя есть возможность исповедовать такую религию, которую он желает.

Следующая беседа была проведена нами в июле 2014 г. с жителем реабилитационного центра для нарко- и алкозависимых «Найдал — Надежда» Церкви полного евангелия «Новый Завет», расположенного в микрорайоне Поселье г. Улан-Удэ Мусабеевым Сергеем Федусовичем. Реабилитационный центр действует в республике около года. Пасторы общины приехали в Бурятию из Иркутской области. Сергей также является уроженцем г. Ангарск Иркутской области, на вид ему 35–40 лет. До попадания в центр он провел более 10 лет в местах лишения свободы, в том числе по об-

винению в особо тяжких преступлениях. Год назад он вышел из мест лишения свободы по условно-досрочному освобождению и в настоящее время ежемесячно отмечается в полиции. По его словам, он также долгое время употреблял наркотики, что несколько раз чуть не привело его к гибели. Однако в заключении он познакомился с христианством через проповедников, приходивших в колонию, и вышел на свободу уже верующим человеком. Сейчас Сергей полностью раскаялся в ранее содеянном, отказался от употребления наркотиков и уверовал в Бога.

Сергей называет общину, в которую входит, «харизматической». Он рассказывает, что в центре совершаются ежедневные молитвы, в ходе которых используется только Библия, также бывают выезды на природу и на богослужения в город по воскресеньям. Он очень рад, что попал в реабилитационный центр, поскольку в противном случае, по его мнению, его либо убили бы на улице, либо он умер бы в результате употребления наркотиков. Свой отход от прошлой жизни информант считает чудом, которое послал Бог. Именно Бог дал ему шанс на нормальную жизнь и он очень благодарен ему за это. Сейчас он учится у товарищей по центру профессии плотника, в будущем планирует выучиться на электрика.

По словам Сергея, таких, как он, в центре содержится более 20 человек, и все они ранее попадали в трудные жизненные ситуации. По завершении разговора Сергей порекомендовал поближе ознакомиться с деятельностью общины на ее странице в социальной сети «Facebook»¹,

Отметим, что в настоящее время неденоминированные христианские церкви «харизматической» направленности активно работают с пенитенциарными учреждениями в регионах РФ, где также, как и традиционные конфессии, проводят свою проповедническую работу. В случае с Сергеем протестантские пасторы

¹ Владелец соцсети – компания «Meta» по решению Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории РФ запрещена.

оказались ему ближе, чем представители других религиозных течений, что и предопределило его дальнейшую судьбу. При этом не исключено, что именно попадание в подобный центр способствовало его отходу от противоправной деятельности.

Таким образом, устная информация является источником разнообразных сведений, в первую очередь, по истории современности. Из приведенного выше материала исследователи могут почерпнуть в основном информацию личного характера, мнение информанта о тех или иных событиях, в которых он принимал участие. При этом качество полученной информации, ее развернутость, точность, достоверность зависят не только от личности респондента, но и от умения исследователя правильно сформулировать вопросы по интересующей тематике, а в последующем провести качественный анализ полученных данных.

Характеризуя современный источниковый комплекс по исследуемой проблематике в целом, следует в качестве основной черты отметить его разнообразие и большую доступность информации, что прежде всего связано с многообразием конфессионального пространства региона, обилием религиозных течений, действующих в республике. Свою роль играет и развитие интернет-технологий и средств электронной коммуникации, что делает более мобильными обмен и обработку исследовательской информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии выявлен и рассмотрен широкий спектр архивных материалов, опубликованных, устных и технотронных источников, составляющих уникальный комплекс аутентичных исторических свидетельств и позволяющих проследить генезис, характер и региональные особенности развития одного из наименее изученных религиозных сегментов в Западном Забайкалье на протяжении более чем полуторавекового периода.

Опубликованные законодательные источники — законы о «раскольниках и сектантах» досоветского периода, советское законодательство о религиозных культах, а также современные правовые нормы, регулирующие конфессиональные отношения в Российской Федерации, — позволили охарактеризовать политику Российского государства по отношению к сектантским течениям на разных этапах его развития.

Неопубликованные письменные источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье выявлены в фондах государственных архивов Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области. В их число вошли документы общего и специального делопроизводства, отчетно-статистические материалы местных церковных и светских учреждений (правоохранительных органов, органов управления и исполнительной власти, православных миссионерских структур, антирелигиозных общественных структур, специальных органов, осуществлявших контроль за конфессиональной ситуацией в регионе).

Важную группу источников составили материалы периодической печати: до 1917 г. это миссионерские периодические издания — «Иркутские епархиальные ведомости», «Забайкальские епархиальные ведомости» и др.; в советский период — газеты «Правда Бурятии», «Молодежь Бурятии». Широкий спектр материалов современных республиканских периодических изданий выявлен и привлечен в качестве элемента источникового комплекса по постсоветской истории неправославных христианских общин и деноминаций

в Западном Забайкалье. Жанровая характеристика статей разнообразна — присутствуют как статьи и заметки, так и репортажи, очерки, новостные сообщения. При всей характерной для советского периода идеологизированности выявленных материалов они содержат интересный фактический материал о положении в Бурятии общин баптистов, адвентистов, Свидетелей Иеговы¹ и пятидесятников, отличаются проработанностью, художественным стилем изложения.

В рассмотренный нами комплекс технотронных источников вошли 80 интернет-сайтов местных религиозных объединений, СМИ, а также тематических сообществ в социальных сетях и интернет-мессенджерах, блоги священнослужителей, размещенные в открытом доступе в общероссийском и региональном сегменте сети Интернет в период с конца 1990-х до 2024 г. Также исследовано 12 видеосюжетов региональных телеканалов: ГТРК «Бурятия», «Тивиком», «Ариг Ус», фотоматериалы богослужений и повседневной деятельности последователей изучаемых нами течений, в основном размещенные в открытом доступе на официальных сайтах религиозных общин, а также на их страницах в социальной сети «ВКонтакте», интернет-мессенджере «Telegram».

Устные источники по теме монографии позволили получить сведения о бытовании на территории РБ малоизвестных религиозных течений в Кяхтинском и Муйском районах РБ.

Анализ законодательных материалов свидетельствует о закономерном стремлении государства вне зависимости от существующего политического строя контролировать либо ограничивать нетрадиционные религиозные институты, используя в том числе законодательство. В зависимости от исторических реалий формы такого контроля меняются — от ссылки и заключения последователей сект в досоветский период до попыток построения модели «традиционные — нетрадиционные религии» с различной степенью государ-

¹ До запрета их деятельности на территории Российской Федерации в 2017 г.

ственного благоприиятствования к ним в настоящее время. Отмечено, что понятие «секта» присутствует только в досоветском законодательстве, тогда как в советском и российском отсутствует. Вместе с тем в ряде современных российских нормативных актов, в частности в текстах судебных решений, данный термин используется.

Именно на основе материалов делопроизводства установлено наличие в досоветский период в Западном, а также в Восточном Забайкалье сравнительно небольшого количества «русских» сект — духовных христиан (молокан), духоборов, христоверов (хлыстов), скопцов, субботников (иудействующих), ионитов (хлыстов-киселевцев), а также последователей поздних протестантских течений — баптизма, адвентизма, пятидесятничества. Получены некоторые данные об их численности, местах расселения, сословной, половой принадлежности последователей сект. Так, пребывание последователей «русских» сект отмечено в Мухоршибирской, Тарбагатайской, Бичурской, Урлукской, Куналейской волостях Верхнеудинского округа, а также в Нерчинском и Нерчинско-Заводском округах. Последователи поздних протестантских течений селились в Забайкалье по линии Транссибирской железной дороги.

Материалы церковного делопроизводства дополняют указанные сведения характеристиками того или иного сектантского течения, особенностями проповеднической работы последователей сект в Западном Забайкалье. Однако в связи с немногочисленностью последователей сект в Западном Забайкалье архивные материалы содержат лишь общую информацию по теме исследования, что все же позволяет проследить генезис, характер и региональные особенности развития исследуемого явления.

Так, наиболее ранний из выявленных источников, содержащих информацию о представителях так называемых «русских» христианских сект — молокан и духоборов — в Западном Забайкалье, датируется 1837 г. Этим же годом датированы документы церковного следствия по «делу игумена Израиля», обвинявшегося в создании «еврейской секты» в Чикойском ските, что позволяет считать 1830-е гг. временем появления представителей христианских сект в Западном Забайкалье.

ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

Фонд 10. «Верхнеудинская городская управа» (1874–1916),
Оп. 1. Д. 1681.

Фонд 11. «Верхнеудинская городовая управа и городничий»
(1784–1875). Оп. 1. Д. 373, 685; Оп. 4. Д. 767.

Фонд 92. «Канцелярия кяхтинского градоначальника» (1816–
863). Оп. 1. Д. 810; Оп. 3. Д. 253.

Фонд 128. «Верхнеудинская городовая ратуша» (1859–1868).
Оп. 1. Д. 426.

Фонд 186. «Верхнеудинский Одигитриевский собор» (1841–
1921). Оп. 1. Д. 78, 172.

Фонд 262. «Селенгинский Троицкий монастырь» (1681–1913).
Оп. 1. Д. 414, 416, 493.

Фонд 337. «Верхнеудинское окружное полицейское управле-
ние» (1866–1918). Оп. 1. Д. 7409, 7731, 7833, 7902, 7992, 8006, 8080,
8134, 8803; Оп. 2. Д. 139, 1564, 1959, 3103; Оп. 5. Д. 10.

Фонд П-1 «Бурятский областной комитет КПСС» (1921–1991).
Оп. 1. Д. 377.

Фонд Р-248. «Совет министров БАССР» (1922–1997). Оп. 3.
Д. 54; Оп. 4. Д. 104, 105.

Фонд Р-581. «Бурят-Монгольский областной союз воинствующих
безбожников» (1926–1938). Оп. 1. Д. 1, 2, 5.

Фонд Р-1857 (1920–1994). «Уполномоченный Совета по делам
религий при Совете Министров Бурятской АССР». Оп. 1. Д. 31, 33,
38, 41, 44, 47, 49, 50, 55, 61, 74, 78, 81, 89, 93, 119, 124, 141, 147, 161,
162, 169, 170, 179, 187, 202, 211, 220, 293.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)

Фонд 1. «Забайкальское областное правление». Оп. 1(о). Д. 111;
Оп. 4(т). Д. 38.

Фонд 8. «Забайкальская духовная консистория» (1894–1925).
Оп.1. Д. 3, 97, 117, 189, 1007, 1098, 1954.

Фонд 282. «Церкви Забайкальской области» (1722–1934). Оп. 1. Д. 988, 2006, 2150, 2179, 2180, 2206, 2241.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Фонд 50. «Иркутская духовная консистория» (1725–1919). Оп. 1. Д. 5048, 5173, 5670, 6062, 6214, 6448.

Архив Управления ФСБ России по Республике Бурятия

Фонд 3. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 6.

Опубликованные источники

1. Айвазов И. Г. Материалы для исследования сект духоборов и молокан / И. Г. Айвазов. — Москва, 1917. — 14 с.

2. Айвазов И. Г. Материалы для исследования секты скопцов / И. Г. Айвазов. — Москва: Печатня А. И. Снегиной, 1916. — 173 с.

3. Айвазов И. Г. Материалы исследования русских мистических сект: в 2 томах / И. Г. Айвазов. — Вып. 1. Христовщина. — Петербург, 1915. — Т. 1. — 648 с.

4. Бенескриптов Е. А. О западных вероисповеданиях и сектах протестантских / Е. А. Бенескриптов. — Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства, 1861. — 123 с.

5. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. — Кн. 8. История распоряжений по расколу / Н. Варадинов. — Санкт-Петербург, 1863 — 656 с.

6. Высоцкий Н. Г. Материалы из истории духоборческой секты / Н. Г. Высоцкий. — Сергиев Посад: Моск. губерnsk. тип., 1914. — 56 с.

7. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов / под редакцией А. Введенского. — Одесса: Тип. Одесск. новостей, 1912. — 205 с.

8. Закон Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» от 23 декабря 1997 г. № 610-1.

9. Закон, религия, церковь. Сборник документов КПСС. — Ташкент, 1987. — 149 с.

10. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов / составитель Н. Орлеанский. — Москва: Политиздат, 1971. — 146 с.

11. Законы о раскольниках и сектантах (с разъяснениями Святейшего Правительствующего синода и Правительствующего сената). — Москва: Изд. А. В. Сорова, 1896. — 219 с.

12. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX в. Сборник документов / составители С. Г. Аюшеева, М. Г. Бухаева, Н. К. Сафронова, Л. П. Щапова. — Улан-Удэ, 2001. — 272 с.

13. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. — Москва, 1936. — 54 с.; 1977. — 60 с.

14. Кончина узника Израиля // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1863. — № 10. — С. 123–124.

15. Копылов В. Котинские духоборы / В. Копылов // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1874. — № 28. — С. 374–380.

16. Критика религиозного сектантства: опыт изучения религиозного сектантства в 1920-х — начале 1930-х гг. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; под общей редакцией и предисловие А. И. Клибанова. — Москва: Мысль, 1974. — 263 с.

17. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола (в 5 вып.) / под редакцией В. Бонч-Бруевича. — Вып. 1. Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты. — Санкт-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. — 314 с.

18. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 г. — Чита: Забайкальское товарищество печатного дела, 1908. — 118 с.

19. Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам / разраб. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел. — Санкт-Петербург, 1901. — 26 с.

20. Сборник законов СССР. 1938–1975 гг. — Москва: Известия, 1975. — Т. 1. — 469 с.

21. Сборник правительственных сведений о раскольниках: в 4 вып. / под редакцией В. Кельсиева. — Лондон: Trubner & Co, 1861. — Вып. 2. — 299 с.

22. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего синода. — Кн. 2. — Санкт-Петербург, 1860. — 369 с.

23. Собрание постановлений по части раскола. — Т. 1, вып. 1. Постановления Министерства внутренних дел (1734–1840). — Лондон: Тип. Trubner & Co, 1863. — 280 с.; Вып. 2. Постановления Министерства внутренних дел (1841–1859). — 1863. — 542 с.

24. Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / составитель, вступ. статья и коммент. А. И. Савина. — Новосибирск; Санкт-Петербург, 2004. — 427 с.

25. Троицкий А. Баптизм (история появления и распространения секты) / А. Троицкий // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1913. — № 19. — С. 598–160.

26. Успенский Н. Духоборы в Котах / Н. Успенский // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. — 1910. — № 5. — С. 147–150.

Монографии, статьи

27. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма / М. С. Агурский. — Москва: Алгоритм, 2003. — 320 с.

28. Айвазов И. Г. Что такое секта / И. Г. Айвазов // Миссионерское обозрение. — 1904. — № 19. — С. 1247–1351.

29. Арзуманов И. А. Религиозная культура Байкальского региона: методологические аспекты миссии протестантизма и постпротестантские инновации (XIX–XXI вв.) / И. А. Арзуманов // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2009. — № 7. История. — С. 317–323.

30. Ахмадулина С. З. Нетрадиционные религиозные организации в современной Бурятии / С. З. Ахмадулина // Вестник Бурятского госуниверситета — 2009. — № 7. История. — С. 116–121.

31. Аюрова Н. А. Состояние нетрадиционных религиозных организаций и центров на территории Республики Бурятия / Н. А. Аюрова // Мункуевские чтения — 2: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Н. Ц. Мункуева (8–9 июля 2004 г.). — Ч. 1. Монголоведение. — Улан-Удэ, 2004. — С. 79–84.

32. Балагушкин Е. Г. Новые религиозные движения и секты / Е. Г. Балагушкин, С. М. Квасникова. — Москва, 1993. — 316 с.

33. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение / А. Баркер. — Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 1997. — 282 с.

34. Барсов Н. И. Русский простонародный мистицизм / Н. И. Барсов. — Санкт-Петербург, 1869. — 67с.

35. Белов А. В. Секты, сектантство, сектанты / А. В. Белов; ответственный редактор А. И. Клибанов. — Москва: Наука. — 151 с.

36. Бернхейм Э. Введение в историческую науку / Э. Бернхейм. — Москва, 1911. — 678 с.

37. Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. — Москва, 1973. — 169 с.

38. Булгаков С. В. Православие. Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы западной церкви. Киев, 1912. Репринт / С. В. Булгаков. — Москва: Современник, 1994. — 167 с.

39. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего / Т. И. Буткевич. — Изд. 2, испр. и знач. доп. — Петербург, 1915. — 607 с.

40. Бычков О. В. К вопросу о деятельности зарубежных миссионеров и местных сект на территории Республики Бурятия и в Байкальском регионе / О. В. Бычков // Миссионерское обозрение. — 1996. — № 6. — С. 16–19.

41. Варсонофий (Лузин, еп.). Проблема сектоведения как науки // Православный собеседник. — 1914. — Ч. 2. — С. 201–216.

42. Васильева Е. Н. Культ и секта: проблема разграничения / Е. Н. Васильева // Религиоведение. — 2007. — № 3. — С.86–92.

43. Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья / С. В. Васильева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2007. — 233 с.

44. Васильева С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в

XVII–XXI вв.: историография и источники / С. В. Васильева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — 204 с.

45. Васильева С. В. Старообрядцы в Забайкалье: учебные материалы / С. В. Васильева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. — 149 с.

46. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с немецкого / М. Вебер. — Москва: Юрист, 1994. — 704 с.

47. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — Москва: Прогресс, 1990. — 808 с.

48. Владимиров В. Н. Internet для историка: глобальная информационная игрушка или новая парадигма / В. Н. Владимиров // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 1996. — № 17. — С. 51–67.

49. Вопросы научного атеизма. Вып. 24. Эволюция христианского сектантства в СССР / Академия обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; редактор А. Ф. Окулов [и др.]. — Москва: Мысль, 1979. — 287 с.

50. Воробьева И. Б. Термин «секта» и его использование в юриспруденции / Т. Б. Воробьева // Вестник Саратовской государственной академии права: научный журнал. — 2010. — № 3(73). С.160–164.

51. Вруцевич М. Сибирские скопцы (историко-бытовой очерк) / М. Вруцевич // Русская старина. — 1905. — Т. 123, № 7–9. — С. 170 – 186, 286–313.

52. Гандоу Т. Империя «преподобного» Муна / Т. Гандоу. — Клин: Изд-во Братства свят. Тихона, 1995. — 137 с.

53. Гандоу Т. Свидетели Иеговы: квазикоммунистическая идеология под видом религии / Т. Гандоу // Тоталитарные секты — угроза XXI века: материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–25 апреля 2001 г.). — Нижний Новгород: Изд-во Братства св. Александра Невского, 2001. — С. 103–107.

54. Гусейнова Т. Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди старообрядцев Забайкалья (XVIII — нача-

ло XX в.) / Т. Н. Гусейнова. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2006. — 242 с.

55. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А. Л. Дворкин. — Нижний Новгород, 2003. — 813 с.

56. Дворкин А. Л. Типология сектантства и методы антисектантской деятельности Русской православной церкви / А. Л. Дворкин // Миссионерское обозрение. 1997. — № 1. — С. 10–15.

57. Добротворский И. М. Люди Божьи: русская секта так называемых духовных христиан / И. М. Добротворский. — Казань, 1869. — 210 с.

58. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири / А. Долотов. — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. — 128 с.

59. Дройзен И. Г. Историка: перевод с немецкого / И. Г. Дройзен. — Санкт-Петербург, 2004. — 584 с.

60. Желновакова М. Ф. Причины появления протестантизма в Иркутской губернии / М. Ф. Желновакова // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4/3. — С. 73–77.

61. Желновакова М. Ф. Создание образа «сектанта» средствами массовой информации (на примере Иркутской области) / М. Ф. Желновакова // Религия и право. — 2010. — № 2(53). — С. 22–25.

62. Жуков А. В. Свидетели Иеговы в Забайкалье: монография / А. В. Жуков, Н. С. Кондакова, М. С. Шевченко. — Москва: Изд-во МГОУ, 2012. — 204 с.

63. Зубакова Н. С. История возникновения протестантизма в Забайкалье / Н. С. Зубакова // Кулагинские чтения – VIII: материалы всероссийской научно-практической конференции. — Чита: Изд-во ЧитГУ, 2008. — Ч. 5. — С. 279–282.

64. Иваненко С. И. Свидетели Иеговы — традиционная для России религиозная организация / С. И. Иваненко. — Москва: Арт-бизнес-центр, 2002. — 208 с.

65. Иваненко С. И. О людях, никогда не расстающихся с Библией / С. И. Иваненко. — Москва: Республика, 1999. — 270 с.

66. Иванов А. И. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви / А. И. Иванов, П. К. Лобазов. — Москва: Знание, 1973.
67. История евангельских христиан-баптистов в СССР. — Москва: Изд-во ВСЕХБ, 1989. — 623 с.
68. Калугин В. М. Методологические принципы классификации христианского сектантства в СССР / В. М. Калугин // Научный атеизм: вопросы методологии и социологии. — Пермь, 1975. — С. 24–28.
69. Калугин В. М. Современное религиозное сектантство, его разновидности и идеология / В. М. Калугин. — Москва: Высшая школа, 1962. — 60 с.
70. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в США и России: сравнительный анализ / И. Я. Кантеров // Религиоведение. — 2001. — № 1. — С. 61–72.
71. Кантеров И. Я. Деструктивные, тоталитарные и далее везде / И. Я. Кантеров // Религия и право. — 2002. — № 1. — С. 21–27.
72. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ) / И. Я. Кантеров. — Москва: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. — 472 с.
73. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. — начало XX в.) / А. И. Клибанов. — Москва: Наука, 1965. — 348 с.
74. Клибанов А. И. Проблемы изучения и критики религиозного сектантства / А. И. Клибанов. — Москва: Знание, 1971. — 61 с.
75. Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. — Москва: Наука, 1973. — 256 с.
76. Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность: Социол. и ист. очерки / А. И. Клибанов; АН СССР, Ин-т истории. — Москва: Наука, 1969. — 269 с.
77. Ковальчук Ю. С. Корейский протестантизм и его миссионерские практики в азиатской части России / Ю. С. Ковальчук. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. — 192 с.
78. Козьмина А. А. О религиозном сектантстве в Иркутской области / А. А. Козьмина. — Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1939. — 45 с.

79. Козьмина А. А. Понятие сектантства в СССР / А. А. Козьмина // Антирелигиозник. — 1939. — № 7. — С. 32–36.

80. Костомаров В. И. Раскол: исторические монографии и исследования / В. И. Костомаров. — Москва: Чарли, 1994. — 608 с.

81. Костров А. В. История старообрядчества Байкальской Сибири: очерки историографии и источниковедения / А. В. Костров. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. — 124 с.

82. Костякова Ю. Б. Теоретико-методологические аспекты изучения средств массовой информации как исторического источника / Ю. Б. Костякова // Вестник Военного университета. — 2011. — № 3(27). — С. 12–17.

83. Крапивин М. Ю. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 — конец 1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин, А. Я. Лейкин, А. Я. Далгатова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2003. — 308 с.

84. Красиков П. А. На церковном фронте / П. А. Красиков. — Москва 1923. — 95 с.

85. Кривельская Н. В. Секта: угроза и поиск защиты / Н. В. Кривельская. — Москва: Благовест, 1999. — 95 с.

86. Критика религиозного сектантства: опыт изучения религиозного сектантства в 1920-х — начале 1930-х гг. / под общей редакцией и предисловие А. И. Клибанова. — Москва: Мысль, 1974. — 263 с.

87. Крюков А. В. Религиозные секты на Кубани в досоветский период: историографический аспект проблемы / А. В. Крюков // Гуманитарная мысль Юга России. — 2005. — № 1. — С. 45–56.

88. Кузнецова Т. Н. Опыт противосектантской деятельности Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в. / Т. Н. Кузнецова // Миссионерское обозрение. — 2000. — № 10–12.

89. Кулиев Ф. М. Деятельность христианских сект на Северном Кавказе в XIX–XX вв. / Ф. М. Кулиев // Вестник Челяб. гос. университета. — 2010. — Вып. 40, № 15(196). — С. 48–54.

90. Кулиев Ф. М. Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX в. на Северном Кавка-

зе / Ф. М. Кулиев // Вестник Челяб. гос. университета. — 2009. — Вып. 34, № 28(166). С. 126–133.

91. Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И. А. Куницын. — Москва: Православное дело, 2000. — 464 с.

92. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции / А. Кураев. — Москва: Отчий дом, 1997. — Т. 1. — 170 с.

93. Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве / В. А. Куроедов. — Москва: Политиздат, 1982. — 264 с.

94. Кутепов К. В. Секты хлыстов и скопцов / К. В. Кутепов. — Ставрополь, 1900. — 574 с.

95. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. — Москва, 2006. — 622 с.

96. Ленин В. И. Проект программы нашей партии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 томах. — Изд. 5. — Москва, 1967. — Т. 4.

97. Ливанов В. Ф. Раскольники и острожники / В. Ф. Ливанов. — Санкт-Петербург, 1868. — 456 с.

98. Лузина Т. И. Христианское сектантство в России: история изучения / Т. И. Лузина // Вестник СПбГУ. Сер. 6. — Санкт-Петербург, 2004. — Вып. 4. — С. 16–23.

99. Магидов В. М. Технотронные документы в историографии и источниковедении / В. М. Магидов // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. — Москва: Мосгорархив, 1997. — 320 с.

100. Макдауэлл Дж. Обманщики / Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт. — Москва: Протестант, 1994. — 224 с.

101. Мартин У. Царство культов / У. Мартин. — Санкт-Петербург: Логос, 1992. — 352 с.

102. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Тайные секты // Собрание сочинений: в 8 томах. — Москва: Правда, 1976. — Т. 8. — С. 63–122.

103. Методы исторического исследования / под редакцией И. Д. Ковальченко; Отд. ист.-филол. наук. — Изд. 2, доп. — Москва: Наука, 2003. — 486 с.

104. Милюков П. Н. Развитие русского сектантства / П. Н. Милюков // Очерки по истории русской культуры: в 3 томах. — Т. 2. Вера — творчество — образование. — Москва, 1994. — 316 с.

105. Мирохин Л. Н. Баптизм: история и современность / Л. Н. Митрохин. — Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. — 480 с.

106. Мирохин Л. Н. Религии «Нового века» / Л. Н. Митрохин. — Москва: Советская Россия, 1985. — 160 с.

107. Митрохин Л. Н. О методологии исследований современной религиозности / Л. Н. Митрохин // Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / ответственный редактор А. И. Клибанов. — Москва, 1967. — 264 с.

108. Москаленко А. Т. Идеология и деятельность христианских сект / А. Т. Москаленко. — Москва: Наука, 1978. — 415 с.

109. Муратов М. В. Духоборцы Иркутской губернии / М. В. Муратов // Сибирская живая старина. — 1923. — № 1. — С. 22–58.

110. Муру Р. Н. Правовое определение понятия «секта» / Р. Н. Муру, А. А. Со // Власть. — 2009. — № 5. — С. 85.

111. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990–2000 гг.): монография / Е. Б. Баторова, С. З. Ахмадулина. — Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. — 191 с.

112. Новые религиозные культы, движения и организации в России / под редакцией Н. А. Трофимчука. — Изд. 2, доп. и перераб. — Москва: Изд-во РАГС, 1998. — 346 с.

113. Новый закон о старообрядцах и сектантах // Право. — 1906. — № 42. — 22 окт. — С. 3–8.

114. Одинцов М. И. Совет Министров СССР постановляет: «выселить навечно» / М. И. Одинцов // Сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.) / Объединение исследователей религии. — Москва: Арт-Бизнес Центр, 2002. — 240 с.

115. Оленич Т. С. Религиозное сектантство в годы революции и советской власти / Т. С. Оленич // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2004. — № 3. — С. 64–69.

116. Основы религиоведения / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др.; под редакцией И. Н. Яблокова. — Москва: Высш. шк., 1994. — 460 с.

117. Пеликан Е. В. Судебно-медицинские исследования скопчества / Е. В. Пеликан. — Санкт-Петербург, 1872. — 184 с.

118. Прилуцкий А. М. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления / А. М. Прилуцкий А. К. Погасий // Религиоведение. — 2006. — № 1. — С. 164–170.

119. Причины появления и распространения новых религий / С. З. Ахмадулина, А. А. Очиров // Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ-БГУ. — Улан-Удэ, 2022. — С. 28–32.

120. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность / А. А. Бадмаев, Ч. О. Адыгбай, В. А. Бурнаков, Д. М. Маншеев. — Новосибирск: Изд-во РИЦ НГУ, 2006. — 168 с.

121. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. С критическими замечаниями духовного цензора / А. С. Пругавин. — Москва: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. — 95 с.

122. Путинцев Ф. М. Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах / Ф. М. Путинцев // Антирелигиозник. — 1927. — № 6. — С. 45–52.

123. Путинцев Ф. М. Методы изучения и критики сектантства / Ф. М. Путинцев // Сектантство и антирелигиозная пропаганда: методическое пособие. — Москва, 1928. — 172 с.

124. Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект / Ф. М. Путинцев. — Москва, 1935. — 479 с.

125. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. — Москва: Наука, 1975. — 281 с.

126. Рейснер М. А. Избранные статьи / М. А. Рейснер. — Ленинград, 1990. — 416 с.

127. Религиозная секта иеговистов / А. С. Герасимец, Н. А. Решетников / Всерос. о-во по распространению полит. и науч. знаний, иркутское отд-ние. — Иркутск, 1959. — 45 с.

128. Религиозная ситуация в Бурятии в конце 1980-х — начале 1990-х гг. / Е. В. Добротушенко, Ю. Н. Ланцова, Г. П. Каменева и др. // Самарский научный вестник. — 2021. — Т. 10, № 2. — С. 204–210.

129. Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / ответственный редактор С. Б. Филатов. — Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2002. — 486 с.

130. Реутский Н. В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг) / Н. В. Реутский. — Москва: Типография Грачева и К., 1872. — 230 с.

131. Розов А. Н. Сектанты и их напевы в восприятии православных людей (по материалам церковной и светской публицистики) / А. Н. Розов // Традиционная культура. — 2023. — № 3. — С. 98–108.

132. Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX веке / С. Г. Рункевич. — Санкт-Петербург: Тип. Лопухина, 1901. — 232 с.

133. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. — 2010. — № 3. — С. 44–50.

134. Савин А. И. «Эта работа ... произведет соответствующее впечатление и на Европу». Из документов руководства ОГПУ СССР о методах борьбы с религиозными организациями в первой половине 1920-х гг. / А. И. Савин // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. — 2005. — № 2. — С. 74–78.

135. Савин А. И. К вопросу о политике сибирских властей в отношении сектантов в начале 1920-х гг. / А. И. Савин // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — начала XX в.: материалы Четвертой региональной научной конференции (11–12 ноября 1999 г.). — Новосибирск, 1999. — С. 274–278.

136. Савин А. И. Советская власть и христианские секты: к истории одной антирелигиозной кампании в Сибири в 1922–1923 гг. / А. И. Савин // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения. 1996. — Новосибирск, 1998. — С. 91–100.

137. Савинова М. Н. Место и деятельность новых религиозных конфессий в культурной и духовной жизни Бурятии / М. Н. Савинова // Проблемы истории и культурно-национального строительства

в Республике Бурятия: сборник статей. — Улан-Удэ, 1998. — С. 192–196.

138. Сафронов Р. О. Изучение сект в советском религиоведении: терминология и подходы / Р. О. Сафронов // Вестник ПСТГУ I. Богословие. Философия. — 2013. — Вып. 5(49). — С. 96–112.

139. Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье / А. В. Жуков, А. Г. Янков, А. О. Баринов, А. В. Дроботушенко. — Чита, 2003. — 160 с.

140. Тиваненко А. В. Отшельники Хамар-Дабана, или История тайной секты ионитов / А. В. Тиваненко. — Чита: Экспресс-издательство, 2010. — 160 с.

141. Трёльч Э. Социальные учения христианских церквей и групп / Э. Трёльч // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / составители В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. — Москва: Аспект Пресс, 1996. — С. 143–47.

142. Трёльч Э. Церковь и секта / Э. Трёльч // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / составители В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. — Москва: Аспект Пресс, 1996. — С. 226–237.

143. Фаликов Б. З. Культы и культура: от Елены Блаватской до Рона Хаббарда / Б. З. Фаликов. — Москва: Изд-во РГГУ, 2007. — 264 с.

144. Фетисов Н. Опыт уяснения основных вопросов науки сектоведения / Н. Фетисов // Труды Киев. дух. академии. Кн. 7–8. — 1914. — С. 444–449.

145. Филимонов Э. Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы / Э. Г. Филимонов. — Киев: Политиздат Украины, 1891. — 181 с.

146. Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны / П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. — 264 с.

147. Харитонов В. И. Религиозный фактор в современной жизни народов Севера и Сибири / В. И. Харитонов. — Москва, 2004. — 38 с.

148. Цыремпилова И. С. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940–

1980-х гг. / И. С. Цыремпилова, Ю. Г. Злыгостева // Власть. — 2010. — № 10. — С. 47–50.

149. Цыремпилова И. С. Религиозные конфессии в Бурят-Монгольской АССР в 20–30-е гг. XX века / И. С. Цыремпилова, Л. В. Курас // Конфессии народов Сибири в XVII — начале XX в.: развитие и взаимодействие: материалы всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). — Иркутск, 2005. — С. 70–76.

150. Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия (1925–1929 гг.) / И. С. Цыремпилова // Исследования молодых ученых: межвузовский сборник статей. — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. — С. 59–74.

151. Щапов А. Умственные направления русского раскола / А. Щапов // Дело. — 1867. — № 10. — С. 319–348; № 11. — С. 138–168; № 12. — С. 170–200.

152. Эткинд А. М. Хлыст. Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. — Москва, 1998. — 214 с.

Справочные издания

153. Азбука христианства. Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обрядов. — Москва: Наука, 1997. — 288 с.

154. Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Энциклопедический справочник / А. Д. Жалсараев. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. — 488 с.

155. Краткий научно-атеистический словарь / редакторы И. П. Цамерян, Р. В. Петропавловский, Г. В. Платонов, М. М. Шейнман. — Изд. 2, перераб. и доп. — Москва: Наука, 1969. — 800 с.

156. Путеводитель по фондам Национального архива Республики Бурятия (1917–2006 гг.). — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. — 560 с.

157. Религиоведение: энциклопедический словарь / под редакцией А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — Москва: Академический проект, 2006. — 720 с.

158. Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник / С. В. Васильева, М. В. Барнакова, А. И. Жамбалова и др. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 211 с.

Периодические издания

159. Андреева А. Мормоны в Бурятии / А. Андреева // Бурятия. — 2002. — 12 марта.

160. Андреева А. Сектанты: ушедшие во тьму / А. Андреева // Информ Полис. — 2000. — 6 сент.

161. Артемьева М. Жертвы секты / А. Артемьева // Центральная газета. — 2004. — 18 февр.

162. Березин С. Забайкалье — прародина Кореи / С. Березин // Независимая газета. — 1998. — 16 июня.

163. Березин С. Отмороженные миссионеры / С. Березин // Центральная газета. — 2005. — 30 нояб.

164. Бородина Е. Тоталитарная секта / Е. Бородина // Центральная газета. — 2004. — 8 сентября.

165. Бородина Е. Тоталитарная секта действует в Улан-Удэ под вывеской «Молодежного центра» / Е. Бородина // Центральная газета. — 2004. — 1 сент.

166. Бурятская епархия предупредила об опасности секты мормонов // Информ Полис. — 2010. — 8 марта.

167. Галин А. Кто написал «секта» / А. Галин // Центральная газета. — 2003. — 17 сент.

168. Граффити на дверях «Свидетелей» // Молодежь Бурятии. — 2003. — 10 сент.

169. Дружинина В. Люди в погонах и рясах объединяются / В. Дружинина // Пятница Плюс. — 2005. — 15 июля.

170. Ковтун В. Надежда ищет спасения. За человека надо бороться / В. Ковтун // Молодежь Бурятии. — 1965. — 6 июня.

171. Крест И. Студентка вуза стала жертвой тоталитарной секты Муна / И. Крест // Центральная газета. — 2003. — 29 окт.

172. Лазарева О. Секта или последнее убежище?: в Улан-Удэ неизвестные добровольцы помогают нищим, алкозависимым и наркоманам / О. Лазарева // Номер Один. — 2023. — № 8. — 1 марта.

173. Матвеева А. Православные священники будут бороться с сектами / А. Матвеева // Номер один. — 2004. — 31 марта.

174. Матвеева Н. Служение людям как личный выбор / Н. Матвеева // Пятница плюс. — 2002. — 28 авг.

175. Мухраев А. Пастухи или охотники / А. Мухарев // Молодежь Бурятии. — 2001. — 12 дек.

176. Николаев И. Водное крещение не состоялось / И. Николаев // Правда Бурятии. — 1962. — 17 дек.

177. Николайчук Ю. Конец Энса. Суд над тем, кто развращал умы / Ю. Николайчук // Молодежь Бурятии. — 1963. — 7 авг.

178. Очиржапов Д. Кто такие иеговисты? / Д. Очиржапов // Правда Бурятии. — 1978. — 11 дек.

179. Помощь жертвам сект // Молодежь Бурятии. — 2004. — 18 февр.

180. Русаков Л. Секта возвращается / Л. Русаков // Молодежь Бурятии. — 1998. — 13 мая.

181. Сафарян А. Мормоны обживают в Улан-Удэ / А. Сафарян // Информ Полис. — 2010. — 11 марта.

182. Секерин В. Адвентисты седьмого дня: религии на карте Забайкалья / В. Секерин // Вперед. — 1993. — 23 нояб.

183. Секерин В. Евангельские христиане-баптисты: религии на карте Забайкалья / В. Секерин // Вперед. — 1993. — 24 июня.

184. Соболевская М. Вера каждому нужна, вера всякая важна / М. Соболевская // Центральная газета. — 2002. — 21 авг.

185. Степаненко О. В плену бреда: в Бурятии орудуют проповедники псевдорелигий, заманивающие в свои ряды подростков / О. Степаненко // Молодежь Бурятии. — 2017. — № 21. — 24 мая.

186. Фирсов С. Была ли безбожная пятилетка / С. Фирсов // Независимая газета. — 2002. — 11 нояб.

187. Фишев А. Религиозные секты в Улан-Удэ / А. Фишев // Вечерний Улан-Удэ. — 1999. — 17 февр.

188. Шишкина В. Сначала про любовь спрашивала, а потом давай про Бога втирать / В. Шишкина // Центральная газета. — 2004. — 31 марта.

189. Эрмиль М. «Нас часто называют сектантами» / М. Эрмиль // Традиция. — 2021. — № 37. — 22 сент.

Электронные ресурсы

190. Афанасьева Л. П. Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости // Новый исторический вестник. — 2003. — №1. — URL: http://www.nivestnik.ru/2003_1/14.shtml (дата обращения: 13.06.2014).

191. Баптисты и иеговисты Бурятия массово отказывают врачам // Байкал Daily. 2013. — URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/16/66362> (дата обращения: 13.06.2018).

192. Бобрищев-Пушкин А. М. Суд и раскольники-сектанты // Библиотека Якова Кротова. — 207 с. — URL: http://krotov.info/Opis_A/00001/02141_Bobrishev.pdf (дата обращения: 12.06.2013).

193. Богородичный центр // сайт Сектовед.ру. URL: http://sektoved.ru/enciclopedia.php?cat_id=35 (дата обращения: 15.03.2014).

194. Бурятия заблокировала доступ к сайту «Свидетелей Иеговы» // Новая Бурятия. — 2012. — URL: <http://www.newbur.ru/news/10531> (дата обращения: 13.06.2014).

195. В Татарстане начинает работу Управление по делам религий при республиканском правительстве. 2008. 26 авг. // Сайт IslamRF.Ru. — URL: <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/4224/> (дата обращения: 23.12.2013).

196. В Улан-Удэ Свидетельница Иеговы умерла, отказавшись от переливания крови // Информ Полис online. — URL: <http://www.infpol.ru/chp-kriminal2/item/2902-v-ulan-ude-svidetelnitsa-iegovy-umerla-otkazavshis-ot-perelivaniya-krovi.html> (дата обращения: 13.06.2018).

197. Детский дом в Субуктуе работал вне закона // Независимая газета «Новая Бурятия» — URL: <http://www.newbur.ru/articles/4624> (дата обращения: 13.05.2024).

198. Доклад о проявлениях ксенофобии, расовой дискриминации и антисемитизма (события августа 2004 — июля 2005 г.) в Республике Бурятия // Республиканский правозащитный центр. — URL: <http://hrcenter.e-baikal.ru/> (дата обращения: 13.06.2012).

199. Доклад по мониторингу проявлений ксенофобии, религиозной нетерпимости, социальной ненависти и дискриминации в 2008 г. в Республике Бурятия // Республиканский правозащитный центр. — URL: <http://hrcenter.e-baikal.ru/> (дата обращения: 13.06.2014).

200. Евангельская христианская церковь г. Улан-Удэ. URL: <http://uuchurch.ru> (дата обращения: 13.06.2024).

201. Жеребятьев И. Белый дом уполномочен объявить... Никаких гарантий, что «религиозное министерство» в России не возродится, власть никогда не давала. И Медведев дает сигнал, что возродить его она уже готова. 2008. 6 авг. // Информационный портал Credo.ru. — URL: <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=64621&type=view> (дата обращения: 12.12.2013).

202. Забкрай.инфо. — URL: <http://www.zabkrai.info> (дата обращения: 13.06.2024).

203. Именной высочайший указ, данный сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Викитека — сводная электронная библиотека на русском языке. — URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Об_Укреплении_Начал_Веротерпимости_\(1905\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Об_Укреплении_Начал_Веротерпимости_(1905)) (дата обращения: 13.06.2014).

204. Информационное агентство Baikal-daily. — URL: <http://baikal-daily.ru/news/16/5451> (дата обращения: 23.12.2023).

205. Информационное агентство Baikal-daily. — URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/20/41599>. Материал: В Бурятии секты действуют под видом волонтеров. 21.03.2012 г. (дата обращения: 13.06.2024).

206. Информационное агентство Регнум. — URL: <http://www.regnum.ru/news/1283220.html> (дата обращения 23.12.2023).

207. Информационный портал Федерал-Пресс. — URL: http://www.fedpress.ru/sfo/polit/society/id_170662.html (дата обращения: 23.12.2023).

208. История Религии // сайт Дмитрия Таевского. — URL: <http://religion.babr.ru> (дата обращения: 13.06.2013).

209. Кириллова К. Е. О термине «секта». — URL: http://www.odinblago.ru/sektovedenie/kirillova_o_termine_sekta/ (дата обращения: 20.07.2014).

210. Курачев Д. Г. Традиционные и нетрадиционные религии в ракурсе дифференцированного подхода // Проблемный анализ и государственное-управленческое проектирование. — 2009. — № 4. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-i-netraditsionnye-religii-v-rakurse-differentsirovannogo-podhoda> (дата обращения: 27.06.2024).

211. Лункин Р. Н. Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия. Евангельская христианская церковь г. Улан-Удэ. — URL: http://uuchurch.ru/main/article.php?id_article=321&id_page=1 (дата обращения: 13.06.2024).

212. Махачкеев А. Тайна хамар-дабанских отшельников // Независимая газета «Новая Бурятия». — URL: <http://www.newbur.ru/articles/4635> (дата обращения: 12.09.2023).

213. Михайлюк К. Христианские большевики. Секты как двигатель русской революции // Сайт НГ религии. — URL: http://religion.ng.ru/bogoslovie/2001-11-14/7_sekty.html (дата обращения: 13.06.2024).

214. Михайлюк К. Христианские большевики. Секты как двигатель русской революции. — URL: http://religion.ng.ru/bogoslovie/2001-11-14/7_sekty.html (дата обращения: 15.06.2014).

215. Монастыри в Бурятии // Сайт Православие. — URL: <http://www.egregor.ru/pravoslavie/monastir.html> (дата обращения: 13.06.2024.).

216. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Сайт Демократия.ру. — URL: http://www.democracy.ru/library/laws/federal/125_fz/index.html (дата обращения: 19.06.2024).

217. Петров М. И. Интернет для исследователя или исследователь для интернета // Информационный бюллетень ассоциации «Ис-

тория и компьютер». — 1999. — № 24. — URL: <http://www.aik-sng.ru/text/bullet/24/23.html> (дата обращения: 13.06.2024).

218. Протестанты Бурятии: «Мы не секта!» // МК в Бурятии. — URL: <http://ulan.mk.ru/articles/2017/11/01/protestanty-buryatii-me-ne-sekta.html> (дата обращения: 13.06.2024).

219. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. — URL: http://az.lib.ru/p/prugawin_a_s/text_0090.shtml (дата обращения: 13.06.2024).

220. Религиозная ссылка в Якутии. Скопческая Марха // Ykt.ru. 2012. — URL: <http://dnevniky.ykt.ru/alex02/513395> (дата обращения: 13.06.2014).

221. Религиозные организации в Бурятии будет проверять экспертный совет / Информационное агентство ВостокТелеИнформ. — URL: http://vtinform.ru/vti/137/31112.php?SECTION_ID=137&ID=31112&print=Y (дата обращения: 13.08.2018).

222. Сайт Управления Министерства юстиции по Республике Бурятия. — URL: <http://to04.minjust.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2024).

223. Скопцы в Якутии // Yakutskhistory.net. 2013. — URL: <http://www.yakutskhistory.net/фрагменты-истории/скопцы-в-якутии/> (дата обращения: 13.06.2014).

224. Союз воинствующих безбожников // Википедия: свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Союз_воинствующих_безбожников (дата обращения: 14.06.2014).

225. Суд признал допустимым называть Свидетелей Иеговы сектой // Информационно-консультативный центр Св. Ириней Лионского. — URL: <http://iriney.ru/sects/witness/news018.htm> (дата обращения: 14.04.2014).

226. Телекомпания Тивиком. — URL: <http://www.tvcom-tv.ru/news/30/4432.php> (дата обращения: 23.12.2023).

227. Ульянова Л. Пенсионерка отдала квартиру «Свидетелям Иеговы» // Газета «Номер Один». — URL: http://gazetan1.ru/blogs/lubov_ulyanova/27566 (дата обращения: 13.06.2014).

228. Управление Роскомнадзора по Республике Татарстан. — URL: <http://16.rsoc.ru/news/news11918.htm> (дата обращения: 23.12.2023).

229. Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации. — URL: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 13.08.2024).

230. Центр религиоведческих исследований во имя священо-мученика Ириней Лионского. — URL: <http://iriney.ru/dolgozhiteli/%C2%ABsvideteli-iegovyi%C2%BB/novosti-o-svidetelyax-iegovyi/buryatiya-zablokirovala-dostup-k-sajtu-svidetelej-iegovyi.html> Материал: Бурятия заблокировала доступ к сайту «Свидетелей Иеговы». 17.09.2012 г. (дата обращения: 03.12.2023).

231. Центральная религиозная организация «Церковь Христиан веры евангельской» в Бурятии. — URL: www.hve-bur.ru (дата обращения: 13.06.2018).

232. Церковь «Слово жизни» г. Улан-Удэ. — URL: <http://www.woluu.ru> (дата обращения: 13.06.2018).

233. JW NEWS // ВКонтакте. — URL: http://vk.com/jw_ru (дата обращения: 13.06.2014).

Авторефераты и диссертации

234. Берман А. Г. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. Г. Берман. — Чебоксары, 2006. — 27 с.

235. Далецкая В. Ю. Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII–XIX вв.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. Ю. Далецкая. — Москва, 2005. — 24 с.

236. Желновакова М. Ф. Протестантские конфессии в Иркутском регионе в середине XIX — начале XXI в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М. Ф. Желновакова. — Иркутск, 2010. — 22 с.

237. Канатьева Н. С. Трансформация религиозного ландшафта старообрядчества и старого русского сектантства на территории нижневолжского фронта в XIX в.: диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Н. С. Канатьева. — Астрахань, 2023.

238. Кондакова (Зубакова) Н. С. Протестантизм на конфессиональном поле Забайкальского края: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Н. С. Кондакова. — Чита, 2010. — 23 с.

239. Крюков А. В. Религиозные секты на Кубани: становление, внутреннее развитие, взаимоотношения с государственными и общественными институтами (30-е гг. XIX в. — 1917 г.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. В. Крюков. — Краснодар, 2004. — 27 с.

Список информантов

Литвинов Михаил Юрьевич, протоиерей, в 2003–2007 гг. — руководитель Информационно-консультативного центра по вопросам сектантства и апологетики во имя Священномученика Ефрема.

Бимбаева Ольга Юндуновна, лидер незарегистрированной религиозной группы «Мать Мира Майтрейя», проживает и проповедует свое учение в г. Улан-Удэ.

Мусабаев Сергей Федусович, житель реабилитационного центра «Найдал – Надежда» христиан веры евангельской (харизматов) в г. Улан-Удэ.

Виталий (от использования полного имени отказался) — лидер незарегистрированной общины христиан веры евангельской, проживающих в поселке Баргалино Муйского района РБ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Основные понятия и термины, используемые в исследовании

Секта религиозная (лат. Secta — школа, путь, учение, направление) — один из типов религиозных объединений. В религиоведении и социологии религии секта религиозная рассматривается как оппозиционное течение по отношению к тем или иным религиозным направлениям. Существенные признаки сект религиозных, отличающие их от церкви, — неприятие мира, добровольное и сознательное вступление (обращение), отсутствие бюрократической организационной структуры, менее формализованные и более эмоциональные формы богослужения. Наряду с этими признаками секте религиозной свойственно стремление усовершенствовать или видоизменить некоторые положения вероучения или обрядовой практики «исторических религий» (М. Вебер). Со временем некоторые секты религиозные утрачивают типические для них черты. Отрицание или безразличие к миру уступает место принятию или поддержке существующих социальных порядков, «сознательное вступление» теряет свое прежнее значение, поскольку большинство членов общин рекрутируются из семей единоверцев и получают соответствующее воспитание с детства. Принимая во внимание эти и иные изменения в сектантских организациях, американский теолог Р. Нибур приходит к выводу, что секта религиозная существует не дольше жизни первого поколения ее последователей, во втором она становится уже чем-то другим, а именно деноминацией. Широкое распространение получило представление о религиозном сектантстве как форме социального протеста, свойственного всем народам на определенных стадиях их развития. Представители этой точки зрения рассматривали так называемое русское сектантство, главным образом, как совокупность народных религиозно-реформационных движений, которые относятся к началу нового периода русской истории, примерно к последней трети XVII в. Возникновение сектант-

ских объединений в последующие столетия связывается с особенностями экономического развития России, имущественным расслоением, пауперизацией различных слоев населения. В богословских трактовках природы сектантства основной упор делается на противоположность секты религиозной вероучению и обрядам господствующей церкви.

Кантеров И. Я. Секта религиозная // Религиоведение: энциклопедический словарь / И. В. Аверченко, А. С. Агаджанян, Л. А. Алексеев и др.; под редакцией А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — Москва: Академический проект, 2006. — С. 969.

Секта (религиозная) — отколовшаяся от основного или господствующего религиозного вероисповедания группа верующих, придерживающаяся своих взглядов и толкований его отдельных догматов, обрядов, поучений и т. п. Для С. характерна замкнутость, обособленность, претензии на исключительность своей роли и т. п. Термин не употребляется (кроме единичных случаев) в нормативных актах РФ. В принципе любая С. может в соответствии с ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. зарегистрироваться как религиозная организация или действовать как религиозная группа, если она не наносит вреда гражданам и обществу в целом. В 1990-е гг. в РФ была отмечена разрушительная роль некоторых религиозных С., именуемых криминологами как «тоталитарные». Статья 239 УК РФ устанавливает ответственность за создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к отказу от гражданских обязанностей или иным противоправным деянием, а равно руководство таким объединением, участие в его деятельности и пропаганду вышеуказанных идей.

Большой юридический словарь. — Изд. 2, перераб. и доп. / В. А. Бельов, В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова. — Москва: Инфра-М, 2001. — С. 704.

Тоталитарная секта — особая авторитарная организация, лидеры которой, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками. Тоталитарные секты прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов, используют цензуру информации, поступающей к их членам, прибегают и к другим неэтичным способам контроля над личностью, к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации. Таким образом, тоталитарные секты нарушают право человека на свободный информированный выбор мировоззрения и образа жизни»

Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. — Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2006. — С. 44–45.

Деструктивный культ, или деструктивная секта (англ. Destructivecult), — термин, используемый социологами, психологами, богословами и публицистами на Западе и в России по отношению к религиозным, неорелигиозным и другим группам и организациям, нанесящим вред обществу или своим членам (материальный, психологический или физический), а также подозреваемым в потенциальной опасности нанесения такого вреда.

Розетт Д. Определение и признаки культа / Центр апологетических исследований. — URL: <http://www.apologetika.ru/win/index.php3?razd=1&id1=41> (дата обращения: 13.06.2014).

Новое религиозное движение (НРД) — это религиозная или духовная группа, зародившаяся недавно или ещё не получившая общественного признания в качестве деноминации, церкви или религии. Термин «новое религиозное движение» охватывает широкий спектр движений, начиная с тех, которые основаны на новых под-

ходах к религии и духовности и предоставляют своим последователям свободное членство, и заканчивая общинными организациями, которые требуют от своих последователей значительного соответствия другим членам группы и социальной индивидуальности, что отделяет их от остальной части общества. Использование этого термина принято не всеми группами, к которым он применяется. Термин «новое религиозное движение» считается академическим и нейтрально окрашенным термином, он был введён в научный оборот во второй половине XX в. в противопоставление терминам «секта» и «культ». Принцип деления организаций на «новые» и «традиционные» (в хронологическом варианте) лёг в основу современного российского законодательства, хотя сам термин «новое религиозное движение» не имеет законодательного определения.

Новое религиозное движение / Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Новое_религиозное_движение

Деноминация (от лат. *denominatio* — «переименование») — промежуточная стадия развития молодой религии между сектой и церковью. По мнению И. Н. Яблокова, «деноминация может развиваться из других типов объединений или складываться с самого начала в качестве таковой. Ее идейные, культовые и организационные принципы формируются в оппозиции к церкви и секте. Сохраняя акцент на «избранности» членов, она признает возможность духовного возрождения для всякого верующего. Изоляция от «мира» и замкнутость внутри религиозной группы в отличие от секты не считается обязательным признаком «истинной» религиозности, хотя и выдвигается принцип постоянного и контролируемого членства. Наблюдается тенденция к соединению с «миром», последователи призываются к активному участию в жизни общества. Деноминации присуща четкая организация как по горизонтали, так и вертикали.

Основы религиоведения: учебник / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, М. П. Новиков и др.; под редакцией И. Н. Яблокова. — Москва: Высшая школа, 1994. — С. 61.

Краткие сведения об основных религиозных течениях, рассматриваемых в работе

Духоборцы (духоборы) — религиозное течение, вышедшее из православного христианства. Сформировалось как организованное течение в середине XVIII в., ориентировочно в 1750-х гг. Термин «духоборцы» появляется в документах примерно в 1780-х гг. Происхождение духоборческого течения неясно. Возможно, в нем заимствованы элементы учений «жидовствующих», а также квакеров, проповедовавших в 1740–1750 гг. в Харьковской губернии. Духоборцы ведут свое происхождение от «трех отроков»: Азарии, Анании и Мисаила, пострадавших «за веру». Один из первых духовных лидеров духоборцев — Силуян Колесников, был хорошо знаком с мистическими сочинениями. Духоборцами признаются некоторые христианские таинства (исповедь, причастие), а некоторые отвергаются (брак). Отсутствует почитание икон и уставов святых отцов. Основы духоборческого учения изложены в «Животной книге», состоящей из псалмов, стихов, вопросов и ответов. Книга существовала в виде устных преданий до того, как была записана В. Д. Бонч-Бруевичем в начале XX в.

Близко к квакерам предположение духоборцев о том, что бог пребывает духовно в душе каждого человека, а чувственно в природе. Христос воспринимается как обычный человек, одаренный божественным разумом. Таким образом, отрицается божественная сущность Христа. Священство отвергается, духовенство отсутствует. Божественное происхождение Библии признается, но одновременно с тем утверждается, что каждый человек должен брать из нее только то, что полезно для него.

Духоборчество зародилось в Екатеринославской губернии, затем в короткое время распространилось по Тамбовской, Харьковской, Саратовской, Пензенской, Астраханской, Воронежской губерниям, в Финляндии и Сибири. Сразу после своего образования ду-

хоборцы находились в мирных отношениях с властями, однако впоследствии подверглись преследованиям со стороны церковной и светской власти. По указу Александра I духоборцев освободили от преследований и переселили в степную местность в Мелитопольском уезде, с освобождением на 5 лет от податей и полным самоуправлением. Затем по указу Николая I в 1839 г. духоборцев депортировали в Ахалкалацкий уезд Грузии, причислив к особо вредным сектам. В июне 1895 г. духоборцы организовали близ Тифлиса демонстративное сожжение большого количества оружия. За это губернатор Тифлиса разрушил несколько духоборческих деревень.

В 1898–1899 гг. с разрешения Николая II и по приглашению близких по вере квакеров более семи тысяч духоборцев эмигрировали в США и Канаду. Впоследствии американско-канадские духоборцы распались на три группы: Православные духоборцы Канады, Общество независимых духоборцев и «свободники». В 1905 г. 200 духоборцев эмигрировали в Канаду из Якутии. В 1991 г. российские духоборцы провели съезд в г. Целина Ростовской области, на котором объединились в организацию «Союз духоборцев России». Общая численность духоборцев в мире на конец XX в. составляет около 100 тысяч, проживают в основном на юге России, в Грузии, Азербайджане, Украине, Средней Азии, США и Канаде.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 80–83.

Молокане (духовные христиане). Движение выделилось из духоборчества в 1760-х гг. и активно распространялись в центральных губерниях России в начале XIX в. Основателем молоканства считается бродячий портной Семен Уклеин. Указом Александра I от 1805 г. молоканам разрешалось исповедовать свою веру открыто, однако уже при Николае I их общины стали преследовать и переселять в отдаленные губернии. В отличие от духоборцев молокане признают Библию, которая ассоциируется у них с образом «духовного молока», которым кормится человек. Название течения самими молоками

нами объясняется словами из Первого соборного послания апостола Петра: «как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (1 Пет. 2:2). В общих чертах культовая практика молокан близка к евангельским протестантским течениям, в особенности к баптистам. Молокане признают Троицу, но считают, что Бог-сын и Святой дух, хотя и единосущны Богу-отцу, но в божественности не равны ему. Молокане считают, что одаренные Святым духом люди общаются непосредственно с Богом. Отвергается воинская служба и не даются клятвы. Верующим запрещено ходить в увеселительные и общественные заведения. Молокане отвергают некоторые христианские таинства, другие частично упрощают. Не признаются рукотворные храмы и образы, святые, отсутствует поклонение кресту, мощам святых, не совершается крестное знамение.

Богослужения совершаются в больших комнатах, называемых молоканами «горницами»; посередине комнаты ставится стол, по местам лавки, на которых справа садятся мужчины, слева женщины. Установлен определенный порядок в совершении молений общих и частных (на обряды брака, рождения, кончины). Молокане не допускают прямого разрыва с господствующей церковью и государством, при этом избегают исполнения законов, противоречащих Священному Писанию (военная служба, присяга и т. д.). Учение изложено в книге «Догматы молокан», где большое место уделяется предсказаниям скорого второго пришествия Христа и установления на Земле тысячелетнего царства божьего.

Вскоре после образования молоканство разделилось на многочисленные течения. Учение уклеинского толка считается у молокан ортодоксальным. Некоторые общины — прыгуны, постоянные, общие, постники, субботники (иудействующие), евангелические христиане — существуют и в настоящее время. В 1904 г. первая волна молоканской эмиграции, в основном из Закавказья, прибыла в Калифорнию (США). Переезд молокан и прыгунов в США продолжался до 1917 г., где они осели в основном в Аризоне и Калифорнии. Большое количество молокан в XIX в. эмигрировало в Турцию.

После 1917 г. молокане, эмигрировавшие в Турцию, по приглашению советских властей вернулись в Сальские степи на Дону, где построили 22 молочных завода. Молокане, жившие в США, находились в постоянном конфликте с американскими властями, поскольку отказывались от получения гражданства и службы в армии. В случае заключения молокан в американские тюрьмы общины осаждали места заключения, стоя на коленях и исполняя религиозные гимны. В 1924 г. советские молокане организовали Союз духовных христиан-молокан, просуществовавший до 1930-х гг.

В июне 1991 г. в Москве был провозглашен Союз общин духовных христиан-молокан. Печатный орган — журнал «Духовный христианин». Общая численность молокан на конец XX в. около 300 тысяч, рассеянных по всему миру, в основном в России (Краснодарский и Ставропольский край), США (Калифорния), Австралии, Армении, Мексике, Турции.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 138–140.

Субботники — движение, возникшее в конце XVII в. в среде крепостных крестьян центральных губерний России и выделившееся из молоканского течения. В основе вероучения субботников ветхозаветные принципы, сочетающиеся с иудаистской культовой практикой. Отрицается догмат о Троице, признается только ветхозаветное единобожие. Отвергается почитание икон, мощей святых и креста. Суббота считается праздничным днем. В богослужебной практике используются древнееврейские молитвы, переведенные на русский язык. К XIX в. субботничество широко распространилось в России и насчитывало не менее 30 тысяч приверженцев. В период царствования Николая I усилились репрессии против субботников. Многие приверженцы секты были приговорены к каторге, остальные выселены в Закавказье. Начиная с конца XIX — начала XX в. с жидовствующими субботниками объединяется часть молокан-субботников. К концу XX в. численность субботников оставалась

незначительной, они проживают в основном в центральных областях России и Закавказье.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 200–201.

Скопцы. Одна из сект духовного христианства. Основана в 1760-х гг. в Тамбовской губернии бывшими последователями христов (хлыстов) Андреем Ивановым и Кондратием Селивановым. В основе вероучения скопцов — идея физического подавления плоти в целях спасения, как правило, путем кастрации. По типу духовной организации скопцы схожи с христововерами. Каждая секта делится на «корабли», управляемые «кормчими». «Кормчему» помогает «кормщица», или «богородица». Молитвенные собрания скопцов, как и у хлыстов, называются «радениями», во время которых скопцы плясками и прыжками доводят себя до экстатического состояния. В 1772 г. Екатерина II издала указ о расследовании дела скопцов, в результате чего Кондратий Селиванов Иванов был сослан на каторгу в Нерчинск, а Иванову удалось скрыться. Под страхом репрессий большая часть сектантов эмигрировала в Румынию. В 1816 г. скопцы разделились на два течения. Одно из них начало подвергать вступивших в секту мужчин второй кастрации, полностью удаляя половые органы. Эта операция ими была названа «царской печатью» или «вторым крещением». Приверженцы второго течения считали «царскую печать» преступным действием и отказались ее применять. В 1871 г. среди скопцов произошел еще один раскол, вызванный неприятием основной части сектантов тех скопцов, которые приняли мирские обычаи. Среди скопцов выделяются девственники, которые заменяют физическое оскотление духовным, т. е. полным отказом от каких-либо действий и мыслей эротического характера. На конец XX в. численность скопцов, в основном «духовных», являлась незначительной, проживали они преимущественно на Украине.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 191–192.

Адвентизм. Течение в протестантизме, возникшее в 1830-х гг. в США. В католицизме, православии и ортодоксальном протестантизме адвентизм считается сектантским учением. Основатель течения Уильям Миллер, основываясь на пророческих книгах Библии, предсказывал второе пришествие Христа и последующий конец света сначала в 1843–1844 гг., а затем в 1847 г. Несмотря на провал обоих пророчеств учение о близком втором пришествии по-прежнему остается центральной идеей адвентизма. Библия является единственным источником данного вероучения. Организованное течение адвентистов создано в результате проведенного последователями У. Миллера в 1845 г. съезда в г. Олбани (штат Нью-Йорк), на котором была создана Ассоциация тысячелетнего пришествия и выработаны основные догматы адвентизма. Учение близко к баптизму, от которого сохранило водное крещение взрослых путем погружения и омовения ног. Согласно представлениям адвентистов мир будет уничтожен огнем, для верующих же будет создана обновленная земля. Второе пришествие будет сопровождаться воскресением праведников, а после тысячелетнего царства Христа воскреснут и неправедные. Для того чтобы заслужить царство, нужно вести праведную жизнь по библейским заповедям. В ходе споров по вопросам отдельных положений учения адвентисты раскололись на несколько течений. Самое крупное из них — Адвентисты седьмого дня (АСД), образовавшееся в 1844 г. в Нью-Гемпшире (США). Основой раскола адвентистов служило, как правило, соблюдение субботы или воскресения. В 1847 г. основана, а в 1888–1889 гг. официально признана созданная английскими иммигрантами Церковь Бога. В 1849 г. Д. Томасом из числа разочаровавшихся в идеях Миллера создана секта кристадельфиан. В 1860 г. в Сейлеме группа адвентистов, отвергнувшая учение о бессмертии души, основала Адвентистскую христианскую церковь. В результате отхода части верующих от этой церкви возникла так называемая Первозданная адвентистская христианская церковь.

В результате разногласий в адвентизме, возникших в связи с отношением к службе в армии в начале Первой мировой войны и

смертью лидеров АСД Еленой Уайт в 1926 г. в г. Готе (Германия), была создана организация адвентистов-реформистов. В России активная деятельность адвентистов началась в конце XIX — начале XX в. и продолжается до настоящего времени. В советский период деятельность адвентистов в России частично проводилась в подпольных условиях. Общее число адвентистов на конец XX века — около 4 миллионов человек.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 34.

Пятидесятничество. Течение в протестантизме, образованное официально 1 января 1901 г. в библейской школе в г. Топика (Канзас, США). Толчком к возникновению пятидесятничества явился случай, когда одна из учениц библейской школы внезапно заговорила на ранее не знакомом ей китайском языке. Основателем учения традиционно считают бывшего методистского священника Чарлза Фокса. К пятидесятничеству примкнул ряд известных общественных и политических деятелей, ранее придерживавшихся баптизма, методизма и квакерства. Пятидесятниками признается богодуховенность Библии, возможность мгновенного освящения человека, спасение путем обращения в веру. Общая с перфекционизмом идея пятидесятничества — возврат к раннему христианству. Разные пятидесятнические церкви зачастую заметно отличаются друг от друга, однако в целом все они приближаются к основам более ранних течений баптизма и методизма. Специфичная черта учения пятидесятников — вера в возможность крещения верующего Святым духом, в результате чего люди приобретают различные дары, прежде всего дар говорения на других языках (глоссолалия). Отсюда происходит и название течения — день Пятидесятницы, в который ученики Христа исполнились даром говорить на иных языках. С точки зрения пятидесятников, глоссолалия возникает обычно во время молитвы или созерцания. Фактически же все зафиксированные факты глоссолалии у пятидесятников представляют собой

набор неразборчивых экстатических звуков и не имеют никакого отношения к реальным иностранным языкам. Большая часть христианских конфессий отрицательно относится к глоссолалии. В 1928 г. решением Мировой фундаменталистской ассоциации пятидесятничество было отвергнуто как фанатичная секта, расходящаяся с положениями Священного писания. В 1944 г. Совет христианских церквей назвал глоссолалию отступлением от христианской веры. Однако пятидесятничество постоянно увеличивает число своих последователей. С 1970-х гг. число пятидесятников увеличилось в несколько раз, в результате чего учение превратилось в одно из наиболее распространенных постпротестантских течений, сравнимое по численности с лютеранством и баптизмом. Идея пятидесятничества о глоссолалии впоследствии проникла и в другие, более поздние, течения, прежде всего харизматические, которые еще называют неопятидесятническими. Пятидесятники делятся на большое количество различных конфессий, объединенных в пять основных групп: пятидесятники двух благословений, пятидесятники трех благословений, радикальные пятидесятники, апостольские пятидесятники, пятидесятники-унитарии. Общее число пятидесятников на конец XX в. (не считая харизматов) около 84 миллионов человек, преимущественно пятидесятники двух благословений (около 48 миллионов человек). Пятидесятничество распространено во всех странах мира, особенно много пятидесятников в Бразилии и США, где они признаны традиционными конфессиями.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 177–178.

Свидетели Иеговы (Общество Сторожевой Башни) — одно из поздних течений в протестантизме, основанное американским торговцем Чарлзом Тейзом Расселом на основе положений адвентизма. Вследствие некоторых особенностей вероисповедания считается сектантским и еретическим движением всеми христианскими конфессиями — католиками, православными и протестантами.

Первоначально представляло собой созданный в 1870 г. в городе Аллегейни (Пенсильвания, США) кружок по изучению Библии. В России Свидетели Иеговы впервые появились в 1891 г., когда Рассел посетил Одессу, где приобрел несколько последователей. В 1909 г. главный отдел общества был переведен в Бруклин (Нью-Йорк), где до настоящего времени находится штаб-квартира Свидетелей Иеговы. В 1914 г. Рассел впервые предсказывает наступление Армагеддона. Предсказание не сбылось. После смерти Рассела в 1916 г. общество возглавил Джозеф Рутерфорд, также дважды предсказавший конец света, так в итоге и не состоявшиеся. В 1931 г. Общество переименовано в организацию Свидетелей Иеговы. Название основано на изречении в книге Исаия 43:10–12. В 1930-х и 1940-х гг. многие Свидетели арестовывались за свою деятельность по пропаганде отказа от службы в армии. Для отстаивания своих убеждений оследователями учения велись судебные процессы. Только в США в результате обжалования решений судов низших инстанций Свидетели выиграли 43 процесса. Такие же благоприятные судебные решения были вынесены верховными судами ряда других стран. Преемником умершего в 1942 г. Д. Рутерфорда стал Н. Х. Норр. В 1943 г. им была основана школа для подготовки миссионеров — Библейская школа сторожевой башни Галаад. С тех пор окончившие эту школу Свидетели были посланы в более 140 стран мира, что позволило им распространиться по всему миру. Время от времени проводятся особые курсы для обучения старейшин собрания, добровольных работников филиалов и тех, кто полновременно (как пионеры) участвует в проповеднической деятельности. В 1977 г. Н. Х. Норр умер. В 1991 г. официальный филиал общества был создан в Москве. Свидетели Иеговы отрицают догмат о Троице, но признают все три ипостаси Троицы. Источником всей жизни считается Бог Иегова. Иисус Христос считается едиnorodным сыном верховного Бога, он единственный создан Иеговой непосредственно, все остальное сотворено через Христа. Отрицается божественная сущность Христа — он не является всемогущим богом и не равен Иегове. На Земле он был бы не богом, а всемогущим человеком.

Свидетели Иеговы верят в ангелов, подчиняющихся Христу, и демонов во главе с Сатаной. Отрицается существование ада, однако подробно разработано учение об Армагеддоне — глобальной войне, в ходе которой Христос с армией ангелов уничтожит всех неверующих. Руководители организации и религиозные авторитеты составляют «малое стадо» Иеговы, управляющих всей остальной паствой — «овцами». По убеждениям иеговистов, члены «малого стада» в момент смерти сразу воскресают и попадают в небесную часть царства божьего, где входят в Правительство Христа, второе пришествие которого на самом деле уже невидимо произошло. «Овцам» же обещана вечная жизнь в земном раю по окончании Армагеддона. Воскреснут и те, кто умер, не став иеговистом, но им предстоит пройти испытание. На вершине иерархической пирамиды стоит руководящая корпорация Верный и благоразумный раб (ВИБР), состоящая из 15 человек, которая объявлена «видимым посредником Господа на Земле». У иеговистов есть только один праздник — вечера поминания смерти Христа. На этом празднике верующие собираются после захода солнца. На столе должны быть пресный хлеб и сухое красное вино. Принимать эти символы могут только те, кто считает себя помазанным духом божьим. Остальные праздники запрещены. Центр организации свидетелей Иеговы расположен в Бруклине (Нью-Йорк). На конец XX в. среднее число Свидетелей Иеговы в мире превышает 5 миллионов человек (из них около 500 тысяч в России). Основные издания: «Сторожевая башня» (впервые издана в июле 1879 г.) и «Пробудитесь!» (с 2010 г. запрещены к распространению на территории РФ. — А. С.). Решением Верховного суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. религиозная организация «Управленческий центр «Свидетелей Иеговы» в России» признана экстремистской и ликвидирована, ее деятельность, а также деятельность 395 местных религиозных организаций Свидетелей Иеговы в субъектах Российской Федерации запрещена.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 185–187.

Бaptизм. Поздняя протестантская конфессия, вышедшая из среды английских пуритан. Бapтисты отвергают крещение младенцев, признавая только сознательное крещение взрослых людей по личной вере при наличии твёрдых христианских убеждений и отказа от греховного образа жизни. Как и другие протестанты, баптисты признают Библию в составе 66 книг Ветхого и Нового Завета Священным писанием, обладающим исключительным авторитетом в повседневной и религиозной жизни христиан. В практике церковной жизни баптисты придерживаются принципа всеобщего священства, а также самостоятельности и независимости каждой отдельной церковной общины (конгрегационализм). Пресвитер (пастор) общины не обладает абсолютной властью, а наиболее важные вопросы церковной общины решаются на церковных советах и общих собраниях верующих. Богослужения носят творческий характер и состоят из проповеди, пения (прославления) в сопровождении инструментальной музыки, импровизированных молитв (говорится своими словами), чтения духовных поэм и стихотворений. Главное еженедельное богослужение баптисты проводят в воскресенье, в будние дни могут организовываться дополнительные собрания, специально посвященные молитве, чтению, изучению и обсуждению Библии и т. п. Слово «баптист», обозначающее последователя баптизма, происходит от греческого слова «баптизо» и обозначает собой крещение или омовение через полное погружение в воду. Идея зарождения христиан-баптистов связана с евангельским учением о крещении. Баптисты считались в дореволюционной России и СССР сектантами, за что подвергались гонениям. Русская православная церковь до сих пор относит баптистов к сектам.

Таевский Д. А. Христианские ереси и секты I–XXI вв.: словарь. — Москва: Интрада, 2003. — С. 37–39.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I ХРИСТИАНСКИЕ СЕКТЫ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В 1830–1917 гг.	28
1.1 Христианские секты Западного Забайкалья в политико-правовом контексте Российской империи	28
1.2 Распространение христианских сект в Западном Забайкалье в первой половине XIX — начале XX в.	43
Глава II ХРИСТИАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В БМАССР В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	70
2.1 Политика Советского государства в отношении христианских сект	71
2.2 Деятельность христианских объединений в условиях светского государства	84
Глава III ХРИСТИАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БУРЯТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	111
3.1 Государственная конфессиональная политика Российской Федерации в отношении религиозных организаций	112
3.2 Неправославные христианские группы и организации в материалах периодической печати Республики Бурятия	129
3.3 Особенности деятельности христианских объединений на территории современной Бурятии	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
ЛИТЕРАТУРА	174
Приложение	197

Научное издание

Светлана Валерьевна Бураева, Александр Андреевич Савельев

Неправославные христианские деноминации в Бурятии: история и современность
Монография

Редактор *З. З. Арданова*
Дизайн обложки *Б. Ч. Карпушкеевой*
Компьютерная верстка *Ж. В. Галсановой*

Свидетельство государственной регистрации № 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 22.11.24. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 500. Заказ 138.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio@bsu.ru

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а